

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА

САВВА ИВАНОВ

Без дорог

Сканирование: [Ecce Homo](#)
Обработка: [krestik](#)

Путешествия Приключения Фантастика

САВВА ИВАНОВ

Без дорог

*географические
рассказы*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1958

Ходят в народе поговорки, предания, рассказы, сказы. Любит народ точную, выразительную, образную речь рассказчиков — людей бывалых и виды видавших.

Автор географических рассказов „Без дорог“, участник многих экспедиций в северные, малоисследованные районы нашей страны, в художественных очерках рассказывает о своих путешествиях, приключениях, о встречах с людьми, виды видавшими,— таежными охотниками, сплавщиками леса, с людьми, которые всю жизнь прожили в тайге и знают ее как свой дом. Во всех очерках люди со свойственными им привычками и особенностями проходят перед читателями на фоне природы и тесно с ней связаны.

Под редакцией Х. Н. ХЕРСОНСКОГО

Художник Д. Б. ЛИОН

НА СПЛАВЕ

Среди безбрежных лесов и всхолмленных бездорожных равнин Приуралья, в самой восточной части Коми, на правом берегу спокойной реки Печоры расположилось старейшее село Саввиноборское. Как и все долинные поселения, оно вытянулось в линейку вдоль реки на отвоеванной у леса земле. Окруженное со всех сторон лесами, оно могло бы еще столетия спокойно дремать вдалеке от дорог и городов со своим натуральным хозяйством и древними староверческими законами жизни. Но первый пятилетний план индустриализации круто повернул колесо истории. Стране нужен был лес, и Печора ожила. Пробуждение Печорского края наступало бурно и бесповоротно.

Волна за волной следовали на Север экспедиции. Вместе с ними тянулись переселенцы, изыскатели и строители. Они оседали на Печоре по ее притокам — на лесоразработках, строительстве Камо-Печорского канала, на изысканиях трасс для будущих железных и шоссейных дорог.

На Адзье в приполярье Урала был найден уголь. Исконные жители, комизыряне, чуждые староверческой религиозности, начали мечтать о будущих дорогах, фабриках и заводах. Комизырянская молодежь охотно знакомилась с пришлыми, внимательно присматривалась к невиданной раньше технике и, приобщаясь к новой социалистической культуре, выходила из повиновения старикам. Древний бытовой уклад староверов рушился. Старики же староверы косо смотрели на пришлых и поэтому еще строже следили за чистотой своих древних обрядов и двухперстных знамений.

Лес, лес и лес. Всюду лес — лес на корню, лес в штабелях, лес в плотках¹ и лотовках². В самом начале тридцатых годов лесоразработки велись круглый год. В западнях³ на притоках Печоры делалась сплотка⁴ и плоты угонялись в низовья. В начале июля наступала межень⁵. Печора от Усть-Шугора до Троицка мелела и становилась непригодной для сплава плотов и даже лотовок. А сплавлять лес модем⁶ не разрешалось, потому что в устье Печоры не было запани.

К этому времени переселенцы, «экспедиторы» и строители старались сплыть вниз к местам своих назначений на двух курсирующих по Печоре пароходах. Каюты и палубы были переполнены. А тот, кто не успевал примоститься на крыше или на ящиках и тюках у машинного отделения, сплывал на баржах или на купленных у староверов лодках. Драгоценного времени короткого приполярье лета никто терять не хотел. «Продвиг», как говорили «экспедиторы», был все. Стояние равносильно болезни.

Когда погоня за высокой водой прекращалась, наступал конец нашествиям на Печору. Между Шугором и Троицком воцарялось долгое затишье. Лесорубы, не торопясь, начинали готовить лес к сплаву будущего года, оставляя гнить на берегах кучи щепы, корья⁷ и опилок. Иногда, в конце июля или начале августа, от летних дождей наступал короткий паводок, и тогда берега очищались водой от ненужного хлама. Но вода быстро спадала.

Связь между селениями поддерживалась только лодочной почтой, служебные телеграммы «из центра» и «в центр» передавались устно по телефону.

Во второй половине июля 1931 года дожди зарядили надолго. Бесконечные леса подернулись серой завесой. Темные облака низко нависли над землей, то проливаясь ливнями, то морося мелким беспросветным «ситничком»⁸, от которого на сердце становится тоскливо и грустно. Белая приполярная ночь превратилась в серую и туманную. На берегу у Саввиноборского причала не было ни души. От непогоды все спрятались и целыми днями спали после шумной сплавной суеты. Даже тучи назойливых комаров и те попрятались от дождя. Только маленькая, недавно побеленная старинная церквушка со звонницей и голубыми куполами напоминала о том, что жизнь может пробудиться при первом ударе колокола.

Безудержный дождь и беспросветное небо сломили упорный труд сплавщиков. У самого берега, давно уже не дымя и без огней, стоял на обвисших чалках буксирный катерок. На берегу остались сваленные в груды концы стальных тросов вперемежку с толстым канатом. Почти на середине реки у отмели, которая тянулась с левого берега и песчаной косой уходила в воду, лежали обсохшие в межень многорядные плоты и лотовки. Их поверхность, то вспученная буграми, то вмятая, повторяла рельеф неровного песчаного дна. Только передние лотовки, чудом перескочившие через песчаный перекат, плавно покачивались на спокойной воде, будто хотели оторваться от зарытой в песок плотовой матки⁹ и уплыть по течению.

Сотни тысяч кубометров первосортного строевого соснового леса, с таким трудом спиленного и связанного в плоты, лежали неподвижным грузом, как мертвое тело. От бабок¹⁰, хватов¹¹ и воротов¹² с матки тянулись, провисая, канаты и тросы к сваям и воротам на берегу. Как ничтожен и жалок казался человек в бесплодных попытках сдвинуть с мели эту махину леса и направить вниз по течению.

Теперь уже никто не дежурил на плотях и на берегу — на все, как говорится, махнули рукой. Поэтому никто не обратил внимания на маленькую одинокую лодку доверху нагруженную ящиками, мешками и всяким экспедиционным скарбом. Слегка подгребая в корме единствен-

ным рулевым веслом, человек медленно плыл по течению, огибая неподвижный обсохший плот. Он откинул капюшон брезентового плаща, глубоко вздохнул и покачал головой.

— Ну и не повезло кому-то? Э-эх! Сколько леса обсохло! — проговорил он тихо и круто повернул лодку к Саввиноборскому берегу.

Причалить удалось только у церкви, где не было штабелей, канатов и лодок. Вытащив свою лодку на щебнистый берег и накатив на конец веревки большой валун, приезжий полез на косогор. Чавканье непролазной грязи под тяжелыми броднями¹³ и шум скатившихся в реку камней, разбудили в ближайшем доме зырянскую лайку. Она высунула из-под ворот белую с черным носом морду, лениво два-три раза тявкнула и исчезла.

Приезжий обошел ближние дома. Двери были запорты на засовы, окна плотно прикрыты ставнями. Кругом тишина. Зная, что не всякий старовер пустит к себе ночевать, приезжий пошел искать контору лесосплава. Телефонные провода привели к новой, только что срубленной половине дома, не успевшей почернеть от дождя и солнца. Приложив к глазам руку, приезжий подтянулся на носках к высокому окну и заглянул внутрь. Неожиданно соседнее окно чуть приоткрылось, из него просунулась громадная, заскорузлая, темная от загара, смолы и воды рука. Придержав за раму готовое открыться окно, человек из темноты глухо спросил:

— Ночевать что ли?

— Да. В Троицк за продуктами ездил, а теперь опять в лес. Вымок я. Обсушиться бы. А староверы ведь не впустят!

— Обождите малость!

Окно захлопнулось. Чувствуя, что тут ему не откажут, приезжий начал счищать прилипшую к бродням грязь. Наконец послышался стук отодвигаемого засова. Дверь со скрипом открылась и на пороге в вязаной фуфайке, широких галифе и белых носках, с наганом у пояса, появился милиционер.

— О-о! Товарищ милиционер! Опять мы с вами встретились! Помните вы помогли мне лодку с мели стащить? Вот и теперь выручайте — пообсохнуть надо. Легче в лесу с медведями в берлоге жить, чем тут на ночлег допроситься.

— Так-то оно так. Да только арестантская тут. И арестованный есть. Плоты на мель посадил и хотел бежать. Вот и держу до следствия.

— Ничего. Мне ведь не навек. Всего ночь одну.— И приезжий быстро зашагал к лодке за едой и постелью.

Вернувшись, он вошел в горницу, повесил на гвоздь свою трехстволку, снял намокшие ватник и бродни и с интересом осмотрел просторное помещение. Нехотя, потягиваясь и зевая, с печки слезла сторожиха и начала сапогом раздвигать заглохший самовар.

Новая половина дома была прирублена к старой, в которой жил хозяин старOVER. Широкие сени разделяли дом на две половины, вели в хлев и на пове́ть¹⁴, где лежало свежее душистое сено. Высокая до потолка переборка из неоструганного теса разделяла горницу на две комнаты. За переборкой была контора лесосплава, а «арестантская» в обычное время предназначалась для рабочих, которые приходили сюда со сплава погреться, обсохнуть и покурить. Вдоль стен протянулись широкие лавки, на них можно было не только сидеть, но и прилечь. В переднем углу, под засиженной мухами старинной иконой, стоял струганный стол. Маленькая, подвешенная к потолку керосиновая лампа тускло освещала голые стены и ситцевый полог над широкой двуспальной кроватью. От нагретой русской печки в комнате было жарко, душно. Глаза разъедал махорочный дым.

У края стола, в простенке между окнами, опустив голову на руки, сидел плотовый лоцман. Глаз его в темноте не было видно, но вся сгорбленная фигура и обгорелые, изжованные остатки длинных козьих ножек из завозной тамбовской махорки, которые он, очевидно, выкуривал одну за другой, при всем внешнем спокойствии выдавали внутреннюю напряженную борьбу и тревогу. Он не взглянул на вошедшего и, чуть приподняв голову, тихо выплюнул попавшую на язык махоринку. Мозолистые, заскорузлые босые ноги, как и его руки, говорили о постоянном физическом и тяжелом труде. Непокорные волосы русыми вихрами торчали в разные стороны. Огромные усы скрывали рот.

Временами, оторвав глаза от пола, он вглядывался сквозь запотелое стекло в серый туман ночи, прислушивался к шелесту дождя по крыше и, точно отмахнувшись от назойливых мыслей, опять опускал голову. Он старал-

ся понять неведомую причину помехи сплава. Впервые оплошав на доверенном ему государственном деле, искал и не мог найти выхода из трудного положения. Видно, он первый раз находился под арестом и не хотел и не мог с ним смириться. В ожидании развязки он не знал, к чему приложить свою силу, время тянулось медленно, и он сокрушал его куравом.

— Мир вам, и я к вам! — Приезжий подошел к столу и начал вытаскивать из мешка еду.— Что, товарищ лоцман, не повезло? Обсыхаешь?

Не отводя от пола глаз, лоцман глубоко затянулся и, цедя дым сквозь усы, глухо и сдавленно проговорил:

— Не бег я. Куда побежишь — леса кругом. Не такие плоты важивал по Каме. Кабы река знакома была, да не такая песчаная с перекатами — не быть бы греху. Вот она шестирядка-то, как в песок врезалась! И пароходом тащить пытали, и вóротами подтягивали. Грусть одна. Не по такой реке эдакие плоты гонять да в межень еще! — Лоцман тяжело вздохнул, сделал последнюю затяжку и встал со скамьи, чтобы бросить окурочок. Тут приезжий увидел его во весь рост. Было в лоцмане около двух метров. Сильное тело, выпуклая грудь, широченные во всю дверь плечи и особенно большие, в желваках, шершавые руки говорили о редкой физической силе.

«И такого арестовать? Запереть, лишить работы, движений, воздуха», — невольно подумал приезжий и тихо сказал:

— Не тужи, лоцман, что на Печору попал. Народ тут хороший, помогут. Лишь бы дожидечек шел посильнее да вода прибывала быстрее. А река реке рознь, хоть иные и в одну сторону текут. На одной реке глаз со струи не спускай, только нос успевай поворачивать. А не потрафишь — прощайся и с лодкой, и с жизнью... Да ты брось кисет-то, смотри всю избу новую прокоптил. Табаком горю не поможешь. Лучше чайку с сахаром-рафинадом выпей. К утру сверху может паводок придет. На Печоре так бывает.

— Это и мы, камские, знаем. Наша Кама в разных местах тоже не всегда бывает пригодна к сплаву. Иной плот река на поворотах о камни стукнет, по бревнушку разметает и модем вниз пустит. Но там мошь словить запанями можно, или в матушку-Волгу пойдет. А тут прямо в море полярное по бревну раскидает. Не моя вина,

что поздно сплавлять начал от Троицка. Ну, а как застрял да обсох с горя, конечно, хлебнул лишнего. Ведь один с таким лесом остался. Все товарищи впереди давно!

Последние слова он выкрикнул громко и отрывисто. Видно за самое живое была задета его лоцманская гордость. Он не мог примириться с чужим и своим промахом. На паводок оставалась единственная надежда.

Перевернув доньшком кверху опустевший стакан, он отодвинул его к ведерному самовару и, сгорбившись, опять начал свертывать козью ножку.

— А вы отколь будете, товарищ? Простите, задымлю опять.

— Из Москвы.

— Из самой Москвы? Да... Не бывал я там. Этим годом зимой собирался, да знать рассчитал плохо.— И, забыв зажечь спичку, он впервые посмотрел на приезжего. Из-под густых бровей, в упор, не моргая, точно из глубины души, просили о сочувствии чистые серые глаза. Они глядели открыто, просто. Но вспыхнула спичка, глаза скрылись за густыми бровями, и на лице появилась едва заметная горькая усмешка. Зажатая между пальцами козья ножка задымилась где-то над кудлатой головой. Огромные пальцы, плохо сгибаясь, расглаживали непокорный ус. Лоцман нравился незнакомцу, он чем-то притягивал к себе.

— Не кручинься, товарищ, может уплывешь еще. Дождь на пользу идет.

— Вот четвертые сутки сидит. Глаз не смыкает и только с одной лавки на другую пересаживается,— участливо проговорил милиционер и полез спать под полог на кровать.

Подложив под бок спальный мешок, приезжий разместился на лавке, и вскоре в горнице наступила тишина. Только лоцман курил одну за другой сигарки да изредка открывал окно и всматривался в серую пелену дождя, силясь увидеть покинутый плот.

Когда утром сторожиха слезла с печки и пошла доить корову, лоцман разбудил приезжего. За окном была все та же беспросветная дождливая погода. Все те же нависшие низко над лесом тяжелые тучи медленно уплывали на север. На пустынной улице, собирая стадо, пастух громко колотил в доску. Кое-где, прижимаясь к земле, из труб закрутился дымок.

За ночь Печора вздулась и помутнела. Пришлось приезжему натягивать бродни и лезть в воду,— валун и прижатая им веревка ушли в воду, а лодка вытянулась вдоль течения. Подтянув лодку к берегу, он взобрался на косогор и стал рассматривать реку и плот.

Наступивший паводок почти скрыл зарытые в песке бревна матки и выровнял шестирядки. Переднюю сплотку, более легкую, чем матка, течение свободно относило то в одну, то в другую сторону. Матка чуть подавалась ее движениям, готовая сорваться с песчаной отмели и уплыть. От бугров и вмятин на плоту не осталось следа, вода подняла все бревна. Только рулевое крепление матки крепко завязло в песке. Терять времени было нельзя, неуправляемый плот мог разбиться о берег. Приезжий быстро вернулся в контору.

— Ну, лоцман, идем к плоту, а не то без тебя уплывет,— тихо сказал он с порога, чтобы не разбудить милиционера.

— Не могу. Я под арестом,— простонал лоцман.

— Разрешения ждать — время терять. Пошли! Не сбежать собираемся? Хуже будет, если плоты размещает.

Махнув рукой на спящего милиционера, арестованный надел брезентовый плащ, меховые бахилы¹⁵ и пошел за приезжим на берег.

— Мать рѳдная! — невольно воскликнул лоцман, взглянув на реку. — Да ведь эта махина того гляди соскочит и уплывет. Людей, людей надо к сваям, к вѳртам, к бабкам! Только чуток к этому берегу подтянуться и тогда с мели соскочить можно. Э-эх! Людей бы поболее! Буди милиционера, пусть людей собирает. Упускать такую воду нельзя. — Лоцман был неузнаваем. В нем закипела энергия. — На плот надо! Хоть еще одной чалкой за сваю уцепиться.

Он подтянул к берегу первую попавшуюся лодку, схватил длинный шест и крикнул:

— Едем!

— Один плыви! Без милиции обойдемся. Я сам людей собирать буду. Ты костер на плоту разожги да концы приготовь — какие куда зацепить надо. Сделаешь все — крикни «есть!»

Приезжий, скользя и падая, взобрался на косогор, побежал к церкви, скрылся за ней и вновь появился на звон-

нице. Он ждал, вглядываясь в серую мглу. На земляном настиле матки вспыхнул костер. Над тихой Печорой разнеслось длинное протяжное «е-е-е-е-есть», и эхо замерло на другом берегу.

В то мгновение во влажном тумане серого утра гулко понеслись первые удары набата. Частые и резкие они звали на помощь, тревожно будили людей. Настойчивый зов поднимал всех без различия пола, веры и возраста. На помощь лоцману, как на стихийное бедствие, вышло все население. Громко судача на разных языках и размахивая руками, на берегу столпились женщины. Они показывали друг другу на плот, на костер и на одинокого человека. Надевая на ходу ватники и шапки, деловито шагали к лодкам мужчины с веслами, топорами, баграми. Недавно безлюдная улица и берег ожили.

Звон набата вдруг оборвался, и эхо его замерло вдали.

— На плоты! За чалки! — Раздалась команда со звонницы.

А ей на плотовой матке вторил спокойный и густой бас:

— Ко-о-о-онцы забирай! К во-ó-о-о-ро-о-там!

Над рекой с новой силой полился тревожный звон. И под его неугомонный гул, толкая друг друга, все — саввиноборские и пришлые — бросились исполнять приказания.

Развозя такелаж ¹⁶ по реке, быстро сновали лодки, и вскоре от матки к сваям и воротам протянулись канаты и тросы. У ворот столпились старики и подростки. Кто-то затянул песню, и все дружно, налегая грудью, начали поворачивать ваги ¹⁷. Канаты поднялись из воды и натянулись, как струны. На матке с треском сломалось рулевое управление, она закрипела и, плавно покачиваясь, с трудом оторвалась от песчаного дна. Поворачивать ворота становилось все легче и легче. Назойливый зов набата умолк. Костер на плоту угасал. Матка и лотовки, подчиняясь единому порыву сотен человеческих сил, спокойно вышли на глубокую воду. Теперь канаты и железные тросы крепко держали матку на воде.

Мокрые от дождя и мутной печорской воды люди весело расходились по домам. Только толпа стариков ста-

роверов в длинных по колено холщовых рубахах, утопая босыми ногами в грязи, сурово и медленно прошла к церковной звоннице.

С матки донеслось дружное:

— Э-эх! Взяли! Еще взяли! Тя-ни, бе-ри, бе-ри!

Это сплавщики выбирали и отдавали концы. За дружной работой наблюдал с косогора приезжий. Он смотрел на туго натянутые канаты, на длинное, ожившее тело плота и лотовок, готовых уплыть, как только снимут со свай последние петли. Серое небо было по-прежнему беспросветным. И все так же лил мелкий дождь, от которого некуда скрыться.

От матки отошла лодка и подчалаила к берегу. Из нее, кудлатый, мокрый и грязный, грузно выпрыгнул лоцман. Из-под нависших густых бровей на приезжего весело смотрели окруженные синяками от бессонных ночей глаза. Непокорный ус топорщился в сторону и на лице играла добродушная смешинка. Лоцман смеялся беззвучным, счастливым смехом и, не зная что сказать, смотрел на приезжего.

— Ну, теперь пошли чай пить,— сказал приезжий и зашагал к конторе.

— Нет, не время мне, товарищ, чаи распивать. С водой сплывать надо. Только вещи взять зайду.

На столе стоял приглушенный самовар. Сторожиha поджидала «жильцов». Она не знала русского языка, но вопрос приезжего — «где милиционер?» — поняла. Показав на вошедших, затем указала в разные стороны. Они поняли — милиционер пошел разыскивать их двоих.

Не теряя времени, лоцман достал из-под лавки свой самодельный деревянный сундук, вытащил из него бутылку с недопитой водкой и длинное расшитое красным узором полотенце.

— Разопьем на радостях, а?

— Нет. Себе оставь. Остынешь на воде — пригодится.

Лоцман помедлил.

— Прощайте, товарищ. Может когда еще придется встретиться!.. Спасибо! — И рука приезжего утонула в его огромной, заскорузлой руке.

Сбежав с крыльца, лоцман зашагал к реке. Он нес за спиной на полотенце деревянный сундучок. Скрылся под кручей берега, вынырнул на лодке у самого плота, взял

длинный шест и, повязав его красным кумачовым платком, поднял над маткой. На плоту и на берегу сплавщики отдали последние концы, и махина плота из драгоценного леса медленно поплыла вниз.

С откинутым капюшоном, без шапки, приезжий махал вслед плоту носовым платком. Из проулка, шлепая по грязи галошами, надетыми на белые шерстяные носки, вышел милиционер. За ним, в длинной рубашке, с медным крестом на груди, со свечами и деревянным ушатом шел церковный староста. Милиционер посмотрел на плот и потянулся к нагану.

— Товарищ, вы отпустили арестованного?

— Да, я.

— Вы подняли пожарную тревогу?

— Да. Паводок недалог!

— Так-то оно так, но вы пособничали побегу арестанта и совершили политическую ошибку — набатом осквернили старую веру и колокольню. Староверы требуют денег на новый колокол, а теперь будут мыть и святить звонницу с колоколами. Придется вас задержать. В конторе покажете документы.

Окруженные толпой любопытных, они вошли в контору. Милиционер с большим трудом поднял на стол сияющий медью бурлящий самовар и предложил садиться к столу.

А церковный староста, постояв в раздумье на берегу, медленно побрел к церкви омыwać и святить колокола и звонницу.

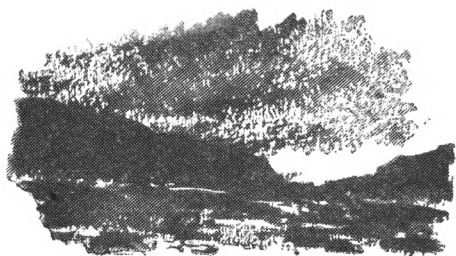
Новый арестант выложил на стол перед милиционером свои документы, открыл окно и, провожая еле заметный в серой завесе дождя кумачовый платок на плоту, задумался.

Милиционер с интересом рассматривал командировочное удостоверение. Дважды перечитав, он бережно сложил его и положил обратно на стол. Оно было выдано технику-топографу С. А. Карамышеву, и в нем перечислялись права и обязанности командированного. Ему разрешалось нанимать и рассчитывать рабочих, частично разбирать для установки геодезических инструментов каменные и деревянные здания, сооружать временные постройки и вышки, разрешалось и многое другое, о чем милиционер имел слабое представление. Да! Силен был в тридцатых годах «ВЫШГЕУПР». Так сокращенно на-

зывали Высшее геодезическое управление при ВСНХ СССР.

Приезжий взял удостоверение и вместе с другими документами убрал в полевую сумку.

— Правомочная у вас командировка,— сказал милиционер и, подумав, добавил,— не сбежите ведь? Езжайте по своим делам в лес, к медведям. Надо будет — вызовем. А пока давайте чайку попьем!

НЕПРИКОСНОВЕННЫЙ ЗАПАС

— Э-э-э-эй! Се-е-е-ма! Вода закипела, давай консервы. Куда ты там провалился? — крикнул проводник Алексей Саввич в темноту — туда, где по его расчету должен был находиться на реке у берега пыж¹.

Но ответа не было. Только северный сентябрьский ветер шумел на косогоре в зарослях полярной березки и сипло посвистывал в вершине сухой елки, задушенной космами лишайника.

Алексей Саввич прислушался к завыванию ветра, протянул к костру озябшие руки и, посмотрев на притихших товарищей, спросил:

— Что, ребята, трудно приходится? Ничего, подтяни ремешки потуже! Если на оленье стадо Лорга-Янги не набредем, еще голоднее будет. Только бы на Лаю вы-

браться, там вода высокая, вниз на Печору быстро сплавимся. Отъедаться дома будем.

И, постояв в раздумье, крикнул опять:

— Се-е-ема!

Но ответа снова не последовало.

— Придется самому за консервами к пыжу идти.

Саввич отошел от костра и сразу исчез в темноте под лапами еловой редины. Он был обут в мягкие из оленьего камыса² бахилы, и его шаги по песку не были слышны. «Ребята» сидели вокруг большого костра и в ожидании еды грелись, следя за взлетами искр.

Покрытая лесом долина небольшой речушки Юр-Яги — одного из правых притоков реки Лаи, впадающей в Печору выше селения Захар-Вани, — хорошо укрывала от порывистого осеннего ветра. В ней было теплей и уютней, чем на возвышенных косогорах и пологих склонах долины. Здесь, в лесотундре, редины низкорослых елей языками врезаются по долинам мелких рек в бугристую тундру и в них даже поздней осенью можно подстрелить отсталую от стаи утку, а в омутке или старице поймать щуку. Дрова из сухостойных елей хорошо разгораются и жарко горят в костре под дождем.

В долгие дни короткого приполярного лета отряд забрался по реке Юр-Яге далеко на север — в самое сердце Большеземельской тундры. Там провел топографические съемки оленьих пастбищ, озер и рек и, закончив работы, восьмые сутки сплывал вниз со всем своим скарбом. Продовольствие, взятое на два месяца, почти кончилось. В запасе еще оставались порох и дробь, но стрелять было не в кого. Гуси и утки, вырастив птенцов, улетели на юг. В запоздалую осеннюю межень³ рыба ушла из мелких рек. Следов диких оленей никто не встречал.

Оленеводы со своими стадами медленно продвигались со взморья к Печоре, но находились еще далеко. Отряд доедал последние остатки припасов, уцелевших благодаря жесткой экономии и обильному летом «подножному корму»⁴.

Ясные летние дни и солнечные полярные ночи сменила осенняя непроглядная тьма. Рабочий день, длинный летом, насколько хватало сил, стал осенью слишком коротким. Поэтому быстро пройденное за лето к верховью расстояние на обратном пути казалось нескончаемым и при голодном пайке поход стал изнурительным. Но что

поделаешь?! Отряд возглавляли энтузиасты покорения белых пятен на карте СССР — молодой инженер-геодезист Птахов и его помощник студент третьего курса Московского университета географ Сема. Оба до последнего вздоха были преданы своему делу, но еще малоопытны. В лесотундре и в тундре они работали впервые. Их юношеский пыл единодушно поддерживали проводники и охотники. Набранные на работу в отряд по государственной разнарядке из поселений Печоры — Усть-Цильмы, Усть-Усы, Кежмы и Захар-Вани — они быстро сплотились в дружный трудовой коллектив. Пожилые проводники и рабочие заботливо оберегали молодых советских специалистов первых лет первой пятилетки, а те, в свою очередь, приобщали к топографическим съемкам пятерых местных подростков.

— А-а! Вот ты где! Под брезентом! Что там лопаешь? Показывай! Мы голодные ждем его, а он тайком в одиночку консервы ест! Где твоя совесть? Давай банки для общего варева,— раздался из темноты зычный голос Алексея Саввича.

Порыв ветра отнес несвязные оправдания Семы. У костра послышались смешки и ругань.

Высокий, худощавый охотник, с седенькой клином бородкой, сидевший на корточках у костра, поднялся и плюнул в огонь. За необыкновенное умение выуживать больших щук на блесну, пользуясь самой обычной удочкой, его прозвали в отряде Иваном-Щукой. Молодежь с возмущением затараторила на своем певучем зырянском языке. Статный и сильный, несмотря на свои шестьдесят пять лет, охотник Марк поднялся с колоды и, погрозив подросткам кулаком, закурил козью ножку. Все с нетерпением ждали — что будет дальше.

Из темноты появился Алексей Саввич и показал Птахову наполовину пустую банку сгущенного молока.

— Посмотрите, чем питается Сема — вам и нам на здоровье!

Птахов молча покачал головой и повернулся в ту сторону, откуда рано или поздно должен был появиться Сема.

Тем временем готовился ужин. Две четырехстаграммовые банки консервов с бараниной и гречневой кашей были вскрыты охотничьим ножом, а содержимое всыпано в ведро с кипятком. Ведро этого водянистого хлеба на

тринадцать сильных взрослых людей, занятых все время нелегкой работой, конечно не слишком жирно! Марк принес в мешке остатки ржаных сухарей и кожаный кошель с сахаром. Каждый получил по сухарю толщиной в палец и по куску пиленого сахара. Две банки консервов на ведро воды, по куску сахара и по сухарю на человека выдавались дважды — утром и вечером — уже девятые сутки.

Бурду с чуть заметным наваром черпали из ведра кружками. В ней размачивали каленые, твердые, как камень, сухари и, смакуя, ели. Когда желудок наливался водой и появлялось ощущение наподобие сытости, «на третье» закусывали сахарком. Кто не чувствовал насыщения, тот пополнялся кипятком с заваркой чаги⁵. Чай давно кончился.

Ели молча без шуток и смеха, а Семы все не было. Рядом с его пустой кружкой стояла принесенная банка с остатками молока, а на ней лежал сухарь с куском сахара. Птахов, сидя под пологом на раскладушке, вычислял высоты в барожурнале и, не торопясь, между делом, поглощал свою порцию ужина.

Неслышно ступая по песку, наконец появился из темноты Сема. Он шел, заложив руки в карманы протертых до дыр ватных брюк. Во рту небрежно торчала папироска. Рукава накинутой на плечи кожанки свободно болтались. Под ней виднелась ковбойка в синюю и красную клетку с расстегнутым воротом. Держался он нарочито непринужденно. Но при кажущемся спокойствии, избегая пристальных взглядов товарищей, Сема не мог скрыть внутреннего волнения. Его руки слегка дрожали, когда он из закопченного чайника наливал в банку со сгущенным молоком заваренную чагу. Обмакнув сухарь, Сема подсел к Птахову на кровать.

— Э-эх, ты, шляпа! Говорил тебе, что неприкосновенный запас на людях не надо трогать,— прошипел ему в ухо Птахов и, повернувшись спиной к Семе, снова погрузился в вычисления.

— А что? Я свое ем. За неприкосновенный запас мной деньги уплачены. Он нам выдан. Как хотим, так им и распоряжаемся,— во всеуслышание заявил Сема.

— Дурак! — резко оборвал его Птахов и с досадой заерзал на походной кровати.

Сам Птахов тоже давно понемногу поедал свой неприкосновенный запас, но делал это тайком от всех. Сему же всегда обзывал дураком, когда тот давал в чем-нибудь маху.

О том, что было в неприкосновенном запасе, проводники и рабочие знали смутно. Иногда Сема угощал их душистыми папиросами «Норд». Или вдруг чай оказывался забеленным сгущенным молоком, или появлялся толстый полярный шоколад в серебристой обертке. Его тогда делили поровну, и каждый получал свою долю. А однажды после перетаскивания пыжа через мелкий пережат по пояс в холодной воде каждому было поднесено по полстопки крепкого коньяка. Продрогшие люди согрелись и не заболели. Но такие приятные сюрпризы случались редко. Все особенно любили рагу из сухих овощей и компот из сухих, но не раз подмоченных фруктов.

Теперь же, когда наступила голодовка, запрещение расходовать скрытый от всех в личном имуществе неприкосновенный запас казалось Семе особенно жестоким, оно никак не укладывалось у него в голове.

От костра послышался неуверенный голос Марка:

— Нам бы, товарищи начальники, за олениной к Ларга-Ягу послать кого-нибудь надо! Вечор со стороны Сёрчея выстрелы слышали! Там его пастбище. Смотрите, от собак одна кожа да кости остались, мышей ловить перестали, одни ягоды лопают.

— За олениной идти — значит день, два терять. Да еще найдете ли?! Последний пароход из Куи может уйти. Нам зимовать не положено и опаздывать на него нельзя, — отозвался Птахов.

— А зачем ходоков ждать? Мы потихоньку сплавляться будем, а они нас всегда на оленях догонят и перегонят. У Кома-вош обязательно встретимся.

— Так, пожалуй, можно. А кто пойдет? — согласился Птахов.

— Меж себя, стариков, жребий кинем. А из вас либо вам, либо Семену придется...

— Я не пойду, — наотрез отказался Птахов. — Пока сплывать будем, все вычисления закончу, а Семка из своих грязных блокнотов и после начисто все переписать может.

— Я готов! — не раздумывая ответил Сеня и, размахнувшись, бросил в темноту пустую банку.

Притихшая молодежь оживилась. В Семину засаленную кепку каждый положил свой приметный камешек, а маленький Рома должен был вытащить и отгадать чей. Запустив руку, он вытащил длинный, похожий на рыбу камень и показал на Ивана-Щуку. Все засмеялись — он угадал, камень был Ивана. Более подходящего ходока подобрать было трудно. Иван знал все озеро и отлично ориентировался в тундре.

— Я, так я, — охотно согласился Иван. — Пойдем, Сема, спозаранку. Припаси «неприкосновенного» денька на три, да прихвати ружье с патронами. Авось да небось, что-либо повстречается.

— Если раньше нас к устью Юр-Яги сплавите, то под столбом в банке записку оставьте. На Лае должны обязательно встретиться, — сказал Птахову Сема.

— Ну а теперь, ребята, спать, — скомандовал Марк и, завернувшись в совик⁶, надетый поверх малицы, полез в узкий проход большой и просторной палатки. Он был самым старым в отряде и всех называл ребятами.

Костер опустел. Сидя на еловых лапах и подперев руками голову, дремал дежурный. Сема докурил папироску, бросил окурочек в огонь и залез в спальный мешок.

Рядом с Птаховым на кровати лежала открытая полевая сумка. Из нее, поблескивая в тусклом отсвете костра, торчала серебряная обертка шоколада. Сема отвернулся от ее неприятного блеска, шумно зевнул и вскоре крепко заснул.

* *

*

Ветер быстро гнал на юг тяжелые, низкие, мрачные облака. В безжизненной побурелой лесотундре вихрем крутились столбы мелкого, как туман, дождя. На высоком правом берегу реки Лаи, в устье Юр-Яги, был врыт массивный деревянный столб — астрономический пункт. Столб поблескивал неживой белизной. Около него раздувалась от ветра с почерневшим от дождя пологом палатка. Голо, ветрено, неуютно было на высоком косогоре, но астрономам нужны далекие горизонты и огромный чистый звездный купол небесного свода.

По другую сторону Юр-Яги, где скопились груды необкатанной щебенки из пермских красно-бурых песчани-

ков⁷, стояла маленькая лодка. Неподалеку от нее на отлогом склоне белел тоненький столбик с надетой на вершинку консервной банкой. Это означало — почти нет. Большинство «экспедиторов», наверное, сплыли на Печору, а многие дожидались парохода в Архангельск уже в Кую.

В лодке, положив на колени рулевое весло, сидел Иван-Щука и беспокойно свертывал под дождем одну за другой сигарки. Он ерзал на корме маленького суденышка, без конца чиркал спичками, осматривался кругом, временами отплывал на середину реки и вновь возвращался.

А на берегу, по скользкой от дождя щебенке, в стоптанных дырявых сапогах широкими шагами полевого работника ходила старший географ экспедиции Муся. Ее сосредоточенный взгляд, руки стиснутые на груди на ремнях полевой сумки, резкие и порывистые движения выдавали тревогу. Иногда она останавливалась, всматривалась в серую беспросветную даль, прислушивалась и снова начинала ходить.

«Как непонятно все это! — думала Муся, — ведь прошло уже два дня, как все отряды с разных притоков соединились на Лае и дружно сплавились вниз. С тех пор как Сема расстался с Иваном-Щукой, прошло восемь дней, но Семы все не было. Где он мог пропадать?»

Сема мог прийти или приехать на оленях из тундры только к устью Юр-Яги. Иного пути ему не было. Муся терялась в догадках. В глубине души она не раз возмущалась поведением молодого географа. Физическая сила, упрямство и задор молодости в нем были сильнее рассудка. Сжигавшее его желание побольше увидеть и быстрее «покорять пространство и время», так увлекало Сему, что он порой забывал, что надо давать отдых себе, своим молодым рабочим и старому проводнику. Муся чувствовала, с Семой случилось что-то недоброе. Глубокое чувство товарищества, которое рождается у полеви-ков во время дружной работы, когда каждый чувствует сердцем и локтем товарища, особенно на необжитой и малонаселенной территории, подсказало ей — надо ждать. И она осталась ждать в покинутом всеми устье Юр-Яги.

Муся ждала два дня, но времени терять было нельзя, и на третий день она решила идти на поиски. Она знала,

что может отстать от товарищей и опоздать на последний пароход, знала, что трудовое полярное лето давно кончилось, помнила что дома, в Москве, ее ждали папа и мама, а на базе в Захар-Ване беспокоился муж. Но в трудных бездорожных условиях у полевых работников установился золотой обычай — отставших ждать до последней минуты. И если не возвращался хотя бы один, товарищи пускались на поиски.

Из расспросов Ивана-Щуки, который примчался с оленьей к устью Кома-вош на упряжке оленей и в сопровождении подпасака, Муся узнала, что Сема на два дня остался у оленеводов. Старший пастух, который продал оленину, обещал подвезти его на оленях прямо к устью Юр-Яги. Отосланный обратно подпасок неожиданно вернулся на другой день к Кома-вош и к вечеру на Юр-Яге нагнал отряд. От него узнали, что он не встретил своего оленьего стада, но по следам догадался, что случилось несчастье — олени бежали. Боясь заблудиться в открытой тундре, подпасок примкнул к отряду, с ним сплавился к устью Юр-Яги и оттуда направился вверх по Лае искать свое стадо. О Семе ничего больше не знали... Он пропадал неведомо где.

Для поисков Семы товарищи оставили Мусе лодку, небольшую палатку и часть своего продовольствия.

На многие километры кругом ни жилья, ни людей. Только в тундре можно было случайно набрести на оленеводов-кочевников.

Низко сгибаясь против сильного ветра, с трудом передвигая ноги по скользкой траве, Муся зашагала косогором вверх по Юр-Яге.

— Разложи у палатки большой костер и ожидай моего возвращения. Сема не может миновать устье Юр-Яги, — крикнула она Ивану-Щуке и скрылась за косогором в кустах полярной березки.

Вскоре серая пелена дождя закрыла от нее астрономический пункт и костер, пылавший на высоком крутом берегу. На север и северо-запад расстилалась безбрежная, поросшая низким кустарником заболоченная лесотундра. Идти в непогоду против ветра было невыносимо трудно — ноги проваливались в глубокие мочажины⁸ между буграми или приходилось широко шагать через высокие, чуть не по пояс кочки.

Не в силах бороться с ветром, Муся свернула к реке, спустилась по склону сквозь редины ельников и вышла на широкую пойму Юр-Яги. Тут идти было легче. Поросшие елями склоны укрывали от ветра, а под ногами была твердая земля и полегшая густая трава. В кустах ивняка Муся неожиданно набрела на пересохшую старицу с заиленным дном и стоячей темной, как нефть, водой. Муся решила ее обойти. Вдруг за кустами послышались всплески и странные хлопки. Муся остановилась и прислушалась. Всплески и хлопки повторились снова и снова. Затем донесся тяжелый вздох и придавленный храп.

— Э-э-э-эй! Кто там? — как можно громче крикнула Муся.

В ответ раздались все те же непонятные звуки. Любопытство заставило Мусю спуститься к самой воде. Раздвинув кусты ивняка и примяв их ногами, чтобы не завязнуть в густой трясине, Муся увидела на противоположном берегу человека в лохмотьях.

Человек лежал ничком, пытаясь выкарабкаться на берег. Его ноги, с поднятыми отворотами бахил, погружались в воду, а туловище лежало на кустах ивняка и судорожно дергалось. Руки под грудью что-то крепко прижимали к земле. Повернувшись лицом вниз, человек пытался кого-то схватить на земле зубами, тяжело дышал и храпел. Он с кем-то боролся. Видимо, борьба началась давно, еще в воде, и продолжалась у берега. Не отпуская друг друга, противники увязли в трясине и старались выбраться на свободу. Из ватника и изодранных в клочья стеганых брюк торчала вата. За кустами в стороне на берегу лежала полевая сумка и одноствольная централка с патронташем. Увлеченный борьбой и обессиленный человек не услышал оклика.

Муся обогнула старицу и наклонилась над затихшим в изнеможении человеком. Серая, протертая до дыр кожаная тужурка расстегнулась, из-под нее выбился воротник ковбойки в красную и синюю клетку. Женщина с трудом узнала окровавленное, заросшее усами и бородой лицо.

— Сема! — тихо позвала она и по-матерински положила ему на голову руку.

От неожиданного прикосновения тело Семы рванулось кверху и, прижимая к земле грудью добычу,

прогнулось на животе. Он поднял голову и ничего не видящими, подернутыми влагой глазами в упор долго смотрел Мусе в лицо. Наконец неудобное положение расслабило мускулы, он шумно выдохнул воздух и беззвучно ничком опять прижался к земле и замер.

Теперь Муся разглядела с кем боролся Сема. Он, не выпуская добычи, старался выбраться из трясины. Одной рукой стиснул под животом за жабры огромную щуку, а другой окровавленное горло маленького чирка. Щука была еще жива и беспомощно шлепала хвостом по вязкой трясине.

Положение Семы было тяжелым. В заросшей старице он набрел на добычу, но изнуренный долгим переходом и голодовкой увяз в илистом дне. Может быть эта старица стала бы последним его ночлегом. Обессиленный, он не мог вытащить ног. И кто знает, нашли бы когда-нибудь его труп в этой отдаленной и никому не нужной старице? Так близко от цели! Всего в трех километрах от устья Юр-Яги!

* *

*

Муся и Иван-Щука торопились сплыть вниз. Иван энергично налегал на весла. Муся легко управлялась на корме рулевым веслом. Неподвижное тело Семы лежало на дне лодки. Но Сема был жив. Крепкий организм брал свое, и силы возвращались не по дням, а по часам.

Сознание вернулось к Семе не сразу. Муся не могла одна справиться с полумертвым, как ей казалось, телом Семена и вырвать его ноги из вязкого дна. Она возвратилась к устью и приехала снова на лодке с Иваном-Щукой.

Сему с трудом втащили в палатку, раздели и завернули в спальный мешок. Иван-Щука растер спасенного спиртом. Но глаза Сема открыл только после того, как ему с трудом раздвинули ложкой зубы и влили в рот живительного коньяка. Юноша долго полусонными глазами осматривал палатку, увидел Мусю и тихо попросил пить. Выпив две кружки крепкого, приторно-сладкого чая с добавкой коньяка и сгущенного молока, Сема попросил есть. Но вместо еды он увидел под носом Мусин кулак. Кулак был маленький, в потертой кожаной перчатке. Сема схватил его и пожал. Сразу наесться после голо-

довки нельзя — есть надо сладкое и, постепенно разнообразя еду, увеличивать порцию — «въедаться в норму». Неподходящая пища да еще в большом количестве может оказаться после голодовки смертельной. Сема знал это и с трудом сдерживал страшное желание есть.

Не в силах двигаться, он лежа наблюдал, как Иван чистил огромную щуку, как варили из нее уху с засыпкой пшена и горсткой сухой моркови, как уха разливалась по мискам и Иван, смакуя, обсасывал кости щучьей головы. Семе было приятно, что и он наконец смог угостить пожилого охотника, который все лето снабжал отряд рыбой. Ему тоже захотелось свежей душистой ухи, и он попробовал сесть, но тут же повалился на бок — от истощения кружилась голова.

Сутки Сема отлеживался в палатке, дремал, просыпался и, немного поев, опять засыпал. Короткие перемены между сном и едой спутали время; серый, короткий день казался бесконечно повторяющимся утром, темные ночи — долгими вечерами. Сема совсем потерял чувство времени и как только просыпался, будь то днем или ночью, просил есть и пить.

Ждать пока Сема полностью восстановит силы в покинутом всеми устье Юр-Яги не было смысла и Муся решила сплывать. Иван-Щука помог Семе спуститься с откоса и уложил его в лодку. В лодке юноша снова спал, молча ел, тревожно просыпался и, поев, засыпал.

Лежа на спине в лодке, Сема провожал бегущие над головой облака, рассматривал берега и упорно молчал, как провинившийся мальчишка, который еще не сознался в своем проступке.

Как-то, после очередной порции чая с печеньем, он сидел облокотившись на вьючные ящики и задумчиво разглядывал берега. Положив поперек лодки кормовое весло, Муся тихо спросила его:

— Сема, вы все помните, что с вами случилось? Почему вы молчите? Почему не расскажете?

Сема как-то странно посмотрел на нее.

— Муся, почему бегут олени? Бегут стремглав, не разбирая дороги. Целыми стадами бегут, лавиной! Я думаю, думаю об этом давно и не могу объяснить. Помнится, где-то читал, что от гнуса — комаров и мошки. Но осенью гнуса нет. А олени бежали! Бежали безудержно, напрямиком, в сторону Медвежьих озер.

— Не знаю, Сема.

— У Ларга-Яги олени побегут, когда он захочет. Он старый и хитрый оленевод,— неожиданно вмешался в разговор Иван-Щука,— на лучшие пастбища первым приходит. Ягель медленно подрастает, а у него олени всегда в теле, сытые и здоровые. В пастухах трех сынов держит и троих еще нанимает. Боятся они его пуще самоедских шаманов. Своими большими стадами он управляет так, как никто из зырян. У него чуть не две тысячи оленей. Только и живет ими.

— Да, такой не скоро в колхоз вступит. Разве что в председатели согласится? — засмеялся Сема.

— Ну! Рассказывайте все, что с вами случилось.

— Я не все понимаю, Муся. Но думаю, что причиной всему был безудержный бег оленей.

Сеня задумался и посмотрел на Ивана-Щуку. Но тот молчал и, повернув лицо в сторону, сильнее налегал на весла.

— Мне трудно собраться с мыслями, я потерял счет времени. Попытаюсь все же рассказать по порядку. Мне очень захотелось прожить у оленеводов несколько дней. Старший пастух обещал подвести меня к устью Юр-Яги. Ларга-Яги я так и не видел. Вечером к старшему пастуху в гости пришли другие пастухи и подпаски. Меня вдоволь накормили оленьей. За многие дни я впервые был сыт и после беседы о далекой Москве и еще многом другом крепко заснул.

Утром проснулся от необычного шума и сразу вскочил на ноги. Чум надо мной разбирали. Сквозь оставшиеся жерди я увидел движущуюся серую массу стада. Олени безудержно устремились лавиной на северо-запад. Упряжку оленей с нартами пастухи едва сдерживали на месте — упряжка, точно из страха перед неведомой опасностью, рвалась вдаль за всем стадом. Я понял, что случилось несчастье и может быть буду полезен? Как только последние жерди были привязаны к нартам, я не мешкая, вскочил с пастухом наверх.

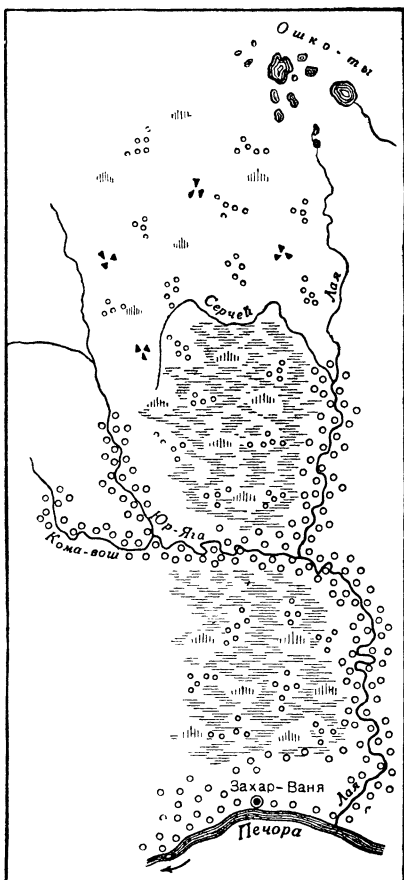
Наша упряжка с грузом бежала не так быстро, как стадо. Постепенно отставая, мы все же упорно следовали за ним, удаляясь в противоположную сторону от Кома-вош и Юр-Яги. Я увлекся погоней за стадом и только к вечеру понял, что совершил ужасную глупость.

Олени бежали быстро и расстояние между мною и устьем Юр-Яги все увеличивалось.

Погоню прекратили поздно вечером. Уже в темноте, не расставляя чума, на ходыре⁹ разожгли костер. Меня снова вдоволь накормили, правда за плату, вареной олениной, и спать мы легли под открытым небом на оленьих шкурах. Хлеба и сухарей у пастухов не было, припасы остались где-то на других нартах. Собаки убежали за стадом. А ночью, сквозь сон, я слышал отдаленный волчий вой. На верное, оленей преследовала стая голодных волков.

Проснулся я поздно, когда рассвело, и увидел, что остался один с нартами, груженными чумом. Пастуха и оленей не было. Около заглохшего костра лежало мое ружье и на сухих ветках полярной березки большой кусок вареной оленины. Пастух, видно, торопился за стадом, решив догнать его налегке, он бросил чум и оставил меня одного.

Нам явно было не по пути, и я оказался обузой. Всматриваясь в ту сторону, куда вчера убегало оленьё стадо, я не мог разглядеть ничего: всюду была пустынная, белесая от ягеля тундра. Я не надеялся на скорое возвращение оленеводов за санями — стадо могло бежать несколько дней. Времени терять было нельзя, и я решил один пробираться прямо к устью Юр-Яги. Я по-

думал, что Кома-вош все, наверное, уже проплыли. Но я все же подождал оленеводов часа три.

Голос Семы ослаб, во рту у него пересохло. Он передохнул и продолжал после новой порции чая.

— Да... Оленье стадо догнать не легко и кто знает, где и когда оно будет задержано. За оставленным скарбом могли приехать и неделю, и две спустя. Ждать было бессмысленно, тем более что оленины у меня оставалось всего на несколько дней.

Разрезая на куски и складывая в вещевой мешок вареную мочалистую оленину, я думал о том, где я нахожусь и куда идти? По расчетам выходило так, что я оказался на равных расстояниях от устья Юр-Яги и Кома-вош, но отряд, наверное, проплыл и мне оставался один путь — на устье Юр-Яги. Там должны были меня ждать. В развилке двух рек я не мог заблудиться и при любых условиях должен был выйти: либо на Лаю, либо на Юр-Ягу.

Осмотревшись в последний раз кругом, я выбрал по компасу направление и тронулся в путь. Погода благоприятствовала. Ветер дул с севера, почти в спину, и помогал взбираться на невысокие бугры, с которых горизонт сразу расширялся, уходя в синеватые дали. Низкие облака, между которыми проглядывало осеннее небо и холодное солнце, быстро летели на юг. На полярной березке кое-где бурела уцелевшая от ветра листва и резко бросалась в глаза на фоне бледно-зеленого ягеля. С приземистых берез, с тонкими перевитыми стволами, листва давно опала и приятно шуршала под ногами на ходырях. Мне думалось, что если потороплюсь, через день-два буду в устье Юр-Яги и встречу с отрядом. Мясо я ел второпях, на ходу, запивая из ерсеев¹⁰ холодной, как лед, водой.

Все было хорошо первые два дня, пока я двигался в одном направлении по сухой пятнистой лишайниковой тундре. К вечеру второго дня почувствовал, что ошибся в расстоянии и, осмотревшись кругом, решил приберечь последний кусок мяса. Идти на юго-восток по выбранному направлению становилось все трудней. Сухие возвышенные ходыреи встречались реже и реже. Мне приходилось огибать длинные, извилистые ерсеи и глубокие, заросшие ярко-зеленым сфагновым мхом¹¹ западины между буграми и грядами. В вершинках мелких ручьев я не

раз пересекал небольшие болотца с кочками и сухой осокой. Стоя и балансируя на кочке и выбирая место, где можно поставить ногу на твердую точку, я часто проваливался по пояс в холодную и студенистую массу из смеси перегнивших остатков мхов и едва оттаившей сверху мерзлоты. Холода и заморозки начались давно. Мокрые ноги вечером и сырая обувь утром мне стали не в диковинку. Не мешкая вечером у костра, я привык сразу ложиться спать, а по утру, не разжигая огня, быстро шагать под ветром, согреваясь и обсыхая на ходу.

В довершение ко всему я не взял спичек, и каждый костерчик, а это были именно костерчики, — чуть побольше дымокура¹², стоил мне многих капсюль и пороха, день-знаков и добрых клочков ваты из брюк и ватной куртки. Для большого костра нужны дрова, а у меня не было топора. В конце концов я перестал обращать внимание на места ночлега и ночевал там, где меня настигали вечерние сумерки, лишь выбирая местечко посуше. Спал всегда тревожно.

Сухая открытая тундра сменилась травянистой. Кое-где маячили редкие куртины¹³ низкорослых, увитых седым лишайником елей. Я понял, что попал в лесотундру. Но сколько пришлось мне сделать лишних крюков и поворотов, огибая ерсеи и зыбкие, провальные топи?! К вечеру уже третьего дня я измучился. А главное — неизвестность и одиночество.

Сема снова остановился и, что-то припоминая, тяжело вздохнул.

— Если б вы только знали, как надоело таскать ненужное ружье! Как мешало оно пробираться сквозь заросли березки и ивняка! Я брал его наперевес, вешал то на правое, то на левое плечо, то на шею, то закидывал за спину. Нужно летом и ранней осенью, оно стало совершенно лишним теперь — ведь стрелять не в кого. Наконец оно стало казаться мне таким тяжелым, что если бы не огонь, который я добывал при его помощи вечером, я, наверно, расстался бы с ружьем. Вместе с огнем, который я бережно хранил до утра в долгую осеннюю ночь, во мне снова пробуждалось желание идти. Покорять пространство и время стало вопросом жизни, и утром, голодный, бодрясь, съев всего два маленьких кусочка шоколада, я снова упорно трогался в путь. Снова обходил западины. Снова тонкий сатин на ватных

брюках и куртке рвался о жесткие ветки полярной березки. Из дыр тянулась вата и оставалась на ветках. Кожанка, потертая и исцарапанная, лишь сверху едва прикрывала ватную куртку. На коленях от брюк вскоре не осталось и следа. Поднимая отвороты бахил, я прикрывал царапины на голом теле. Но идти с поднятыми отворотами было трудней. Шаг становился медленней. От голода кружилась голова, и я часто присаживался на гряды уплотненной торфянистой момги¹⁴.

Чтобы чем-то приглушить голод, я свертывал из махорки сигарки. Пересыпал из патрона в патрон большую часть пороха, вставлял капсюль и сверх войлочного пыжа забивал патрон бумагой, мохом и ватой. На бугорке укладывал тонкие сухие прутья с мохом в маленькую кучку и, отойдя на шаг или два, стрелял в нее холостым зарядом. Бумага, вата, мох начинали чадить, я раздувал огонек и закуривал. Такие перекуры вместо еды не прибавляли сил.

Я предчувствовал, что скоро лишусь последнего удовольствия — теплой кружки воды на долгую ночь, которой я наливал желудок, чтобы почувствовать тяжесть в нем и ненадолго уснуть. Хорошо, что воды кругом было много. Днем я ее ненавидел и проклинал, а вечером она согревала не только желудок, но и душу.

Силиясь еще что-то припомнить, Сема остановился.

— Простите, я давно ничего не писал в дневнике — с тех пор, как пришел к той старице. Мне трудно припомнить числа и дни. Прошло ведь не больше недели, но мне она показалась месяцем, если не больше. Сколько же можно идти и не спать?!

— Разрешите начать с конца? В обратном порядке кое-что легче припомнить. Сегодня мы третий день сплавляемся вниз, половину дня и сутки я пробыл с вами в палатке. Значит, четверо суток прошло с тех пор, как я снова вернулся к жизни и людям. А перед тем... Кажется, ночь или две я пытался вылезти из заболоченной старицы. Не знаю...

— Что? Двое суток! — с удивлением переспросила Муся. А мы двое суток ждали вас в устье.

Иван-Щука перестал грести и покачал головой.

— Не из всякой, брат, лужи вылезти можно! Они у нас тут особые, мерзлотными их по-научному прозывают. — И он с силой налег на весла.

— Значит, семь с половиной дней шел я до старицы... Из них почти четыре дня без еды, но с водой и шоколадом.

К вечеру седьмого дня, еле волоча ноги, я набрел на старую Печорску воргу¹⁵. Оглядевшись, я заметил впереди высокую обтесанную со всех сторон до густой курчавой верхушки ель. Одна-одинешенька торчала над своими приземистыми соседками и заманчиво манила пушистой верхушкой. Такие ели обтесываются оленеводами и указывают направление оленьих ворг и охотничьих троп, которые ведут к местам переправы на реках. Заболоченная равнина заметно понижалась к югу, стало значительно суше. По чистой ворге идти было легче, и я понял, что спускаюсь к долине Юр-Яги. Но и эту ночь пришлось коротать в редком ельнике в шалаше из еловых лап. Осеннее время в этих краях всегда дождливо, и с вечера пошел мелкий назойливый дождь. Предчувствуя скорый конец одинокому странствию и боясь сбиться ночью с ворг, я не рискнул идти дальше и с наслаждением залез в свой шалаш.

Рассвет дождливого серого утра застал меня уже в пути. Я старался идти как можно быстрее, и ветер мне по-прежнему помогал, дуя в спину. Не задерживаясь, на ходу, я пытался возможно дольше продлить удовольствие и клал в рот маленькие кусочки от обычной порции шоколада. Но они так быстро таяли во рту! Прошло не больше пяти часов, и наконец изодранный и насквозь мокрый, я вышел к знакомой и долгожданной Юр-Яге. Пространство было покорено. Но время?! Наверно, я опоздал...

Я не стал переходить реку вброд и отправился левым берегом вниз по течению. До устья оставалось всего пять-шесть километров. Но силы иссякали с каждой минутой. Ноги путались в высокой траве. Рваные ватные брюки не грели. Чуть не сбивая с ног, ветер проникал во все дыры, и я замерзал. Я не шел, а плелся, часто садился.

В одну из таких передышек мне страшно захотелось курить и тут я обнаружил, что из восемнадцати заряженных порохов гильз осталось две и обе заряжены пулями. Капсюль в запасе оставалось около десятка. О закурке не приходилось и думать. Надо было во что бы то ни стало идти, тащиться, ползти на четвереньках — дви-

гаться всеми способами, чтобы не замерзнуть! Но сил уже почти не было. Иногда мне хотелось вскарабкаться на косогор, разложить большой костер и ждать. Ждать, что меня начнут искать, и дым привлечет внимание. Я чувствовал, что близка Лая, а там не может не быть людей наших или других.

Сема вдруг замолчал. Уголки губ растянулись в кривую улыбку, плечи дрогнули, он задышал шумно, прерывисто и, скрывая волнение, отвернулся.

— Что же было дальше? — спросила Муся.

— Не дальше, а раньше, — тихо ответил, не глядя ей в глаза, Сема, — мне вспомнился «неприкосновенный запас». Когда-то я ел его тайком от других. А голодали мы все. Должно быть, я потерял доверие товарищей. Я боялся теперь, что они меня не будут ждать в устье Юр-Яги. Но я надеялся еще встретить каких-нибудь людей, с которыми можно сплавиться вниз на Печору. Я знал, что там меня при всех условиях с нетерпением ожидают. Отбросив мысль о костре, разжечь который было много труднее, чем двигаться, я поднимался и шел. Никогда не думал, что последние, считанные километры пути придется покорять так медленно и с таким ужасным трудом! Люди, люди! Где они?! Я на всем свете был один. И не шоколад поддерживал мои силы, а люди, от которых теперь зависела моя жизнь, они были «неприкосновенным запасом». Спасибо вам, Муся!

Сема не мог говорить и с трудом удержал рыдание. Прошло несколько минут тяжелого, напряженного молчания. Юноша оправился от нахлынувших чувств и продолжал.

— Последний день был каким-то кошмаром. Я перестал замечать окружающее, а в голове неотступно вертелось одно — идти вперед, идти любым способом! Двигаться! Двигаться хоть на четвереньках! То же неимоверное желание охватило меня позже в вязкой старице. Там мне казалось, что я иду по-прежнему, двигаюсь, но, оглянувшись, узнавал те же кусты совсем рядом со мной.

Однажды, присев, я услышал со стороны густой поросли ивняка всплески и тихое хлопанье крыльев. Птица или рыба? Надо попытаться добыть себе настоящий обед! — пронеслось у меня в голове и, прячась в кустах, я стал обходить старицу. Под крутым косогором кусты поредели, и я увидел на середине узенькой старицы оди-

ногого чирка. Он тревожно поворачивал голову и тихонько махал ослабевшими крыльями, пытаясь подняться в воздух. Это меня удивило. Присмотревшись к чирку, я заметил, что хвост его погружен в воду глубже, чем грудь, и птица не может вытащить из воды своих лапок.

В одну из гильз я всыпал на место пули дробь и зарядил ружье. Чирок продолжал спокойно сидеть на воде. У меня было достаточно времени, чтобы выстрелить наверняка. Чирок! Какой обед! Но как только я прицелился, оперевшись ружьем на ветку сухого куста, сзади чирка мелькнуло что-то серебристо-белое и шлепнуло по воде. Чирок медленно и вяло захлопал крыльями и, вместо того чтобы взлететь, начал медленно удаляться от меня в другой конец старицы, подталкиваемый кем-то из воды сзади.

Любпытство взяло верх, и я не стал нажимать на спуск. Стараясь не шуметь, пригибаясь к земле, почти ползком, я подкрался к кустам, где притаился несчастный чирок. Оставив на берегу полевую сумку и заряженное ружье с патронташами, чтобы они не мешали мне пробираться в кустах на четвереньках, я с трудом приблизился к воде. В трех шагах от меня, под нависшими ветками ивняка, медленно шевелила плавниками огромная, чуть не в метр длиной щука. В ее разинутой пасти скрывались хвост и ноги чирка. Чирок мешал щуке быстро плыть, а та крепко держала его за хвост и ноги в воде, не давая взлететь.

Она заглатывала его, как удав, постепенно. И тогда я понял, что чирок и щука будут моими. Я заранее предвкушал наслаждение, с каким сварю и съем — сначала чирка, а щукой буду питаться еще несколько дней в устье Юр-Яги на Лае.

В темной воде заиленной старицы не было видно дна, берега были топкие, и я опасался увязнуть или с головой окунуться в холодную воду. Я боялся озябнуть до костей, у меня ведь мерзли пока только ноги выше колен, а туловище под ватником и кожанкой, влажное, как в компрессе, сохраняло тепло. И я нашел простой способ — кинул комок липкой грязи. Он упал позади щуки. Чирок хлопнул крылом, и щука почти вплотную приплыла к кустам.

Еще мгновение, и я, как ястерб, сделал рывок. Левая рука крепко схватила чирка за шею, а правая впилась

в жабры щуки. Но рыба оказалась сильнее меня и чуть не вырвалась из моих ослабевших рук. Стараясь выкинуть ее на берег, я поскользнулся на мокрых ивовых прутьях и мои ноги съехали в приглубый¹⁶, вязкий берег и с него в холодную воду. Ухнув в нее выше колен, я продолжал бороться со щукой, прижимая ее и чирка к груди.

А между тем ноги все глубже уходили в вязкое дно. За поднятые отвороты бахил потекла вода. Тяжелые, налитые водой бахилы тянули вниз, и вязкое дно не давало сделать к берегу ни шагу. Подняв над головой свою добычу, я из последних сил сделал рывок. Но ноги остались в воде.

В это время стемнело, и я осознал весь трагизм своего положения. Чем я был лучше того чирка, который торчал из щучьей пасти? И чем я был лучше той щуки, которая извивалась в моих красных от холода и стиснутых судорогой пальцах? Так же как щука не могла расстаться с чирком, так и я барахтался в старице, не желая расстаться с долгожданной добычей.

На мое счастье, ночью продолжал идти мелкий дождь, и старица не покрылась к утру льдом. Щука и чирок были живы. С трудом, в темноте, вытащив из пасти щуки чирка, я ткнул рыбу мордой в вязкую грязь на берегу. Я надеялся, что мне все-таки удастся как-нибудь вытащить ноги. В эту последнюю ночь, утомленный, замерзая, чуть не по пояс в холодной воде, я не спал, а как-то забывался и вздрагивал при каждом ударе щучьего хвоста о ветки и липкую грязь. Как медленно, нескончаемо долго тянулась темная, дождливая ночь! Я все еще продолжал бороться со щукой.

Точно что-то скрывая, Сема остановился, сгорбился и сжался, но, прикрыв рукой глаза, продолжал:

— Серое и холодное утро застало меня в прежнем положении. Я был с добычей, но один на всем белом свете. И в это утро я не съел обычной порции шоколада. Он лежал на берегу в полевой сумке рядом с ружьем. Не в силах больше терпеть мук голода я сделал то, на что не решился бы никогда! Муся, я перегрыз зубами чирку горло и выпил несколько глотков крови. Я слышал, что оленеводы пьют кровь оленей и тем спасаются от цинги.

— Когда с этим было кончено, на миг прояснилось сознание и тогда освободилась рука. Мне удалось отстегнуть от пояса отвороты бахил. Я хотел вытащить из них ноги. Эта мысль озарила меня и не давала покоя. Только расставшись с бахилами, я смог бы двигаться и, цепляясь за ветки, вылезть из вязкой старицы. И этим, то теряя сознание, то как будто возвращаясь к жизни, я занимался все утро, пока вы меня не нашли...

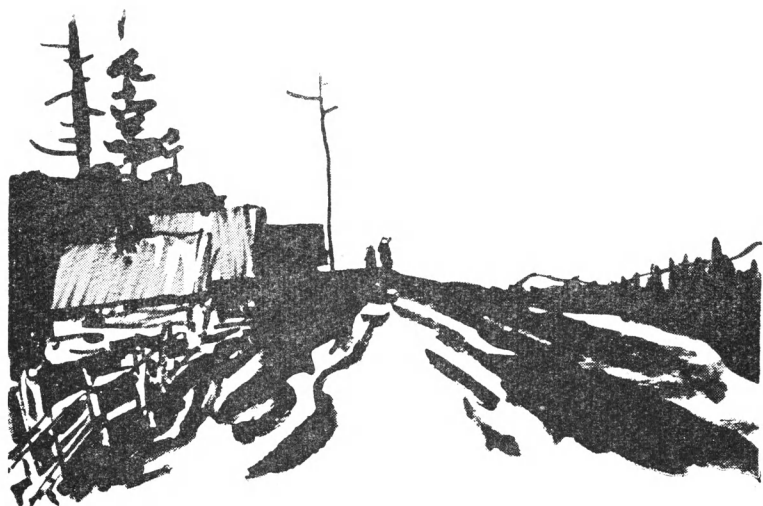
Сема откинулся на вьючный ящик и посмотрел на Мусю. Она грустно покачала головой и опустила глаза. Вдруг Сема, точно вспомнив о чем-то, поднялся и сел.

— А где моя полевая сумка? — вскрикнул он радостно. — Мне хочется дать вам кое-что на память, Муся. Ведь вы ждали меня, сами рискуя опоздать.

— Как всегда, Сема, у вас в головах! — тихо ответила она и повернулась назад, точно прощаясь с пройденными летом местами.

Сема открыл полевую сумку, достал кожаный, без денег, бумажник и вынул единственную уцелевшую плитку шоколада. Под надписью «Золотой ярлык» он с трудом написал мягким карандашом: «Старшему географу и товарищу Мусе на память о «неприкосновенном запасе» от. Семы».

ПОСЛЕДНИЙ МАРШРУТ

— Ох, касатики мои ненаглядные! Трудноватице вам будет идтитце по болотицу в эту поруце! Ноне летице-то! Вёдро¹ совсем не было! Залило дождями все по округице! — говорила старушка, прибавляя для звучности «це» и «тце», как это делают многие жители Северного края и Вологодской области.

Старушке, безвыездно прожившей семьдесят два года в селе Усть-Толшемском, которое раскинулось на обоих берегах Сухоны при устье Толшмы, было в диковинку провожать в путь через болото на реку Вою и далее в Костромскую «губернию» этих двух рослых мужчин. Они шли на болото не за клюквой, а «посмотреть места». Добрая старушка, у которой ночевали необычные ходочки, сетовала и убивалась. Ведь в эту пору на болоте,

кроме «клюквенников», т. е. собирателей клюквы, да и то по окраине, ни одной живой душеньки нет!

Цапли, и те давно улетели. Скоро опустятся с неба и залетают белые мухи, а эти двое через болото идут места посмотреть! Да не так чтобы только с края посмотреть, а все поперек пересечь! Добро бы болото малое было! А то оно верст двадцать в поперечнике, если не больше. Без провожатого непременно заблудятся или утонут!

— Ты, бабуся, о нас не кручинься. У нас карты с планами и фотокарточки с самолета на те места есть. Я с толшемских мест в Войские шири через Большую Чисть хаживал на охоту. Только бы на ту сторону Толшмы перебраться! Ты нам в запани «щуку»² укажи! На лодке не проберешься — все устье лесом забито.

— Покажу, покажу, родимцы! Вот пойдешь направо, потом свернешь налево, прямо не ходите. Туточки под кряжечком и щучка будет! — Бабуся, рассказывая о дороге к переправе, махала руками в разные стороны, так что ходоки совершенно потеряли ориентировку. Они двинулись — оказалось совсем не в ту сторону.

— Ан, нет! Не сюдатце, касатики, пошедьше! Сюда идти надобно!

Она провела их между огородами по извилистым проулкам к реке и, показав на плохо связанную цепями из бревен «щуку», низко поклонилась.

— Вот туточки. Осторожнее идите! Час вам добрый!

Прихватив на всякий случай по длинному шесту и проверяя ими устойчивость наполовину погруженных в воду бревен, двое мужчин стали медленно удаляться от берега. Старушка постояла, сокрушенно покачала им в след головой и, спрятав под шерстяным платком руки, пошла проулками в горку домой.

Неплотно сбитые в «щуку» бревна качались под ногами. Рискнув оступиться и ухнуть в холодную воду, двое путников медленно перебрались на другую сторону Толшмы. Там поднялись по песчаной отмели к сухой боровине³, за которой начиналась Большая Чисть, остановились и закурили. Во время короткой перекурки разложили на песке аэроснимки и стали молча, внимательно их рассматривать.

Огромное болото — Большая Чисть, названное так потому, что оно было почти безлесным, начиналось за невысокой песчаной озовой грядой — веретей⁴ (так называли ее местные жители), — почти от самого берега реки Сухоны возле устья Толшмы и раскинулось далеко к югу и юго-западу до разливных Войских ширей, в которых затерялось русло реки Вои. Безлюдные, ровные, как стол, места с едва заметными впадинами заросших мхами и осоками озер изобразились на снимках однотонно и серо. И точно кляксы от туши, чернели меж кочкарных, ровных и бугристо-грядовых сфагновых болот⁵ проваль-ные топи и окна⁶, то залитые сверху водой, то обнажив-шие месиво зыбучей и вязкой грязи. За Войскими ши-рями и рекой Сожей к водоразделам бассейнов Сухоны и реки Костромы начинался едва заметный подъем меж-дуречий. Заваленный опрокинутым во время пожара хвойным лесом, с участками чистых безлесных гарей, он резко контрастировал своим пестрым рисунком с боло-том. Далее начинались пологие увалы⁷ Сухонско-Волж-ского междуречья с плакорными⁸ формами равнины и широких молодых речных долин, едва врезаемых в тол-щи ледниковых отложений...

В верховьях реки Сожи, за южной границей Северно-го края, на окраине бывшей Костромской губернии, между лесами и гарями, вдалеке от трактовых дорог и судоходных рек затерялось небольшое село Воздвижен-ское — конечный пункт хода. Бездорожный вынужден-ный маршрут в последних числах сентября, после дожд-ливого лета и при полуголодном пайке озадачивал пут-ников. Поэтому они подолгу рассматривали аэроснимки, намечая дорогу.

На обоих, поверх длинных кожаных чулок, перекру-ченных пеньковыми веревками, были надеты несораз-мерно большие лапти. Брезентовые плащи, накинутые поверх стеганых ватников, топорщились на спине, по-добно горбам, от вещевых мешков со скудным запасом провизии. Чтобы рукава плащей не болтались по ветру и не цеплялись за кусты, они были вывернуты внутрь наизнанку. Лишь полевые сумки, анероиды, патронташи на поясе и одноствольные централки свидетельствовали о характере работ путников. Обросшие за лето в мед-вежьих трущобах Сухонско-Волжских лесов, энергичные и мужественные, молодые люди напоминали смелых зем-

лепроходцев XVIII века, которые самоотверженно покоряли пространства Сибири на лодках и пешком. Расстояние в семьдесят пять километров до Воздвиженья их не смущало — летом приходилось ходить и больше. Но беспокоила погода.

Осень в сентябре 1935 года выдалась в Северном крае такая же плохая, как и лето. Редкие дни проходили без дождей. Болота вздулись. Трясины и низкие места заполнились водой, образуя во многих местах сплошные озера. Сфагновые мхи, впитавшие, как губка, воду, разбухли, и нога, не встречая опоры, уходила выше колен в рыхлую, мокрую дернину⁹. Даже на суходольных лугах¹⁰ не было сухого местечка. А временные, пересыхающие ручейки в лощинах превратились в бурные потоки. Не собранное в сараи сено гнило в валках, копнах и на вешалах. Листва осин и берез почернела, обмякла, опала. Ее темно-бурые хлопья смешались на земле с грязью и покрыли прелую желтую траву на лесных покосах. Лишь на скошенных суходолах зеленела отава. С низких серых облаков в любое время мог зарядить еще более беспросветный, чем летом, мелкий осенний дождь.

Колхозники кое-как справились с уборкой урожая и, готовясь к зимним лесозаготовкам, праздновали дожинки¹¹ и отмолоты¹². Почерневшие от дождя дома Толшемского были полны пришлого люда. Колхозные возчики и бригадиры спешили выполнить заготовки и вчистую рассчитаться с государством по всем поставкам, пока на Сухоне не кончилось пароходство и суда не стали в затоны на зиму.

— Ну, что же, Андрей? Трогаться надо. День теперь короткий. Иди вперед, а я дешифровать снимки буду. Тебе по болоту ходить не в первой! Как-нибудь вылезем!

— До Сожи добраться! А за Сожей сухо будет. Только бы снегу с дождем не было!

Отобрав нужные для дневного перехода снимки, техник-топограф осмотрелся вокруг, наколот первую точку¹³, отсчитал по anerоидам¹⁴ давление и, поправив брезентовый плащ, пошел за проводником по узкой тропинке в горку. Извиваясь змейкой между высокими кочками и огибая старый колодник, она вывела на веретью. Шириной в пятьдесят — сто метров веретья напоминала искусственную песчаную насыпь. Она отделяла долину

Сухоны от огромного сфагнового болота, поросшего по окраинам редкостойными сосняками. На самом болоте маячили низкорослые, толщиной в руку сосны. Тропинка раздваивалась — одна вилась вдоль Сухоны по сухой веретье, другая вела на болото. Деревья к болоту редели и между ними открывалась «чисть», то осоковая, то бугристо-грядовая с мочажинами и зыбунами. Туда осенью и весной по нестаявшим льдинкам ходят собирать обмороженную клюкву.

На севере местность заметно понижалась к Сухоне, лес неожиданно обрывался и снова синел вдалеке на противоположном берегу, уходя к горизонту.

Идти по веретье было легко и приятно. Под ногами натоптанная песчаная тропка. На кочках краснели грозди спелой, слегка тронутой заморозками брусники, а ближе к болоту встречались смородина и голубика. Иногда путники нагибались, чтобы на ходу зачерпнуть полную горсть брусники и потом, медленно, растягивая удовольствие, высасывать из нее сок. К полудню подул ветерок и разогнал облака. Сквозь белую дымку проглянули тусклые желтые лучи осеннего солнца. Они немного согрели воздух позднего холодного утра. С болота потянуло пряным запахом богульника. Где-то далеко в вышине раздалась тихая гортанная переключка журавлей.

Непривычный к лаптям топограф Александрыч, переходя по двум тоненьким жердочкам речку, прорезавшую поперек веретью, поскользнулся на мокрой, подгнившей коре и свалился в холодную воду. Чтоб не остынуть, зашагали быстрее и вскоре пришли к тому месту, где веретья кончилась и надо было сворачивать к югу в болото.

После недолгой перекурки, во время которой была сделана очередная бароотметка¹⁵ и опознана на снимках точка, на которой они находились, ходоки направились к открытому болоту. Сфагновые редкие сосняки¹⁶ с высокими кочками и замшелым колодником сменил сосняк карликовый. Изогнутые ветрами сосенки, нетребовательные к почвам, приютились здесь, прижимаясь к высоким буграм, кочкам и грядам. Между грядами от постоянных дождей скопилась вода и образовались борозды и мочажины. Ноги стали все чаще и чаще проваливаться выше колен, то в глубокую моховую подушку,

то в мочажины. Путники с трудом выбирали места посуше и потверже.

Шаг стал нетвердым и удлиненным. В поисках прочной опоры ноги невольно вытягиваются. Когда стремишься переступить препятствия из кочек и мочажин, чтобы найти твердый грунт, то приходится делать прыжки от одного подернутого мохом корня к другому.

Так, то перепрыгивая от деревца к деревцу, то бредя выше колен в холодной воде мочажин, проходили двое топографов свой последний маршрут в этих краях. Высокие, припитанные ворванью кожаные чулки, надетые поверх толстых шерстяных носков и перевитые веревкой лапти, которые не задерживали воду и она тут же на ходу выливалась из них,— не стесняли движений и сохраняли тепло. Ход, намеченный на аэроснимках, медленно, но верно претворялся в натуре. Аэроснимки — какое это благодарное «подспорье»!

Но вот кончился и низкорослый сосняк. Андрей, как утопающий за соломинку, невольно уцепился за последний тоненький ствол сосенки и замер на месте, не зная куда сделать шаг. Впереди было ровное, без бугров и гряд, поросшее мхами и редкой осокой пространство. Нога сразу проваливалась выше колен в мягкий изумрудно-зеленый мох. Впереди, на почти безлесной равнине, кое-где темнели, как полыньи, лужи коричневатой воды. Между ними, от кочки к кочке, от пенька к пеньку, или от маленького деревца к деревцу, тянулась зелеными дорожками осока и бугрились едва заметные гряды то зеленоватой, то уплотненной бурой торфянистой массы. Андрей тронул ногой зыбучие мхи и, как только перенес всю тяжесть тела на одну ногу, перед ним поднялась волна из осоки и мхов. В ней булькала и вскипала мелкими пузырьками вода.

Опознавать на снимках места, где находились путники, стало невозможно и, если бы не видневшийся вдалеке по долине речки Молонги лес, можно было бы легко заблудиться.

— Ну, что, Александрыч, вперед пойдем!? Мокро нынче на болоте! А в иные годы клюквенники с собой воду для питья в бутылках носят. Видишь ту палочку, что у кочки торчит? Возле нее стоять можно. Гляди, как идти надо!..

И Андрей легко и быстро перебежал по зыбучей равнине к тоненькому полусгнившему пню низкорослой сосны. Стараясь не ступать в его след, за ним побежал Александрыч. Казалось, что не ноги бегут по земле, а земля бежит под ними, то прогибаясь под тяжестью тела, то вздымаясь волной в междуследьях. Продолжая намеченный ход, Андрей выбирал переходы, быстро перебежал от места к месту, стараясь нигде не задерживаться. За ним по пятам, ступая в междуследье, туда, где еще зыбилась и булькала моховая волна и лопались пузыри, бежал Александрыч. Растянутый шаг сменился на быстрый бег с короткими остановками у тоненьких пней, едва прикрытых в корнях моховой дерниной. С трудом, оттаптываясь на миг, чтобы отдышаться и выбрать новое направление для перебежки по извилинам грядок, ходоки продвигались к далекому лесу на Молонге.

Александрыч, несмотря на свою широкую черную бороду, которую для солидности отрастил в медвежьих трущобах Северного края, был молод и вынослив. На коротких остановках, пытаясь определить место, где они находятся, рассматривал снимки. Но серое однотонное изображение с темными кляксами провальных топей и луж было убийственно однообразно, как и само болото — Большая Чисть. На снимках и на местности не было такого объекта, за который можно бы было «зацепиться», чтобы узнать свое местонахождение.

В тщетных попытках определиться снимок был исчерчен овалами, а в конце описания отдельных деталей на обороте стояло краткое резюме — «опознаться невозможно». Кто работал со снимками в таежных трущобах, в тундре или в открытых степях, тот знает, как трудно найти свое место, однажды потеряв едва заметные и редкие ориентиры в девственной природе. Так и теперь — проводник и техник были бессильны. Впереди на Молонге маячили верхушки соснового леса, и это был единственный ориентир. За леском в самой долине должны были быть сараи для сена. Они ясно виднелись на снимках. На них была вся надежда. Там ожидал теплый приятный ночлег, чай горячий и черный, как деготь, и хорошая точка для начала нового отрезка маршрута на завтрашний день.

Так в перебежках между топких «окоп» и зыбей незаметно текло время, и короткий осенний день, быстро

перевалив за полдень, клонился к вечеру. Небо заволокло низкими тучами. Заморосил мелкий дождик и серой дымкой прикрыл манящий путников долгожданный лесок. Снимки стали совершенно бесполезными, и Александрыч убрал их в сумку. Теперь без задержек, почти не останавливаясь, ходоки бежали в одном направлении, иногда перегоняя друг друга. Одиноко, пустынно и грустно было на этом огромном болоте.

Второпях Алескандрыч наступил на след Андрея и сразу провалился по пояс в моховую зыбучую топь. Распластавшись на мокрым мху и стараясь вытянуть из меса ноги, он засмеялся, но, взглянув на побледневшее лицо Андрея, который обернулся на смех товарища, сразу замолк. Чтобы как-нибудь увеличить площадь опоры, пришлось вытащить с трудом из-за спины центральку и подложить ее под грудь. Андрей уцепился за маленькую тонкую сосенку и протянул товарищу ложе своего ружья. Напрягая все силы, уходя выше колен вместе с сосенкой во мхи, Андрей подтянул к себе, словно лодку, лежащего на животе Александрыча и помог ему встать на тонкие корни сосенки.

Но стоять вдвоем у корней было нельзя, они погружались в зыбучий торфяник, и Андрей, выбрав место для следующей остановки, быстро перебежал туда. Держась за сосну, Александрыч развязал веревки и вылил из кожаных чулок натекающую воду.

— Ты чему засмеялся? — спросил Андрей, закуривая.

— А так просто!.. Весело в перегонки с тобой по болоту бегать.

— Ладно, что так получилось! А иные в последний раз смеются. Обернешься, а от человека одна макушка торчит и крикнуть не успеет! Нам еще чуток осталось до первых соснячков перебраться. Видишь, как они все гуще и выше становятся?! Там тверже идти будет. Ну, моли бога, что жив остался! — И Андрей бросил недокуренную папироску.

Молча и сосредоточенно ступая теперь в междуследье Андрея, усталый и мокрый техник-топограф с опаской перебежал от сосенки к сосенке. Он много хаживал по трущобам, бывал и в лесотундре, где, так же как тут, сыро и водяно. Проваливаясь, он каждый раз ложился, расставив широко в стороны руки, и это обратилось в привычку. Но в такое болото он забредал впер-

вые. Наконец опять появились бугры и кочки. Низкорослый лес стал гуще, стволы сосен толще. Под мохом была твердая земля, и ходки пошли рядом. Уже в полутьме спустились они в долину к небольшой речушке Молонге и сразу среди сенокоса набрели на сарай, набитый до самого верха душистым сеном. Третья часть маршрута была пройдена.

С трудом разожгли под моросящим дождем маленький костер и приготовили незатейливый ужин: по полбанке рыбных с фасолью консервов, по ломтю черного хлеба, по кружке крепкого чая с молодым жидким медом. А если бы этого оказалось мало, то можно было бы еще закусить горьким репчатым луком. В тяжелые переходы, когда знаешь, что каждый килограмм лишней ноши становится тормозом, Александрыч всегда брал с собою мед, а также лук или чеснок. Свежий хлеб был уже лакомством. В запасе остались одни сухари. Питательный мед быстро восстанавливает силы, не отягощая желудка и при любой погоде прекрасно хранится в берестяном туюске.

Выкурив на сон грядущий по папироске, путники залезли под самую крышу на сеновал, разбросали вокруг себя для просушки мокрую обувь и плащи, а сами, подобно тому, как тетерева зарываются в снег, зарылись в душистое мягкое сено. Еще один пройденный за день отрезок пути канул в вечность.

* *
*

— Э-э-э-эй! Але-екса-андры-ы-ыч! Слезай с сеновала, чай готов. Дождь на неделю теперь зарядил. Все равно просвета не дождемся. Трогаться надо!

— Сейчас слезу. Я снимки раскладываю, отобрать и просмотреть надо. Ты, Андрей, бывал тут ранее? Сколько сараев в вершине Молонги? Два или три? От которого тропка к Самчарскому озеру идет?

— Сараев деревянных должно быть два, третьего не видывал, но скирду большую тут ставили. А тропы на Самчарское нет.

— Так по-твоему, мы в каком сарае заночевали — в верхнем или в нижнем? — продолжал спрашивать Александрыч, свесив с сеновала обутые в лапти ноги и внимательно рассматривая снимок.

— Да, пожалуй, в нижнем! Между ними скирду ставили. Она на снимок попала?

— Да, есть! А от нее к Самчарскому тоненькая темная полоска идет, она на снимке с трудом прослеживается. Бывал, а тропки не знаешь! И кладей нет?

— Нет тропки, твердо знаю. Вот разве зимничек¹⁷ запечатлелся, по которому зимой сюда за сеном ездят?.. Он аккурат от скирды начинался... Скажи пожалуйста, и в местах этих не бывал, а рассмотрел все лучше, чем по карте! — удивился Андрей.

Быстро доев остатки консервов и выпив по кружке медового чаю, путники тронулись к зимнику. У заглохшего костра остались пустые консервные банки, надетые на воткнутые в землю палки.

От скирды, прямо в горку, вел едва заметный, вмятый в мох зимник. По нему с шумом бежала вода и водопадом срывалась в русло Молонги. Выйдя из долины на бровку, путники снова попали в болото. Прикрываясь от мелкого дождя плащом, Александрыч взял на бровке бароотметку, опознал на снимке в последний раз и, махнув с досадой рукой, убрал снимки в сумку. Дальше опознаваться по ним стало опять невозможно. Зимник на снимке был едва заметен, а кругом на унылой равнине, грядах и кочках виднелся все тот же низкорослый сосняк...

Залитый водой, как сточная канава, зимник тянулся по просеке на юг, без изгибов и поворотов, прямой, как просека. Несмотря на воду, которая иногда доходила выше колен, под ногами был твердый грунт. Его не надо было отыскивать между кочками и грядами, не надо было делать прыжки и перебегать от сосенки к сосенке. Провальных топей и зыбей на этом пути не было, а мох за зиму и весну хорошо утоптали лошади с санями.

Десять километров были пройдены за три часа, и ходоки подошли наконец к одинокому бараку на берегу Самчарского озера. Скучные ровные берега в плоской котловине зарастающего мхами озера, подернутые серой завесой мелкого осеннего дождя, не радовали взор. Уныло и тихо было вокруг. Даже не верилось, что озеро богато карасями и щуками и что рыболовам зимой достается здесь большой улов.

Задержавшись ненадолго в бараке, чтобы взять очередную бароотметку, уверенно опознаться на снимке и

сделать необходимые записи, проводник и техник, не мешкая, направились снова по «торной» тропе дальше на юг к реке Вою. Там против устья реки Совети стояли бараки сплавщиков леса и можно было найти лодку.

В этой глуши, среди ломов и гарей, в самых истоках Вои, в начале тридцатых годов возникли три поселка переселенцев с юга. С большим трудом поселяне отвоева-

ли у девственной природы клочки земли, пригодные для пашен и огородов. Под пашни расчищались старые лома и гари, древесина шла на дрова, а пни корчевались и сжигались на месте. Покосы и выгоны тянулись узкой цепочкой на несколько километров вниз к Войским ширям.

Неподалеку от ширей стоял второй барак лесорубов, такой же одинокий и пустой, как на Самчарском озере. Летом, скрываясь от ненастья, его часто навещали топографы и практиканты-студенты, оглашая Войскую глушь веселыми шутками и звонкими песнями.

Ходили рассказы о том, как сюда к единственной стоянке, где перекрещивались ходы нивелировок¹⁸ и тахеометрии¹⁹, в затяжное ненастье дождливого лета за двенадцать километров от поселка, бредя чуть не по пояс в воде, некий отважный юноша Павлик, с рыжей пушистой бородкой, притащил голодному отряду огромный туес со сливками, мятные пряники, две буханки черного хлеба, луку и свежие зеленые огурцы, сорванные прямо с грядки... Настроение «отсидчиков» поднялось, и он вывел их в непогоду к селению Снежная... К этому бараку и стремился теперь добраться Александрыч, чтобы там немного пообсохнуть. А оттуда оставался еще один день перехода через лома и гари к Воздвиженью.

Три километра пути от Самчарского озера до барачков сплавщиков у устья Совети тянулись долго. Казалось, скучному ровному болоту нет ни конца ни края. К барачкам подошли неожиданно и очутились на берегу Вои. Набухшая река с темной, как в болоте, водой, с едва врезанным в топкие берега руслом, будто прекратила свое течение и замерла в ожидании ледостава.

У барака лежали три опрокинутые вверх дном лодки. Выбрав самую маленькую, спустили ее на воду и мхом заткнули большие щели. Отталкиваясь шестами, путники поплыли к Войским ширям. Лодка двигалась напрямик, шурша о заросли водолюбивых растений и побуревшей осоки. Полные утиного царства летом Войские шири теперь были безжизненны. Только изредка, из-под самого носа лодки, всплеснув хвостом, уходила в сторону рыба. Андрей почти наугад направлял лодку к далекому лесу, надеясь снова найти русло и доплыть до барака лесорубов.

Описав по ширям большую дугу, удалось наконец найти Вою. Ее песчаные берега, поросшие прекрасным со-

сновым лесом, как-то вдруг появились над ровной осокой, и лодка плавно вошла в неширокое русло. Как и в низовьях, вода была в реке темная и застойная.

— Вот они, места Войские, каковы!? Попадешь сюда и завоюешь! И никто не откликнется. Потому и река Воей и шири Войскими называются. Весной тут озеро образуется, и вся трава под воду уходит, а летом покосы хорошие! — И, осмотревшись кругом, Андрей добавил: — А нынешним летом и тут вся трава не кошена.

Русло Вои часто поворачивало, петляло, а мелким излучинам и завалам не было конца. Приходилось то перелезть самим через толстые колодины, протаскивая лодку под ними, то перетаскивать ее через колодник, наполовину залитый водой. Вперед продвигались медленно, устали и вымокли.

У одного из таких завалов Андрей предложил оставить лодку и идти пешком по тропинке вдоль правого берега.

Еще засветло добрались до барака. Крепко срубленный из толстых сосновых бревен и покрытый драночной крышей, он стоял одиноко без стекол и без дверей, с полуразваленной русской печкой и накиданной на нары сухой осокой. Дождик захлестывал в окна и двери. Ветер гулял по комнатам. В бараке было сыро и холодно, хуже, чем на любом сеновале, но все же он укрывал от дождя.

На развалинах печки разожгли небольшой костер и на нем приготовили такой же, как накануне, стандартный ужин. Итак, кончился еще один день маршрута, а с ним и две трети пути. Впереди оставались лома и гари — день пути до Воздвиженского, а там — встреча с соседом топографом, маленькая передышка и обратный путь на лодке по Совеге и Ихалице на Сухону.

С этим последним маршрутом кончался и летний сезон полевых работ. Предчувствуя скорый конец перехода, Александрыч и Андрей съели по целой и последней банке рыбных консервов, напились, как всегда, крепкого с медом чая, размачивая в нем ржаные каленые сухари и, прижавшись друг к другу спиной, заснули на нарах.

* *
*

Раннее утро выдалось серое, но без дождя. Консервы были съедены накануне. В полуголодный завтрак репчатый лук внес приятное разнообразие. Он до слез разъ-

едал глаза. Мед был на исходе. Возиться с пшеном не хотелось. С неполным желудком и почти пустым мешком идти будет легко! И путники, не теряя драгоценного времени, быстро собрались.

Огибая Войские шири с юга тянулась, как у Сухоны, веретья. По ней, как говорили местные жители, шла в «Костромскую» торная тропка, по которой иногда проезжали на двуколках или одних передках от телеги. Зимой и весной по этой тропе подвозили волоком лес к сплаву по Вое. Тут можно было идти так же легко и свободно, как и в первый день по веретье вдоль Сухоны. Но путникам надо было двигаться на юг, там повернуть на запад к Воздвиженскому, пересечь все долины левых притоков Вои и сделать определение высот междуречных пространств. Сквозь лома и гари летом не пробрался с инструментом ни один техник-топограф. Вся надежда была сейчас на anerоиды. Сто двадцатая горизонталь²⁰, отмеченная неубедительно на снимках, обрывалась где-то на Вое, крутилась вдоль южных притоков и веретьи, и исчезала в болотах за Совегой. Ей надо было найти надлежащее место. Поэтому вскоре с веретьи свернули на юг в сосновую боровину, за которой начинались непролазные лома и гари.

Неожиданно из-под корней опрокинутой толстой сосны выскочил заяц. Сделав огромный прыжок в трех шагах от Александрыча, он отскочил в сторону, сел на задние лапы и осмотрелся. Но бедняге дорого стоила короткая встреча с ними. Андрей не растерялся. Привычной рукой быстро вскинул ружье и выстрелил. Сделав последний предсмертный скачок, заяц камнем шлепнулся на землю.

— Ну вот и пополнились провиантом,— тихо сказал Андрей, запихивая в мешок серого с белой грудкой и белым хвостом зайца,— смотрите, скоро совсем побелеет, зима не за горами!

Не дожидаясь товарища, я влез на первое поваленное дерево и, цепляясь за сучья, перешел по стволу к другому дереву. Земля осталась внизу. Деревья лежали одно на другом, сцепившись ветвями и обнажив могучие корни. Начались новые упражнения в ходьбе. Пробираться по стволам было легче там, где были сучки. За сучки можно было держаться. Но там, где лежали голые комли с подгнившей корой, она обваливалась под ногами и ноги, обутые в лапти, скользили по мокрой гладкой древесине. Приходилось ступать осторожно, извизаться

всем телом, с трудом сохранять равновесие. Когда ноги, обутые в жесткие, как колодки, лапти, неудержимо скользят, а из-под них съезжают и падают вниз огромные куски подгнившей коры,— продвигаться вперед не легко! Чтобы удержаться наверху, хватаясь за сучья, и не съехать вместе с корой куда-то вниз, приходилось постоянно балансировать и быстро, мелкими шажками переставлять ноги. Накинутый плащ цеплялся за корни и сучья, а за спиной то и дело переваливался с боку на бок мешок. Он не был очень тяжелым, но всегда тянул книзу, в сторону, и мешал балансировать.

Иногда между нагроможденными один на другой стволами появлялись прогалины, и внизу виднелась поникшая бурая трава и зеленые мхи. Они манили к себе. Спустившись на твердую землю, ходоки отдыхали от невероятных упражнений в эквилибристике. Чтобы prolongировать удовольствие от ощущения, что под ногами твердая земля, иногда пробирались под сводом переплетенных ветвей, корней и стволов. Но пролезать под ними было тоже не легко. Сучья и валежник преграждали дорогу и цеплялись за все. Обгорелые корни и стволы пачкали руки, лицо и одежду. От дождя сажа на лице и плащах стекала мелкими струйками и въедалась в кожу и материю. Вскоре она так украсила и без того необычный вид обоих ходоков, что мы стали походить на трубочистов.

Опытный в ходьбе по болоту, Андрей растерялся в лощинах и горях. Попытки оглядеться вокруг и выбрать путь наиболее удобный и прямой не привели ни к чему. Мы еще больше устали, карабкаясь наверх по скользким наваленным горой стволам, и поминутно спускались снова вниз, а затем снова влезали наверх... Но сверху все же было относительно видней, куда нужно идти, чтобы держаться одно направление. Внизу же между стволами, корнями и ветвями мы пробирались наугад и натыкались на непролазные стены полугнилого, обгорелого колодника. Казалось, мы уже бесконечно давно карабкаемся, скользим, срываемся и вновь с трудом взбираемся на стволы, как на высокие плетни и заборы.

— Скажи, Александрыч, далеко ль до барачков, что на широкой просеке²¹ и ледянке? ²² Ежели так будем лезть, то и до завтра не вылезем из этой заломленной чащобы?..— спросил Андрей, усаживаясь, как в кресло, на ветвистые толстые корни огромного, приподнятого над

землей выскера²³.— Давай сделаем перекур и бароотметку! Смотри, ни конца ни края нет этой гари! Сколько же тут лесу полегло?!— И Андрей стал свертывать из махорки сигарку.

— Три снимка еще пройти надо. А всего, наверное, около двенадцати километров этой прелести будет.

— А прошли сколько?

— А кто же знает?! Оpoznаться невозможно! Так и запишем. А времени — уже третий час! День теперь короткий. Еще часа три лазить осталось... Да и дождь не перестает!

— Не миновать нам в ломах ночевать!

— Ну что ж, заночуем! — я бросил куда-то вниз окурок и, балансируя на голом подгнившем стволе, быстро перебирая ногами, направился к обгорелым сучкам.

— Пожалуй, и по канатам ходить научимся! — пошутил Андрей и нехотя слез с удобного «кресла».

Остаток дня шли так же: то спускались на землю, то взбирались на высокие завалы и старались подольше не касаться земли. А когда стало темнеть, присмотрели прогалину и толстый ствол исполинской сосны. Под ним расположились на ночлег. От излишних необычных усилий во время ходьбы болели все мускулы. Казалось, что завтра не стронутся с места.

Андрей освежевал зайца, набрал из-под выскера мутной воды, сварил в маленьком котелке половину тушки и заготовил на ночь дров. Чтобы укрыться от дождя, я окорил ближайшие сосны, из коры сделал под нашей сосной навес, а когда освободился единственный топор, нарубил довольно толстых бревен, обтесал с одной стороны и сделал из них настил, уложив на мокрую землю. Получился уютный шалаш. Сосна и навес из коры защищали от дождя, а с другой стороны согревал костер. Освещенная костром маленькая прогалинка среди кладбища леса ожила и, несмотря на сырость и дождь, стала нам хорошим пристанищем.

— Не зря говорят: «идешь на охоту на день, а еды забирай на три!..» Хорошо, что хоть зайчишка подвернулся! Давай кушать,— пригласил Андрей.

Зайчатину ели вприкуску с луком. Косточки обгладывали и обсасывали дочиста. После надоевших консервов заяц был лакомством. Съеденная половина зайца вполне утолила голод. Наступила приятная дремота.

Чай пили без меда, экономя его. Сегодня есть заяц и лук, а завтра может не быть и этого.

Долгую осеннюю ночь под навесом на бревнах не спали, а кемарили²⁴. К огню, который грел только с одной стороны, ложились лицом по очереди. Тот, кто кемарил лицом к навесу, прижимался спиной к товарищу и согревался его теплом. А когда его спереди начинал прохватывать холод, он будил товарища, подбрасывал в угли дров и ложился на его место, согревая в свою очередь своей спиной спину спутника. Когда позвоночнику и спине тепло, то и все тело не скоро замерзнет... Лежа спиной к спине, можно дольше дремать и не мерзнуть.

Так, сменяя друг друга, ворочаясь на грубо отесанных бревнах, коротая время в перекурках, отдыхая в сухом, укромном местечке под беспросветным осенним небом и мелким дождем, мы провели бесконечную, долгую осеннюю ночь. В одну из перекурок сварили и вторую половину зайчатины. А когда рассвело, выпили по кружке горячего чая с последним медом и, преодолевая усталость и боль во всех мускулах, снова тронулись в путь.

Опять началось хождение по завалам, лазанье по нагроможденным деревьям, балансирование и неожиданные упражнения в эквилибристике на необычных спортивных снарядах. Понемногу боль в мускулах пропала. Мускулы снова втянулись в работу. Ноги привыкли к шаткой и скользкой опоре, а глаз научился издали выбирать спрямленные переходы. Не спускаясь сотни метров на землю, проворно переставляя ноги на подгнившей, готовой в любую секунду обвалиться коре, перелезая через огромные выскеры и цепляясь за сучья, мы только к вечеру вышли на старую вырубку. Путь, рассчитанный на день, отнял два, и наш ход затянулся. Шесть километров в день — лучшая норма для этих трущоб! Сухари на исходе. Мед кончился. В запасе только немного лука...

А Воздвиженье где-то еще впереди!..

Как легко, свободно было идти по старой вырубке! На ней после пожара торчали одни обгорелые пни, а под ногами на мокрой, но твердой земле зеленел молодой, мягкий мох. Огонь, видно, прошел здесь в прошлом году, и земля еще не успела зарости травой и кустарником. За вырубкой начиналась пограничная широкая просека. По ней свернули на запад и вскоре в потемках набрали на

одиноким, такой же, как на Вое, полуразваленный барак. Дождь не переставая моросил целый день, он вымочил нас насквозь. Перед сном мы закусили луком, затопили уцелевшую в бараке русскую печь и, разместившись на ней, крепко заснули.

* *

*

Как только, пробиваясь сквозь серый туман и дождь, забрезжил рассвет, Андрей разбудил меня и мы тронулись в путь. Горький чай и окаменевшие ржаные сухари — вот и весь завтрак. Но идти с пустыми желудками и пустыми мешками по ровной просеке, по которой зимой пролегалла ледянка, было легко. Конечно, потерянных дней не вернуть, но впереди, не за горами, было Воздвижение! А там отдых и баня. Баня жаркая с веником и горячей водой! А после бани домашнее житное пиво, которое северяне так вкусно готовят, подбавляя в него свежего меду...

Близость конечного пункта придавала нам сил и после хорошей тренировки в ходьбе по ломам, мы шли дружно, широким шагом, плечом к плечу, лишь изредка останавливаясь, чтобы опознаться, сделать бароотметку и покурить.

Вскоре пересекли верховье Сожи. За полдень перевалили последний увал к Совеге. На его склонах появились пашни, полевые дороги и огороженный с двух сторон высоким плетнем прогон²⁵. Выпасов, видимо, было мало, и летом пастухи гоняли скотину в лес.

Где-то за бугром, страдая, захлебывалась визгливая северная двухрядка и частил нестройный хор голосов. Частушки пелись то с залихватским выкриком, то с нежным и заунывным страданием. Слов разобрать было нельзя, но ритм подбадривал. Мы ускорили шаг, и вскоре из-за бугра показались первые домики.

На селе было оживленно. Несмотря на дождь и непролазную грязь, от дома к дому через улицу бегали ребяташки, пробирались с ведрами и бидонами разодетые в пестрые сарафаны женщины. Иногда из открытых дверей и окон вырывались песни и громкие пьяные разговоры, или доносился беспощадный стук каблуков о толстые прочные половицы так, что дрожала изба. Воздвижение гуляло! Гуляло широко, с удалью празднует свой

престольный праздник — Воздвижение, дожинки и от-молоты, а вместе с тем провожало в глухие трущобы лесов на лесоразработки свою молодежь.

В праздничной суматохе никто не обратил особого внимания на чумазых, как трубочисты, путников. Мы вошли в дом правления колхоза. Но, кроме старика-сторожа, не нашли никого. Он показал на дом председателя и, шамкая беззубым ртом, проговорил:

— Туда идите! Он у себя с бригадирами и передовиками отмолоты празднует. Только тверез ли?

В большой просторной избе, за двумя накрытыми домотканной холстиной столами, уставленными блюдами с пирогами, соленьями, вареной свининой, жареной бараниной, пустыми бутылками из-под водки и разных наливов, сидели подвыпившие мужики в ярких праздничных рубахах и новых грубошерстных костюмах. В избе стоял гвалт и крик. Кто-то спорил о пользе посевов льна. Конию рассказывал животноводу о том, как он выходил после опоя племенного жеребца. Кто-то кому-то грозил побить стекла и посуду, кто-то кого-то упрашивал выпить и, обращаясь к председателю, опустившему на стол голову, тяжело вздыхал и жаловался, что его обошли. Бородатые, усатые и бритые лица с опаской повернулись к вошедшим. Толстая породная хозяйка, не донеся к столу самовар, поставила его на пол и, заложив за спину руки, вызывающе спросила:

— Вам чего и кого надобно?

— Нам председателя. На квартиру встать дня на два. С техником, который тут у вас землю мерил, встретиться хотим.

— Филя! Филемонушко! Подними голову-то от стола! Про тебя люди спрашивают! — крикнула хозяйка супругу.

— А-а-а! Кто-о-о-о меня спрашивает? Я сегодня выходной. Нет меня. Я отмолоты праздную. — Пробормотал, растягивая слова, председатель и с трудом поднял отяжелевшую хмельную голову. На вошедших уставились серые, слезливые, опухшие глаза, седенькая клинушкой бородака зашевелилась, председатель вдруг встрепенулся и, стукнув в наступившем молчании о стол кулаками, выкрикнул:

— Опять на квартиру! У-у-у беглые! Мало вас тут из лагеря на Волгу бегают?.. А мы после за вас лесозаго-

товки выполняй! Нет вам квартиры! Бригадиры, задержать ихнего брата! В баню запрем!

Председатель уже не говорил, он что-то выкрикивал, хрипя и срывая голос. Нас обступили и схватили за руки. Моя ладонь со смятым командировочным удостоверением была сжата, как в тиски, молодым, рослым парнем. Я пробовал возражать, но парень только пьяно и тупо чему-то улыбался, крепко держа мою руку.

— Ружья не отбирать! У меня чтобы без кровопролития было! Петруха, скажи в Покров в сельсовет за милиционером... Потом с ними разберемся,— продолжал отдавать приказания председатель, снова опуская на стол голову.

Баня была новая. Хотя и с низким потолком, но просторная. И топилась по-белому. Пол не успел высохнуть от предпраздничного мытья. От печурки и полка шло тепло... Когда захлопнулась дверь и в замке щелкнул ключ, мы слышали:

— Пусть посидят! Много их нынче тут шляется! Потом разберемся.

Голодные, мокрые, грязные, смертельно усталые, мы были поражены самоуправством, чуждым обычаем Северного края.

Усевшись на широкие чистые лавки председательской бани, переглянулись и дружно рассмеялись. Было обидно и глупо... Но что же делать, если не смеяться?!

— Эх, помыться бы тут не мешало! Банька-то ладная! Давайте пока сухарики для праздничка натошак погрызем,— предложил Андрей.

— Вот куда сводка рельефа и сто двадцатая горизонталь завели! — пошутил я, смакуя сухарь.

* *

*

Поздно вечером нас разбудили голоса. В маленькое оконце пробивался тусклый свет от керосинового фонаря. Кто-то наощупь открыл дверь, и хриплый, очень знакомый басок прогудел:

— Ну и дела! Всю осень по отмолотам езжу... То у Покрова по новому стилю дожинки и отмолоты справлялись, а теперь по старому, в Воздвиженье, престольный праздник и отмолоты! А я смотри за порядком по всей округе!.. Разве это дело землемера?!

— А ну! Выходи! Кто тут беглые! Теперь разберемся,—скомандовал председатель, распахнул дверь и осветил баню.

Не решаясь войти, «землемер» и председатель долго рассматривали необычную картину. На лавках разложены аэроснимки, рядом с ними чертежные перья и прикрытая матовым стеклом тушница²⁶. Из раскрытой полевой сумки торчат полевые журналы и остро очиненные карандаши. Рядом с пустыми кружками и котелком лежат анероиды в круглых кожаных футлярах и дырявые лапти вперемежку с кожаными длинными чулками и шерстяными носками. А на полке, в одном нижнем белье, босые и грязные сушатся двое задержанных.

«Землемер» кашлянул, хотел что-то сказать, поперхнулся от смеха и захопнул дверь. Я узнал топографа Павла Степановича.

— Дуняша! Ду-у-у-ня! Давай воды! Затопляй баню! Гостям помыться надо! — что есть мочи захрипел председатель.

Вскоре «беглые» с наслаждением смывали с себя наслоения из грязи и пота. Маршрут был последним в сезоне. А вместе с грязью смывались и наши обиды.

Так исчезали белые пятна на картах в бывшей Костромской губернии и Северном крае, к югу от города Тотьмы. Глухих трущоб и непройденных дебрей с каждым днем становилось все меньше и меньше.

«ДЕТСКИЙ САД»

Летом 1936 года мне довелось прокладывать высотные ходы¹ и дешифровать аэрофотоснимки² в озерном крае на крайнем востоке Ленинградской области. Здесь все напоминало о русской старине. Город Кириллов и Кирилловский монастырь обосновались над Сиверским озером со времен Ивана Грозного. О древней архитектуре монастыря повествуют зодчие и историки. Мариинская система каналов из Шексны в Сухону, через озеро Кубенское, проложенная по мысли Петра Великого, соединила в 1810 году Северо-Двинским каналом в одну цепочку некогда разобщенные и глухие озера. На их берегах выросли новые села, монастыри и поселения ремесленников.

К югу от канала и Кириллова раскинулась обширная, покрытая лесом равнина. Там в глуши, среди лесов и

болот, по берегам извилистых рек приютились редкие малолюдные поселения. Леса были разделены на дачи, лесные дачи разбиты системой широтных и меридиональных просек на кварталы. В огромной Ниловской даче лес вырубался «кулисами»³, весной сплавлялся в запани на Шексну, там делалась сплотка и лотовки развозились буксирами. В лесной глуши лесорубы не раз встречали лосей и мишек.

За равниной, с трех сторон поднимаются пологие увалы. На юге по ним проходит железная дорога из Череповца в Вологду, на западе — тракт из Кириллова в Череповец, а на востоке, в истоках маленькой речки Вологды, было полное бездорожье.

В тот год лето выдалось знойное. Почва потрескалась даже на лугах. Над лесами, застилая дали, двигалась голубовато-серая дымка марева. Озера пообсохли, и на отмелях заиленных берегах из сапропелей⁴ образовалась потрескавшаяся корка. В июле пароходное сообщение по каналу между Кирилловом и Вологдой прекратилось. Кириллов оказался отрезанным от Вологды и Череповца. Связь поддерживалась только по Шексне через Горицы. В этом краю, богатом озерами, реками и лесами, старики не помнили таких засух.

В снятом на лето в Кириллове для картографической экспедиции помещении на перекрестке двух пыльных проезжих дорог, на самом солнцепеке, стояла невыносимая духота и жарища. Те, кто сидели за вычислениями, выплескивали на пол ведро холодной воды и то и дело прикладывались к ледяному морсу из мороженой клюквы. Видя нерациональную трату времени днем, руководство перенесло рабочие часы на утро и вечер. Участники экспедиции воспользовались новым расписанием и проводили послеобеденный перерыв на живописных берегах Сиверского озера, загарая в полудреме под лучами полуденного солнца. Этот отдых и предвечернее купание освежали, и база вечером оживала. Работа зашпорилась, но рабочих и лошадей в страдную летнюю пору добывали с трудом, и это тормозило отправку отрядов.

Взрослые и сильные мужчины шли на полевые работы неохотно: оплата была низкой, а труд — носить рейку и подрубать сучки — слишком легок. «Не работа, а морока одна. И на харчах больше проживешь, чем заработаешь», — обычно говорили, отмахиваясь, мужики. А по-

этому отряды чаще всего комплектовались из учеников старших классов школ и первых курсов педагогического училища и техникума. Тех привлекала необычная работа, манили ночевки в палатках, разговоры у костра под звездным небом, романтика и полеты юной фантазии в свое будущее и будущее человечества...

Вскоре экспедиция, однако, исчерпала в Кириллове все запасы молодежной рабочей силы. Я был одним из последних, кому надлежало проложить поперек залесенной равнины несколько высотных ходов, получить горизонты вод озер и рек и к середине августа с этим материалом явиться на базу. Работы предстояло много, но я «сидел на бобах» с нанятой без подводчика подводой — старой, полусгнившей от времени легкой телегой и еще более старым, рослым, но ленивым конем. Подводу наняли специально для обслуживания экспедиции у единственного, уцелевшего в Кириллове ямщика. Черного, как ворон, Цыгана он приобрел за бесценок на ярмарке в Кблоче у забредших цыган. На доход от Цыгана ямщик закупал сено для «пары серых» и мечтал осенью сбыть его лесорубам. Но, хотя доход поступал хозяину регулярно, плохо кормленный, застоявшийся конь на глазах у меня непрерывно тощал...

На засидевшегося в городе топографа стали косо поглядывать окружающие и товарищи.

Однажды после продолжительной дневной дремы под стеной монастыря, на берегу Сиверского озера, ко мне подсел курносый, широколицый парнишка. Он поставил ведро с уловом, бросил на землю удилица и попросил закурить. Я дал папироску, и между нами завязался неожиданный деловой разговор.

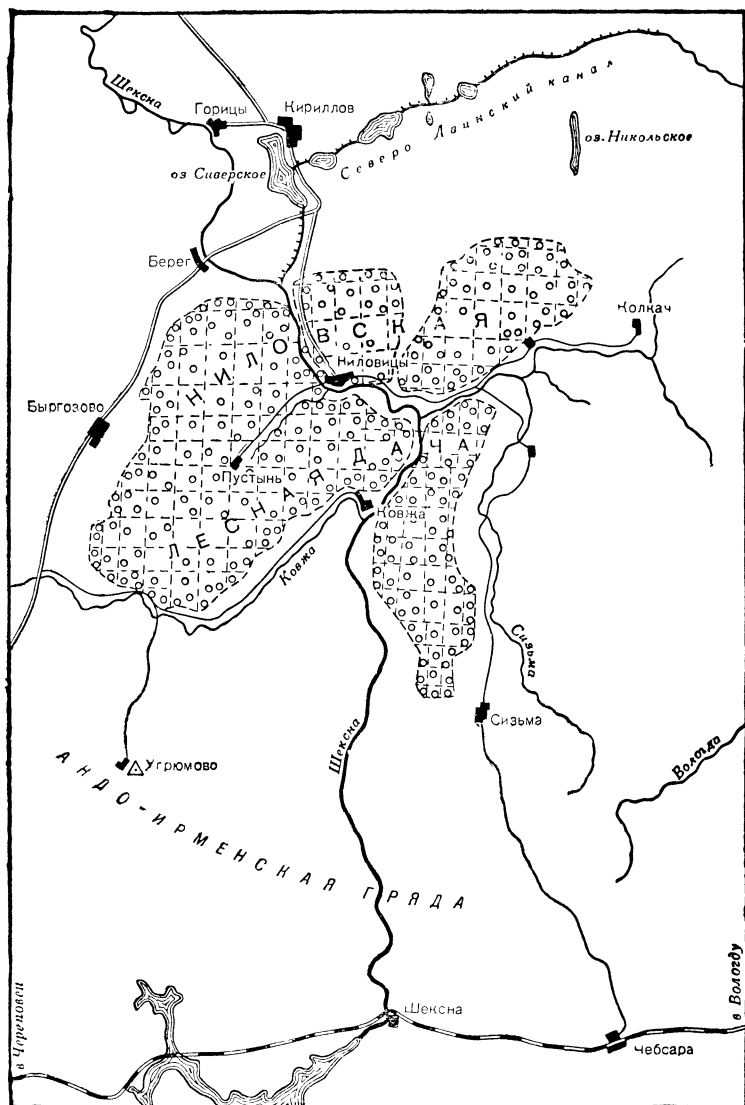
— Что же, кого надо уже понабрали в отряды? — спросил он, кашляя от глубокой затыжки.

— Нет. Без рабочих сию. Подвода есть, а людей нет...

— А у вас тоже аэрофотоснимки есть? Интересно! Я видел их. И до чего же хорошо все выходит! В нашем Кириллове каждый проулок видно, каждый дом, а ежели где на задах яблоньки, то и те разглядеть можно.

— Снимки без людей — пустота, их дешифровать надо. Ты бы набрал подростков для работы. В Ниловской лесной даче по просекам пройти надо... Да и сам приходи. Ведь время-то летнее — каникулы!

— А где их взять-то? Все старшие классы у вас в

экспедиции работают. Я третий год опять в седьмой ходить буду. Хворый я — кашляю и курю.

— А ты не кури и кашель пройдет.

— Пробовал, да не помогает. Скажите, а почему вы из седьмых не берете? Там покрепче меня парни будут. И «записатора»⁵ подберем подходящего!

Вот такого ответа я и ждал. Подарив на прощание подростку две папироски, я условился встретиться с ним на другой день вечером на базе.

Парнишку звали Андреем. Он не обманул. И на другой день, как только кончился послеобеденный перерыв, в комнату к моему административному начальству, молча, без стука, ввалилась компания в пять человек. Федор Иванович встал из-за стола, заваленного счетами и деловыми бумагами, и с недоумением спросил:

— Вам чего, ребятня, нужно?

«Ребятня» стояла в дверях, не решаясь войти. Языки точно отсохли. Андрей, заложив за спину руки, наступал босой ногой на ногу, точно стесняясь их грязи.

— Да вот пришли на работу к вам наниматься!

— Скажите, работяги какие!.. А что делать умеете?

Из группы вышел опрятно одетый коренастый паренек и выпалил:

— А таскать да ставить ваши рейки любой из нас сумеет.

— Ишь ты, ловкий какой! А родители в лес отпускают?

— В лес мы сами без спроса ходим,— загудела ватага в один голос.

Я вышел к ним из соседней комнаты.

— Вот пришли наниматься! — радостно крикнул Андрей и подошел ко мне.

Федор Иванович покачал головой, но выдал анкеты для зачисления на работу. Пока они заполнялись, я присматривался к подросткам и определял каждому рабочее место...

Болезненному Андрею поручалась подвода, т.е. ленивый Цыган и все снаряжение с продуктами. Тот же Андрей должен был кормить нас утром и вечером, ставить палатки и следить за конем. При слове «кашевар» мальчонка сделал кислую мину, но когда узнал, что ему поручается Цыган и с ним весь скарб, лицо озарилось счастливой улыбкой. Мальчишеское самолюбие было удо-

влетворено и «мамкина работа стряпухи» с лихвой покрывалась ямщицкой.

Его старшую сестренку Шуру, которой только что минул семнадцатый год, я решил приобщить к наблюдениям и записям. Аккуратненькая, чисто одетая, курносая, как Андрей, она закончила первый курс педтехникума и должна была справиться с должностью «записатора». Скромная и застенчивая, она была самой старшей.

Крепышу Саше шел семнадцатый год. Он был проворен в движениях, пожалуй, немного задирист, но зато необычайно исполнителен. Ко всему проявлял живой интерес. Будь у меня в запасе человек посильнее его, я поручил бы Саше работать с теодолитом⁶, но другого не оказалось и его пришлось сделать старшим рабочим — поставить на переднюю рейку⁷.

Вторую, заднюю рейку, вручил Лене — подружке Шуры. Учение Лене давалось с трудом, она осталась на второй год в седьмом классе. Летом делать ей было нечего, и она пошла на работу в отряд — «скоротать длинные летние дни». Ей стыдно было сидеть на харчах у родителей, корм которых пошел «не в коня», как она выразилась, когда я заинтересовался ее семьей. Лена была немного младше Шуры, но замкнутой, пожалуй, немного суровой. Горько сознавая свою бесталанность на поприще ученья, она, видно, искала иных путей приложения своих сил. Я узнал, что она мечтает вступить в артель кустарей, занятых производством гармоний. Некрасивая, смуглая, румяная и здоровая, она напоминала переодетого парнишку. Настолько она была еще не женственна в свои шестнадцать лет!

Самым маленьким был Валерка. Ему шел всего пятнадцатый год. На работу его послал сам отец — хозяин Цыгана, последний ямщик Кириллова. Я мог бы вполне обойтись без Валерки, но расчетливый отец, видно, хотел выколлотить из Цыгана как можно больше денег и поэтому в «подводчики» прислал сынишку — худощавого, низенького и юркого. По рыбалке он был закадычным другом Андрея. Я принял его в отряд как принудительный ассортимент, не дал определенной работы и направил к Андрею в помощники.

Просматривая анкеты, Федор Иванович что-то мычал себе под нос, хрипел и, смеясь, поглядывал на меня. Конечно, ехать в леса и болота на месяц с такой «ребят-

ней» опасно. Но выхода не было. Всю ответственность я брал на себя.

Вечером сразу же начались сборы. Получали снаряжение и инструменты, рассыпали по мешкам крупу и сахар, смазывали телегу и чинили сбрую. На этот раз голодный Цыган получил полную торбу овса и целый мешок в запас. Вскоре все было готово. Оставалось поверить⁸ инструменты и можно трогаться в путь.

На другой день у крыльца базы остановилась подвода. Весь скарб отряда был плотно прикрыт сверху брезентом и перевязан веревкой. Из-под брезента торчали только длинные рейки с зубастыми шкалами треугольников. На проводы отряда собрались подружки и приятели моих рабочих. Получив последние наставления и деньги, я вышел на крыльцо с научным руководителем экспедиции Алексеем Степановичем Филоненко и своим старшим товарищем инженером-геодезистом Сергеем Федоровичем Коробко.

Алексей Степанович, как всегда летом, был в чистом белом костюме и с маленьким черненьким бантиком. Его строгий, аристократический стиль одежды во время ужасной жары действовал на студентов поучительно: «мальчишки» в трусах, при его появлении в поле у инструментов, натягивали брюки, а девушки надевали накидушки на слишком декольтированные сарафаны. Этот невысокий человек читать нотаций не любил, но требовал уважения и полного внимания к работе. Однажды, сделав плохие записи и вычисления его измерений, я уловил только беглый, полный досады взгляд, но был готов от стыда провалиться сквозь землю. После этого я трое суток учился складывать и вычитать спереди⁹, парами цифр, и исписал кучу бумаги.

— Это кто выезжает? — спросил Алексей Степанович.

— Мой отряд.

— Не отряд, а детский сад,— ехидно вставил Сергей Федорович.

— Не сидеть же в такую погоду в Кириллове?! И с детским садом поработаем,— ответил я, усаживаясь на передок и беря у Андрея вожжи.

— Правильно, пускай привыкают! Окрестности своего Кириллова лучше знать будут. Время летнее, не простудятся! Желаю успеха,— поддержал меня Алексей Степанович.

«Ребяшня», свесив ноги, уселась на телеге, я натянул вожжи, подстегнул для резвости Цыгана кнутом, и мы шагом выехали из толпы провожающих. С тех пор за моим отрядом укрепилась кличка «детского сада»... А «детский сад» упорно колесил по проселкам и сенокосам, пробирался старыми, не расчищенными просеками в залесенной равнине и делал свое «немудреное дело».

Первые три дня работа только налаживалась: устанавливался твердый распорядок дня, каждый входил в круг своих обязанностей. Дружный коллектив осваивал систему работ, но продвиг был небольшим. Саша быстро понял свою роль и стал хорошо выбирать точки для постановки реек. Так как от Зауломского озера мы шли сенокосами, то расчищать и прорубать визиры¹⁰ не приходилось. Саша уже на снимках успевал опознавать свои точки и только иногда подрубал кусты ивняка. Лена на задней рейке в одиночестве явно скучала. Пока я устанавливал инструмент, она успевала облазить кусты и пригорки, набрать земляники.

Шура аккуратно записывала мои отсчеты расстояний и углов, но вычислять быстро не могла и путалась в цифрах. Мне приходилось проверять ее записи и вычисления, а это тормозило работу. Бедная девушка, видя, что в ней причина задержек, еще больше волновалась, торопилась, смущалась, краснела и не раз отказывалась от своей должности. Но заменить ее было нечем, и я упорно учил ее делать подсчеты. К концу третьего дня замешательство и торопливость исчезли. А вечером, когда сели ужинать и я объявил, что норму мы сегодня выполнили, Шура отвернулась и покраснела от удовольствия.

В эти дни тренировки труднее всего было приспособиться к нам Андрею с Валеркой. По началу кашевар из Андрюши вышел плохой. Первая сваренная им пшенная каша оказалась очень крутой, не проварена и подгорела.

— У нас дома мамка стряпает,— оправдывался он, под недоброжелательными взглядами товарищей. — Я в первой кашу варю! Не ешьте, коли не нравится.

— Как это не ешьте? — возмутился Саша. — День целый на ногах топаем с одним куском хлеба. А если нам

еще кашу варить, то и спать некогда будет. Шурка, научи брата!

— А она, думаешь, умеет? Спорим, что не умеет! — вызывающе крикнул Андрей и протянул руку. — Она у нас в «училки» готовится, а к ухватам не прикасается.

Все посмотрели на Шуру. Бедная девушка от стыда уткнулась в колени и, пока не смолкли насмешки, не приоткрылась к каше. А утром, когда все еще спали, она вместе с Андреем возилась у костра. На этот раз каша была заправлена сметочным соусом¹¹ и получилась в виде похлебки, но густой и наваристой. Такое месиво пришлось всем по вкусу, и его окрестили «рыбьим кондёром».

Закончив утренний завтрак, мы забирали инструменты и отправлялись к последней точке продолжать прерванный накануне ход. Андрей и Валерка мыли посуду, складывали палатки, укладывали все на телегу и, гремя мисками и ложками, которые стукались в большом чугуном котле, обгоняли нас стороной. Заехав вперед, они отпускали супонь¹² и седелку¹³, Цыган щипал траву, а приятели, закрутив на голове рубахи в тюрбаны, ложились сверху скарба загорать. Но хозяйские заботы раннего утра, видно, утомляли их, и они засыпали, «добирая» до полудня, то чего «не добрали» утром. Цыган, которого ели слепни, лез в кусты или густой осинник.

После полудня они просыпались и начинали искать нас. Вперед для разведки «дороги» высылались Валерка. Он громко перекликался с Андреем, и мы не могли их не услышать. Но на третий день работ, кончая ход в сумерках, мы так и не встретили нашей подводы. Андрей, видно, свернул с сенокосов на проселок, увлекся хорошей дорогой и отъехал далеко в сторону.

Узнав от встречных косцов, что они видели недалеко от деревни шатер и двух «цыганчат», мы молча переглянулись между собой и отправились на поиски в указанном направлении. Километра три пришлось бродить по скошенным сенокосам. Наконец выбрались на торный проселок и под горою, у маленькой речки, увидели Цыгана, костер и палатку.

Утомленные работой и зноем, усталые от быстрой ходьбы, все молча накинулись на остывший чай. Валерка крепко спал в палатке, но Андрея, как мы ни звали, найти не могли. Разбуженный нашим криком, Валерка долго не приходил в себя и пытался снова уснуть. А ког-

да наконец совсем очнулся, оказалось, он сам ничего об Андрее не знает. Утолив жажду, начали искать кашу и тут обнаружили, что вместе с Андреем исчез котел. Тем временем стемнело, в деревне замелькали огни. Пришлось «навалиться» на черный хлеб с солью и луком.

Когда этот ужин подходил к концу, на горке кто-то стал насвистывать модную тогда песенку Максима — «Крутится, вертится шар голубой». Вскоре свист сменился хриплым детским контральто, пение прерывалось долгим закатыстым кашлем. Наконец спичка осветила лицо и в темноте красной точкой замелькала сигарка. Андрей явно был в беззаботном настроении.

— Погоди, я тебе покажу, как «крутится, вертится»! — пригрозил Саша и спрятался за кустом.

Когда Андрей поравнялся с кустом, мы успели рассмотреть в темноте отлетевшую в сторону сигарку, услышали шум возни и сдавленный хрип Андрея:

— Тише ты, черт! Молоко разольешь! Не видишь, обе руки заняты?

— Какое молоко? — со злостью тихо выговорил Саша, — три километра с последней точки топали на твою стоянку, а там и ужина нет?!

— Вот он, со мной.

Вскоре оба появились в свете костра.

— Слушай, Андрей, устраивать ночлег так далеко от маршрута нам нельзя. Палатку надо ставить там, где закончен дневной продвиг. Смотри, сколько времени мы потратили на розыски и потратим еще завтра на возвращение! — я говорил с укоризной, но мой строгий тон был нарушен неожиданной шуткой Шуры.

— Он, наверное, ходил в деревню — учиться кашу варить?!

— А каша-то какая! — с торжеством подхватил Андрей. — На молоке. И бидон полный молока.

Все молчали. Не знал что сказать и я. Андрей, оказывается, хотел порадовать нас... На молочную кашу нажились с аппетитом, и котел быстро опустел.

Чтобы Андрею было легче искать нас, я стал выдавать ему каждое утро перед отходом смежные аэроснимки. Теперь Валерка правил Цыганом, а Андрей, сидя на телеге, выбирал по снимкам путь. С тех пор мы всегда приходили к готовому ужину и поставленной палатке на заранее намеченное и очерченное на аэроснимках место.

Так кончились неполадки первых дней. С каждым днем наш продвиг с тахеометрическим ходом становился все больше и больше, «ребятня» втянулась в работу, загорала и отдыхала от зимних сидячих занятий. Любопытный Саша стал опознавать точки на снимках не хуже меня и облегчал мне работу. Но Шура, хоть и освоила технику записи наблюдений, не могла постичь премудрости вычислять «спереди» и вычисляла по-школьному — «сзади». Только Лена по-прежнему скучала на задней рейке и, если не было ягод, садилась у колышка, и что-то обдумывала. Она аккуратно выполняла свои обязанности, но особого интереса к работе не проявляла.

На Череповецком тракте есть большое село Быргозово. Там кончились наши странствия по суходольным сенокосам и перелескам. Предстояло сворачивать на восток в Ниловскую лесную дачу. Продукты и кухонный скраб завернули в палатку и нагрузили Цыгану на спину вьюком. Телегу оставили на хранение в Быргозове.

От Быргозова до крохотной деревеньки Пустынь, которая приютилась на берегу маленького круглого озера того же названия, было не более шестнадцати километров. Дороги, или хотя бы торной тропы туда не было.

Идти с инструментом в лесу сразу стало трудней. На просеках, нечищенных много лет, вырос молодой подрост и мешал наблюдать. Расстояния от точки до точки стали короткими, и Саша не успевал подрубать ветки. На помощь пришел Валерка. В два топора расчистка пошла быстрее, но за день больше семи километров пройти не удалось. На переход в Пустынь и на возвращение терять времени не хотелось, и все согласились ночевать на просеке. Отложив на ужин хлеба, сахара и чая, отправили Андрея с Цыганом в Пустынь.

Тень от деревьев прикрыла от палящего солнца, и мои помощники оживились. Саша и Валерка старательно и быстро расчищали на заросшей просеке визирку. Шура едва успевала подсчитывать итоги моих наблюдений, а Лена между делом набрала полную миску ягод. Однако и в лесу зной и духота к вечеру совсем обессили ребят. Первым стал кукситься Валерка.

— Ну и жарыща. Дышать нечем. И воды кругом нет. Ой, как пить хочется!

— А ты терпи! Как дойдем до места, где вода есть, там и остановку на ночь сделаем,— подбадривал его Саша,— теперь чуток осталось!..

Откуда Саша знал, что до воды «осталось чуток» — неизвестно. Но засветло до воды так и не дошли. В лесу быстро сгустились сумерки. Далеко на горизонте, куда уходил просек, вспыхнуло красное зарево заката. Откуда-то вдруг налетели тучи комаров, и мы вооружились ветками.

— К ненастью комары залетали! — спокойно заметила Лена.

Уже в сумерках я тщетно пытался разглядеть рейку и нити, но отсчетов сделать не смог, и работу пришлось прекратить.

Место для ночлега выбрали на бугре под столетними развесистыми елями, недалеко от просеки. Там, среди бурой, прошлогодней хвои, кое-где яркими зелеными островками росла кислица¹⁴. «Ребяшня» с жадностью накинулась на нее и, пока я с Сашей ходил искать воду, у места ночевки не осталось ни одного зеленого пятнышка. Мы нашли воду почти за километр от ночлега — маленькое озерко, всего метров пятнадцать-двадцать в поперечнике, необыкновенно правильной круглой формы. Вода чистая и прозрачная. Дна не было видно. Озерко, наверное, очень глубокое.

Пока мы ходили за водой, девушки и Валерка разложили костер. Чтобы не пустить по всему ельнику пал, пришлось очистить от хвои большой круг. Около костра разложили дымокуры, от которых поднимались столбы белого едкого дыма. Когда большой черный от сажи чайник был водружен над огнем и все разместились у костра со своей скромной порцией ужина, Саша спросил:

— А как вы узнали, что именно там есть озерко?

Я показал на снимок. На нем темным, почти черным пятном среди серого леса виднелось озерко.

— Да-а-а! — протянул Саша и на корточках у огня принялся подробнее рассматривать снимок.

— Воду на снимке всегда легко распознать,— вдруг авторитетно заявил Валерка,— она самая темная и гладкая бывает. А мы с Андриюшкой вышку нашли, что за Быргозовом, как хапер¹⁵, на горке стоит. А когда в Ки-

риллове были, то на бабкином огороде всю малину с яблоньками разглядели на снимке.

— Ну да! Ты еще яблоки на деревьях видел!

— Вот те честное пионерское, видели!

Саша надвинул на глаза кепку и, раскачиваясь на корточках, как старый цыган, в раздумье спросил:

— А скажите, как получаются снимки?

И пока закипал чайник, а затем с аппетитом уничтожался черный хлеб, посыпанный солью и темный, как деготь, чай вприкуску с рафинадом, я рассказывал то, что знал о развитии авиации и об аэрофотосъемке, припоминая все виденное и прочитанное. Мне вспомнился один из пробных полетов на летательном аппарате в старом Петербурге. На расклеенные по всему городу афиши, оповещающие о поднятии человека на высоту около 40—60 метров над землей, откликнулось чуть ли не все население Питера. К забору испытательного поля устремились толпы рабочих и интеллигенции. Обступив забор, люди наблюдали, как в воздухе появился похожий на стрекозу летательный аппарат с привязанным ремнями к сиденью человеком и, сделав большой круг, опустился за забором. Полет вызвал бурю оваций. Легкая бамбуковая конструкция с маленьким тарахтящим мотором у ног пилота, восседающего между двух плоскостей на низеньком бамбуковом кресле, напоминала книжную этажерку. Популярной была песенка с припевом:

«Легче плавать в табакерке,
Чем летать на этажерке».

С тех пор прошло много времени. Воздух был покорен, летательный аппарат переименован в самолет, и самолеты стали во всех направлениях бороздить небесные просторы. С гидросамолетом, который ежедневно причаливал к полосатому знаку аэропорта на Сиверском озере, мои спутники были знакомы давно, но техника аэрофотосъемки не была им известна...

Когда мой рассказ подходил к концу, небо прорезала желто-зеленая молния и зарокотал отдаленный гром. Над нами еще не было туч, и сквозь широкие лапы елей, мерцая, проглядывали на светло-синем небе звезды.

— Я же говорила, что будет ненастье! — тихо сказала Лена и прижалась к Шуре.

— А вам летать приходилось? — спросила Шура.

— Тот, кто хочет летать,— ответил я,— должен сначала хорошенько по земле походить, карты сделать, тогда и летать будет легче... Земля лучше изучается с земли.

— А когда у нас автомобилей много будет? — неожиданно спросил Валерка.

— А тебе они зачем? — спросил я.

— У меня папка о паре серых мечтает, а ему председатель райисполкома сказал, чтобы он лучше на четырехколесные автоходы перестраивался... Да не везде проедешь! С Цыганом, пожалуй, надежней.

Подул ветер, ели закачались и зашумели. Дым от костра стал крутиться в разные стороны и прижиматься к земле. Вскоре брызнул, зашумел в листве дождь. С первыми каплями дождя мы начали строить «балаганы». Саша и Валерка рубили еловые лапы, а Шура и Лена втыкали их в землю, сгибая дугой. Вскоре вокруг костра разместилось пять низеньких «балаганов». В них можно было только лежать. Сквозь хвою, прикрытую сверху еще осиновыми ветками, дождь не проникал. На старой сухой хвое лежать было удобно и даже мягко.

Гроза стала стихать и уходить в сторону. Засыпая, я услышал, как Саша тихонько говорил Валерке:

— Знаешь, я обязательно летчиком буду!

— Только стажировку на земле пройти надо. Ведь летают по картам?! А карты знать надо,— ответил Валерка.

В наступившей тишине послышалось неразборчивое шушуканье девушек и придавленный смех. Видно, Лена сообщала подружке свои планы на будущее, которые родились в часы долгих дум, во время стояния с рейкой на задней точке. Но усталость взяла свое, и я крепко заснул.

Проснулся, как всегда, раньше всех. Солнце только что взошло и осветило освеженную коротким дождем зелень. В воздухе прохладно и влажно. Свежее утро бодрило, и я быстро поднял всех на ноги. Не умытые, без горячей пищи со вчерашнего утра, мы тем не менее весело тронулись в путь. Началась повседневная работа, в нее втянулись все, без нее скучали.

К полудню на просеку приехал верхом Андрей с котлом «кондера».

— А ты, Андрюшка, подаешь большие надежды в кашевары! — одобрил кондер Саша, облизывая ложку.— Вместо школы учился бы в поварском техникуме! Может и кашлять перестал бы?

— Нет, я в пастухи пойду. Мне свежий воздух нужен, и скотину люблю, особенно лошадей. Меня мамка давно в подпаски прочила, да вот сюда сбили. Андрей поднялся с разостланного плаща, оторвал полоску от газеты и свернул из махорки сигарку. Делал он это не торопясь, привычной рукой и курил, как взрослый.

— Чего смотришь? — обернулся он к сестре, — твое дело, «училка», учить, ну и учи! А я на воздухе жить хочу. Летом мне в избе душно. Потому мамка меня в подпаски и прочит, что дома я все равно не сижу.

Андрей сложил в пустой котел посуду, забрал чайник и верхом поехал назад.

— Скорей в Пустынь приходите! — крикнул он, обернувшись, — киселем из мороженой клюквы накормлю.

Деревушка Пустынь стала нам временной базой. Жители этого заброшенного в лесную глушь селения редко бывали в Быргозове, чаще ездили в Ниловицы на Шексну, где летом регулярно ходили пароходы, а к шлюзу у Ниловиц вел проселок. До Ниловиц от Пустыни километров пятнадцать. Клочок отвоеванной у леса пахотной земли не мог прокормить поселян. Зимой они работали на лесоразработках, а весной и осенью собирали на болотах клюкву, которую возами отправляли в корзинах на продажу в Кириллов. Иногда клюквой даже платили налоги.

Из Пустыни мы совершали переходы по просекам в разные стороны. Андрей подвозил нам еду, а если на вырубках было много травы, то ночевал с нами в палатке или «балагане». К ночевкам в лесу привыкли и на ночлег становились там, где кончался продвиг рабочего дня.

Подходил конец работам, лето было на исходе, ночи стали длиннее, а утреники прохладнее. О «мишках» в Пустыне поговаривали мало, и они нам не встречались. Работа шла хорошо, мои помощники сдружились, наш «детский сад» жил своей непринужденной жизнью и общими интересами. Оставалось проложить последний высотный ход от Быргозова к Угрюмову, на самой южной окраине Пришекснинской равнины.

* *
*

В середине августа мой «детский сад» пешком, налегке снова переваливал по пройденной просеке в Быргозово. Впереди под выюком шел Цыган. На выюк по очереди

садились то Андрей, то Валерка. Остальные растянулись гуськом и бодро шагали широким шагом.

Из Пустыни вышли с рассветом, а к одиннадцати часам подошли к Быргозову. Позади осталась Ниловская лесная дача. Проходя по просеке, миновали пять наших старых «балаганов» из согнутых еловых лап. Хвоя на них высохла и стала бурой. Все невольно проводили долгим взглядом свой первый ночлег в лесу, точно прощаясь со старым пепелищем. Пройденный тогда с теодолитом за два дня путь теперь промелькнул незамеченным за три с половиной часа.

В Быргозове Цыгана снова запрягли в телегу, Андрей, как обычно, поехал с ним, а остальные, продолжая работу, тронулись сенокосами с перелесками на юг, к реке Ковже и к Угрюмову. На третий день увидели вдаль на горе невысокое двухэтажное сооружение из переплетенных толстых бревен, местное население называет его «хопром», а геодезисты вышкой или сигналом. Около него из соседнего ложка донеслись знакомые голоса и тихая команда «передняя, качай!»¹⁶. Рядом работал кто-то из наших, и наши ходы перекрещивались. Неожиданно от реки, которую мы только что перешли вброд, послышался едва внятный оклик Андрея. Я откликнулся громогласным «е-е-ей!» и стал подражать гудку паровой сирены. Чтобы Андрей не проезжал мимо нас, мне уже и раньше приходилось отменять обычную сигнализацию флажками и подавать команду речникам зычно во весь голос. И сегодня — во влажном вечернем воздухе — мой голос далеко разносился по сенокосам. Когда я подал команду «внимание!», из-за кустов неожиданно вышел Сергей Федорович Коробко.

— А! Вот и ты с «детским садом»! Чего так кричишь? Тебя за три версты слышно! На, получи письмо и новое распоряжение. — Он вытащил из полевой сумки конверт и передал мне. Все это произошло так внезапно, что я не успел ни поздороваться, ни разузнать о том, что в письме. А Сергей Федорович, пожелав счастливого пути, также неожиданно исчез в кустах.

От реки по-прежнему доносился протяжный, негромкий окрик Андрея. Думая, что парень нас ищет, я не переставал ему отвечать. Наконец окрик Андрея раздался ближе и громче. Я задержался, и Андрей, задыхаясь, подбежал ко мне.

— Цыган не идет! В броду выше колен стоит и назад пятится. По оглобле ногой ударил и оглоблю сломал. Телегу вытаскивать надо!

Делать было нечего. Незаконченный ход пришлось отложить на другой день и идти выручать телегу.

На середине неглубокой здесь Ковжи стояла телега. Цыган повернулся боком, чуть не опрокинув все достояние отряда в воду. Что не понравилось ему на другом берегу? Почему он непременно хотел повернуть назад — было тайной, известной только ему.

Сначала на берег перетащили имущество. Потом уцепились за сломанную оглоблю и, помогая Цыгану, вкатили на косогор телегу. Как только его распрягли, упрямый конь зафыркал, захрапел и натянул перевязь.

— Конь, а конь! Повернись к речке передом, а к лесу задом,— пошутила Лена, обращаясь к Цыгану. Но он упорно уходил от реки назад.

Вынужденная ночевка на берегу около большой копны свежего душистого сена была заманчива. Более подходящее удобное место трудно было найти. Вскоре на берегу запылал костер, девушки занялись стряпней, Валерка поставил палатку, а мы втроем занялись починкой оглобли...

Откуда-то из-под телеги Андрей извлек большой кусок проволоки. Я вырубил три кола, сделал на них желобы, и мы крепко прикрутили их к обеим половинкам оглобли. Получилось некрасиво, но достаточно крепко. Связанная проволокой оглобля выдержала бы любую дорогу. Но поведение Цыгана вызывало тревогу. Пришлось его привязать на ночь к телеге и дать сена. Непокорное животное, фыркая и сопя, не раз будило меня и Андрея ночью. И чего ему не стоялось спокойно?

На другой день, когда ранним холодным утром заиграли первые лучи солнца и от реки поднялся туман, мы уже переправлялись вброд. Я вел упрямого Цыгана за уздечку, Андрей непрерывно дергал за вожжи и подхлестывал кнутом. Но на середине реки конь поднял высоко морду и стал бить задними ногами в передок телеги. Несмотря на все наши усилия, удержать его на мелком бросе не удалось. Он рванулся в сторону, к глубокому месту, и там, подмочив имущество, неожиданно вместе с телегой выскочил на противоположный крутой берег. Взбешенный Андрей, не помня себя от ярости, продолжал нещадно хлестать Цыгана.

Но Цыган встал как вкопанный. А когда его били, он только вздрагивал и подкидывал вверх задом.

Озадаченный со вчерашнего дня поведением коня, я осмотрел берег. И у самой воды на песке обнаружил следы медвежьих лап и когтей. Следы были большие и маленькие. Видимо, наш приход потревожил счастливое медвежье семейство. Я не стал искать дальше следов — встреча с медведицей была бы лишней и не из приятных, а обвел Цыгана вокруг кустов, вывел на дорогу и, показав Андрею вышку, направился с инструментом к последней брошенной вчера точке. Не прошло и трех часов, как ход был закончен на сигнале Угрюмово.

На юге невысокие холмы увалов Андо-Ирменской гряды, исчезая в синеватой дымке, приятно ласкали глаз. К их пологим склонам и округлым вершинам прилепились ветряные мельницы и дома с соломенными крышами. Где-то за бугром трещала конная жнейка — шла уборка хлебов. На север далеко раскинулась широкая, покрытая лесом равнина Ниловской дачи, в которой мы целый месяц бродили по проселкам. На бугре у сигнала приятно обдувал легкий ветерок, дышалось свободно и вместе с воздухом, напоенным ароматом спелых хлебов, в нас вливались бодрость и сила. Все взоры невольно устремились на север — по ту сторону покрытой лесом равнины, где за синеватой кромкой леса должен был быть Кириллов. К нему лежал наш обратный путь.

И только тут я вспомнил о вчерашнем письме, которого так и не прочел. Мокрое и измятое, оно лежало в кармане. Получать письма от кого бы то ни было в лесу, вдалеке от своих, всегда приятно! Я вскрыл конверт, извлек свернутый вчетверо тетрадный листок и, пока остальные любовались синими далями, прочел:

«Уважаемый начальник отряда № 5 (ребятни детского сада)!

С отрядом № 9, который работал в районе Сизмы, произошло неожиданное для нас «несчастье» — начальник отряда «К» и его записатор «О» (оба студенты четвертого курса) расписались в загсе Сизьменского сельского совета. Последствия пока в точности неизвестны, но рабочие разбежались и запланированные нивелирные ходы остались непройденными. Прошу переброситься по другую сторону Шексны и продолжить высотные ходы в нужном направлении и количестве по своему усмотрению. Деньги переве-

дены до востребования в Сизьму. Желаем успеха. Час добрый! Ф. И. П. и А. С. Ф.»

Прочитав письмо, я рассмеялся.

— Чему вы? — спросила Лена.

Едва сдерживаясь, я ответил:

— От начальства пришло дополнительное распоряжение. Нам следует идти порожняком в Ковжу. Там переправиться на другой берег Шексны и поработать немного в районе Сизьмы. Как долго будет это «немного», я не знаю. Как?! Согласны, товарищи?

— Конечно согласны! — последовал дружный ответ «ребятни». — Чем впусую по лесам ходить, лучше сделать крюк, да с работой!

Только Лена наморщила нос, но, вздохнув, решила не отставать от других.

— А как же с оглоблей быть? — спросил Андрей.

— Дотянет! А не дотянет, новую сделаем, — ответил я.

После обеда и короткого отдыха я долго тщетно смотрел в бинокль, пытаюсь найти в лощинах признаки присутствия отряда С. Ф. Коробко. Содержание письма, очевидно, было ему известно, но он, кончив нивелировку, еще вчера спешно «смотался» обратно в Кириллов...

Мой «детский сад» тронулся в путь, туда, где случилось «несчастье».

Мы снова дружно бродили по лесам, большим вырубкам, топким болотам и старым гарям.

«Поработать немного» — отняло у нас две с лишним недели.

*
*
*

В первых числах сентября, поздно вечером, под воскресенье, отряд въехал в ворота опустевшей базы. Сторож открыл чулан, и мы быстро втащили пустые мешки и инструменты. Продовольствие было съедено. Последние дни жили на мятных и медовых пряниках, которыми запаслись на обратную дорогу в Сизьме. Цыган еще больше похудел, от этого он стал еще ленивей и едва волочил ноги. Но у нас настроение было бодрое и веселое. По домам расходились в темноте, с сознанием выполненного дела.

У детворы уже начались занятия в школе, поэтому отряд собрался на базе только к вечеру в понедельник. Одетые в свою лучшую одежку, мальчишки стали совсем непохожими на тех «цыганчат», за которых их порой при-

нимали местные жители. Девушки были в новых платьях, которые надевались только по праздникам, как говорят, «приубрались» и даже надушились дешевым одеколоном. Когда все они, загорелые и улыбающиеся, ввалились за мною к Федору Ивановичу, он весело крикнул:

— За расчетом пришли?! А может быть снова поедете, поближе к железной дороге в Чебсарский район?

— Нет, учимся. На другой год, разве?..— деловито ответил Саша и посмотрел на товарищей.

— Ну так получайте полный расчет.

— Какой расчет? — удивился Андрей, — мы пили, ели, нам получать нечего.

— А расчет вот какой — Андрею причитается три сотни с небольшим и другим примерно по столько. Ну? Получайте!

«Ребятня» молчала, мялась и не знала что делать с деньгами. Такой куш подвалил им впервые. Деньги со стола брали не пересчитывая и, отходя, говорили спасибо. А когда расчет кончился, из комнаты никто не хотел уходить, и все расселись на лавках у стенок, точно перед отъездом.

— Ну, что же, товарищи, спасибо! Помогли! Прямотаки выручили! Получите еще и премию.

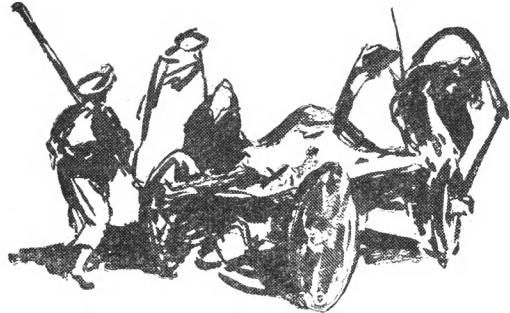
Федор Иванович посмотрел на меня. Я кинул ребятам два новеньких кожаных мяча и волейбольную сетку. От восторга мои молодые друзья вскрикнули и уходя забыли поблагодарить.

— Трудно с ними было тебе работать? — спросил меня Федор Иванович, когда захлопнулась дверь.

Я покачал головой и в раздумье ответил:

— Разве что в первые дни...

— Скажи ты, как получилось!.. Оказался «мал золотник, да дорог»!

НОЧЕВКА НА ЩЕЛКУЧЕМ

До середины тридцатых годов нашего столетия Горная Шория и Ойротия славились прекрасными лесами и пушным промыслом. Но в первые годы второй пятилетки леса были вырублены и спущены вниз молевым сплавом к предгорьям. Порубке лесов предшествовали аэрофотосъемочные и топографические работы, которые положили начало современному изучению географии и истории этого края.

Стало известно, что во многих названиях гор, рек, озер и населенных пунктов до настоящего времени сохранились корни древнего монгольского языка. В некоторых местах — по долинам рек и на горных перевалах — уцелели глубокие колеи дорог. Видимо, в давние времена здесь пролегали

пути постоянной связи хакасов и ойротов с Монголией и Китаем. Хакасы и ойроты сами являются ветвями монгольского народа. Они освоили эти земли много веков назад, еще до нашествия Чингис-хана, перевалив с юго-востока через горы в районе городка Уланком и озер — Убсу-Нур, Улан-Нур и Ачиту-Нур.

В этих местах, пробираясь к Телецкому озеру и к отрогам Чулышанского хребта, прокладывал высотные ходы и дешифровал аэрофотоснимки топографический отряд техника Галкина. После обычных трудов к исходу ясного осеннего дня отряд остановился на ночлег в долине небольшого ручья Шекучего. Лагерь расположился на ровной каменистой площадке между двумя скалистыми утесами.

Рабочие-реечники укрепили на кольях брезентовый навес, поставили четырехместную палатку, подвесили лошадям — Рыжухе и Серому — торбы с овсом и разложили костер. Ойрот, охотник и проводник, ощипал и выпотрошил четырех небольших косачей, убитых между делом во время перехода.

Молодой, загоревший на горном солнце топограф Галкин тихо разговаривал с коренастым бородачом. Бородач стоял на высоком камне и, устремив взгляд вверх по ручью, рассеянно отвечал на его вопросы, о чем-то думая.

Его частенько встречали топографы, охотники и лесорубы то на севере, то на юге Ойротии и прозвали Дядей. Говорят, раньше он был где-то учителем, но в последние годы стал краеведом и бродит по горам до поздней осени в поисках останков материальной культуры древних народов. Он был случайным гостем в отряде.

Одежда Дяди, в полную противоположность новому кожаному шеголеватому костюму топографа, выглядела неказисто. Бородач носил очень своеобразный «альпинистский» наряд из больших и малых кусков разноцветных кож и материй, нашитых на домотканную сермягу, напоминающую лоскутное одеяло. От постоянного хождения по кустам и лесу кожаные заплатки на коленях почти протерлись, посерели и напоминали обитые носы детских ботинок. Шапка, наподобие летного шлема, была покрыта капюшоном накомарника с «личиной» — сеткой из конского волоса. Куртку заменял залатанный жилет, подбитый теплой оленьей шкурой, — он был надет поверх шерстяного свитера.

Столь теплое одеяние никак не соответствовало ясному и теплomu дню, но Дядя, видимо следуя поговорке «жар костей не ломит», предпочитал все носить на себе, чем таскать в вещевом мешке. Встретясь с этим человеком не в тайге или в горах, а на станции или в городке, его можно было принять за нищего.

Наступали тихие, необыкновенно прозрачные сумерки. Такие вечера бывают только в предгорьях Ойротии перед наступлением ночных заморозков. Рабочие натаскали сухого валежника, разожгли большой костер и, отдыхая, грелись в ожидании ужина.

Топограф Галкин уселся под навес брезента и в свете костра подсчитывал итоги дневного продвига. Потрепанные страницы журналов пестрели красными пятнами от раздавленных комаров и мошки. Мошка и теперь не давала спокойно работать — делать подсчеты углов, расстояний и превышений¹. Проклиная ее и чертыхаясь, Галкин отмахивался от мошкары и клал около себя дымокур. Журналы и аэрофотоснимки были самым дорогим достоянием отряда.

— Эй, Дядя! Какой день завтра будет? — спросил один из рабочих.

Дядя усмехнулся, соскользнул с камня, поглядел на еще синее небо, на горы, освещенные багряным отблеском зари, и подошел к огню, протягивая озябшие руки.

— У меня костей и поясницы не ломит. Без перемен — ночью мороз, а днем будет ясно и жарко. Нехорошее место для ночлега выбрали. Молодо-зелено! — закончил он, кивнув в сторону топографа, который недоуменно поглядел на него и снова углубился в свои вычисления.

— Не любитель я гор и особенно пиков островерхих, ледников и снежников. Их красота хороша только издали. Там наверху ослепительно светло, голо и ветрено. На иную вершину люди лезут, лезут, а когда до нее доберутся, то и сами не понимают, зачем с таким трудом туда лезли. И кому от этого польза или корысть какая? Чем выше я забираюсь, тем тоскливее на сердце — леса далеко позади остаются, кустарники и те пропадают. Кругом только мхи, лишайники да маки разных цветов под синевато-фиолетовым, почти всегда безоблачным небом. И нет ни жилья, ни людей. Какая это красота? Разве для демонов только? Но чудней всего натура наша человеческая — все-то ей знать нужно. Живет человек в долине у реки, в деревуш-

ке или в городке, а ему обязательно в горы хочется. А в горы придет — на равнину, обратно к людям потянет.

Он достал из рюкзака скатанный валиком стеганный спальный мешок из гагачьего пуха и записную книжку в кожаном переплете. Пока рабочие и проводник готовили ужин, Дядя устроился на камнях и полулежа стал делать какие-то записи.

После дневного перехода и сытного ужина людей стало клонить ко сну. Они грелись у костра, следя за взлетом светящихся искр. Наступала холодная морозная ночь. Но у костра под нависшими скалами было тепло и уютно.

Окончив записи, Дядя принялся за ужин. Он съел кондер² из косачей с пшенной кашицей и с наслаждением пил маленькими глотками крепкий, темно-коричневый чай из литровой кружки. Глядя в темное пространство за костром, туда, откуда едва доносилось тихое журчание воды, начал рассказывать:

— Давно это было и трудно сказать, в какие века! Наверное, еще до Чингис-хана, Тимура и Батыя. Было тогда Великое Переселение монгольского народа на новые земли Сибири и Средней Азии. Одна из ветвей Великого Полчища осела на землях Ойротии. Глубь истории скрывает от нас причины переселений народов. Но доходят предания, сказы и легенды далекой старины. О далеком прошлом говорят сохранившиеся старинные названия мест. Иногда среди груды галечника в долинах рек попадаются кости людей с украшениями из драгоценных камней и металлов... Почему монголы стали переселяться?.. Может быть под натиском более сильных соседей — китайцев; может быть в поисках новых пастбищ или уходили от ужасных эпидемий и землетрясений. Нам известно, что языки монголов и ойротов имеют общую фонетику и схожие корни. Но как ни странно, связь Ойротии с Монголией разорвалась. Вполне возможно, что стихийные бедствия в горах разрушили дороги, и это привело Ойротию к обособленности.

Веков двенадцать назад, а может быть и больше, доподлинно сказать нельзя, в расцвет буддизма на Китайском Востоке огромное полчище монголов под предводительством Юра Сан Бата, теснимое китайцами к малонаселенной и неплодородной Внутренней Монголии, пересекло песчаные и каменистые пустыни. Оно остановилось у окраинных гор в поисках прохода на север. Истомленные

зном, жаждой и долгими переходами слабые умирали, их бросали на съедение шакалам и гиенам. Но остатки Великого Полчища из самых сильных и выносливых все же добрались до окраинных гор. В поисках прохода они разделились на три части и направились в разные стороны. Во главе двух отрядов стали два сына Юра Сан Бата, из которых старший — Бур Сан Бат двинулся на восток и северо-восток, младший — Мур Сан Бат пошел на запад. Сам Юра Сан Бат, будучи в преклонном возрасте, избрал короткий путь и двинулся прямо на север, в направлении цепи Чулышманских гор и Телецкого озера.

Немногим из людей Юра Сан Бата повезло добраться до плодородных лесных предгорий и основать Ойротию. Но все три ветви, очевидно, прошли через горы и некоторое время существовали как Ойротское и Хакасское княжества. Потом кем-то были покорены и смешались с другими народами.

Западное полчище растворилось среди народов Средней Азии и ранее других перестало существовать самостоятельно. Во времена процветания древнего Хорезма оно рассыпалось и кочевало родами в степях и песках от Иртыша до Каспия.

Лучше других сохранилась восточная и северо-восточная ветвь Великого Полчища. Она осела в предгорьях Саян, распространилась далеко за Восточное Прибайкалье и Центральное Сибирское плоскогорье, не потеряла связей с Монголией и обособилась в пределах современного Бурят-Монгольского национального округа. Эта ветвь Бур Сан Бата оказалась наиболее самостоятельной и жизнеспособной. Только под натиском русских переселенцев она сократила территорию своего господства, но не потеряла собственной многовековой, национальной культуры.

Юра Сан Бату скорее хотелось достичь северных предгорий, выйти к равнине и дать отдых людям и домашним животным. Он упорно шел к поставленной перед собой цели. Медленно тянулись цепочкой арбы на деревянных колесах с домашней утварью и детьми. Их обгоняли быки, лошади с навьюченными тюками и всадники, вооруженные луками и копьями.

Наконец измученные переходом люди спустились в широкую горную котловину. Заснеженные, голые вершины гор отступили к западу и востоку. Перевал был пройден, но впереди полная неизвестность. Небольшие горные ру-

чейки сливались в котловине в горный поток. Кое-где пробивалась побуревшая от солнца трава, которую с удовольствием щипали голодные лошади, коровы и овцы. Весной здесь было бы прекрасное горное пастбище. Эта высокогорная котловина была последней стоянкой Юра Сан Бата. Впереди виднелись горы, покрытые лесом, за ними могла быть возвышенная предгорная равнина с плодородными землями и хорошими пастбищами.

На другой день Юра Сан Бат спустился в долину горного потока и два дня двигался вниз. Чем дальше он уходил на север, тем круче становились скалистые склоны, тем больше встречалось крупной и мелкой щебенки и гальки.

Горный поток, натываясь на каменные преграды, то расширялся, образуя спокойные плесы, то совсем исчезал в горах камней, то стремительно прорывался в узких теснинах ущелий с нависшими скалами, врезаясь все глубже и глубже в толщу твердых горных пород.

Юра Сан Бату было не по себе. Люди беспокойно поглядывали на синее небо и высокие кручи, лелея надежду, что скоро откроется перед ними широкая равнина, о которой они так долго мечтали. Но сумерки опять настигали их в скалистых и мрачных теснинах. В конце третьего дня дорогу преградил выпадающий справа горный поток. Переходить его в сумраке было опасно. Надо было найти хорошую переправу. Поэтому на ночь остановились в том же порядке, как двигались,— узкой цепочкой среди камней, под нависшими скалами, у самой воды. Экономя привезенное с собой топливо, разложили маленькие костры, чтобы согреть воды и не замерзнуть морозной ночью.

Грустно и страшно было Юра Сан Бату и его людям в этой теснине.

Наверное тогда, так же как сейчас, между двумя утесами виднелся только небольшой клочок темно-синего неба с путеводными звездами, которые указывали ему дорогу на далекий и заманчивый север.

Дядя остановился и прислушался. Вдали что-то глухо треснуло и с грохотом обрушилось вниз. Лошади насторожили уши. Но опять стало тихо. Лишь доносилось журчание ручья.

— Камни осыпались,— тихо сказал проводник ойрот.

Эхо обвала глухо повторилось по ручью несколько раз и замерло вдалеке.

— Что же стало дальше с Юра Сан Батом? — спросил Галкин.

— В ту ночь, наверное, было так же тихо, как и сейчас. Подавленные тесниной и неизвестностью, люди сидели молча. Вдруг под землей что-то треснуло и из глубины раздался грозный гул. Утес на противоположном склоне пошатнулся и медленно начал оседать. Потом послышался снова сокрушительный треск, а за ним грохот обвала. Все — и утес, и камни съехали к самой воде.

Юра Сан Бат, наверное, не успел даже крикнуть. Он был засыпан камнями. Те люди и животные, которые находились в стороне, замерли от ужаса.

Когда первый испуг прошел, вопли женщин, плач детей, крики мужчин, стоны умирающих смешались с мычаньем коров и ржанием лошадей. В диком хаосе люди и звери кинулись обратно, вверх по потоку. Но тут опять раздался глухой сдавленный треск и грохот. Опять сорвалась глыба и вместе с потоком камней съехала вниз. Обвал преградил дорогу и запрудил горный ручей. Люди и животные, зажатые между двух обвалов в узкой теснине, метались всю ночь.

Среди обломков домашнего скарба и груды камней, люди отыскивали раненых родственников. А когда рассвело, снова собрались в дорогу. Сквозь камни верхней россыпи кое-где начинала просачиваться вода. За нижней россыпью было сухо.

Перебравшись по камням на левый берег ручья, минуя правый приток, люди с остатками скарба торопились покинуть ужасную теснину и быстрее выйти на равнину. Предводителем этой горстки людей был выбран Ой Рот Бат, племянник Юра Сан Бата. Он вывел их в предгорья и основал Ойротское княжество.

Природа предгорий благоприятствовала расцвету Ойротии. Ойроты нашли пути через горы в Монголию и долго поддерживали с ней связь. Но однажды и она в силу неизвестных причин оборвалась. Ойротия обособилась национально и политически на долгие годы.

С тех пор многое изменилось. Новые связи с внешним миром начались на западе с времен покорения Ермаком Сибири. Связи крепили благодаря русским охотникам, шедшим в Сибирь за ценной пушниной. Ведь что сделало в Аляске золото при ее заселении европейцами, то в Сибирских лесах сделали звериные шкурки...

С веками изменилась и та долина, в которой погиб Юра Сан Бат. Может быть она еще больше расширилась и углубилась, может быть совсем высохла, но до нас сохранилось ее название и селение Юрбута, данное племянником в память о дяде Юра Сан Бате. Там можно встретить интересные находки, свидетельствующие о прошлой жизни ойро-тов, и по ним восстановить характер национальной культуры.

Горные проходы через Ойротию в Монголию и далее в Китай и Индию давно интересовали русских и иностранных промышленников, торговцев пушниной и путешественников — исследователей древней культуры народов, но пробел в истории Хакассии и Ойротии еще не заполнен.

Могильщики гор — это вода, снег, жара и мороз. Снега и ледники, тая летом, превращаются в воду. Стекая с горных вершин, она сливается в горные ручьи и потоки, размывающие землю. Многовековое течение вод образует долины, а горы выравниваются в холмы. Когда вода попадает в трещины горных пород и в них замерзает, она действует, как динамит, — тогда отрываются и скатываются вниз каменные глыбы. Наверное, вода размыва те два горных обвала, где погиб Юра Сан Бат. Наверно, она же размыва дороги из Ойротии в Монголию.

Дядя хотел сказать еще что-то, но рядом раздался приглушенный треск и грохот небольшого обвала. Две каменные глыбы наклонились одна к другой, стукнулись и с обломками съехали вниз, увлекая с собой кустарники и камни. Испуганные лошади высоко подняли морды, натянули поводья, привязанные к кольям палатки, и громко заржали. Гулкое эхо обвала несколько раз прокатилось по ущелью и замерло.

Никто не сомкнул глаз. Люди отказались от сна и с беспокойством ждали у костра рассвета. Когда первые лучи солнца осветили вершины далеких гор, отряд был готов к выступлению. Но пришлось ждать. Кругом все покрылось инеем. Ноги скользили по мокрым камням.

Над долиной Щелкучего поднялся туман. Он обволок склоны, прикрыл теплое осеннее солнце и пока не растворился вместе с инеем в теплом воздухе, отряд не мог приступить к работе. Когда туман поредел, все увидели на берегу две свежие каменные россыпи... Галкин подал команду речникам, и отряд двинулся в поход.

На ходу всем безудержно хотелось спать.

Пути отряда и Дяди расходились. Отряд спускался вниз по ручью, а Дядя шел в горы искать остатки древних дорог. Теперь все понимали причину беспокойства Дяди перед ночлегом и узнали, почему ручей назывался Щелкучим. Эта ночь осталась надолго в памяти всех.

С тех пор, прежде чем располагаться на ночлег, стали подыскивать для него безопасное место. Ведь спокойный отдых и глубокий сон по ночам — залог успеха в дневной работе исследователей...

ПОЖАР

Не всегда в зверя стрелять надо. Иной раз и человек со зверем одну думку думают — как живыми остаться. И тогда друг друга не трогают. А однажды медведь от пожара троих спас.

Лето 1932 года в Восточной Сибири выдалось необыкновенно сухое и жаркое. К сентябрю земля высохла, уплотнилась и растрескалась. Лиственные деревья, тронутые первыми заморозками, оделись в золотую с алым парчу. Пестрея теплыми красками, тайга уходила к далекому синему горизонту. Особенно пестры и яркие были наряды осин на старых гарях, от желтого и красного до темно-бордового и коричневого. Резко выделялись темно-зеленые с синеватым отливом кроны сосен, кедров и елей, прикрытые кое-где, как вуалью, бледно-желтой хвоей лиственниц. Даже на днищах глубоких рассосин¹, где царят вечная сырость и

полумрак, было сухо. Тайга могла вспыхнуть, как порох, от брошенной спички или небрежного обращения с костром.

Где-то далеко, в бору Шиткинского района Иркутской области, на правом берегу реки Чуны, за деревней Неванкой, вспыхнул пожар. Население окрестных деревень, мобилизованное на тушение горящей тайги, которая угрожала спелым хлебам, много дней топорами и лопатами безуспешно боролось с огнем. Людям становилось все трудней и трудней. Огонь, притушенный в одном месте, едко чадя и дымя, змейками пробирался по мху и валежнику и неожиданно вспыхивал голубым огоньком в сухой хвое. Тысячи искр подхватывались ветром и разносились в разные стороны. Неосторожно оставленный пал² вновь бушевал очагами пожара, то вспыхивал ярким пламенем, то дымовой завесой стелился по рассохам.

Дым и пламя с нескольких сторон охватили драгоценную вековую тайгу. Как Змей-Горыныч, пожар с ревом кидался вихрем по ветру, пожирая вековые сосны и кедры. Огромное пламя, гонимое сухим ураганом, перекинулось по верху на левый берег реки Чуны и стало валить боровую тайгу на десятки километров вдоль водораздела с рекой Бирюсой. Пожар уходил все дальше на северо-запад и заглох только в октябре под напором дождей и первых снегов где-то на междуречье рек Тасеевой и Ангары.

Огневой шквал оставил груды обгорелых деревьев.

Наваленные в переплете ветвей один на другой стволы, вывороченные веером корни, глубокие ямы и кучи валежника напоминали о страшной стихии огня.

Лишь изредка над кладбищем леса пронесутся перелетом птицы да в поисках червей, улиток и муравьев к окраине приобретет медведь. Через год-два жуки и гусеницы начинают точить древесину и неподвижная полегшая тайга оглашается торопливыми стуками дятлов. С ними возвращаются и первые мелкие насекомоядные птицы. Длинные в два обхвата стволы с годами превращаются в трухляки и гнилушки, удобряя своими останками землю для новых растений. Сначала появляются травы, затем кустарники, потом березняки и осинники. Они приходят на смену многовековой хвойной тайге, начиная новый цикл развития лесных формаций³.

Недалеко от границ пожара, вдали от жилья, в глухих бездорожных местах, почти впроголодь — без хлеба, крупы

и сахара, питаюсь мясом убитых зверей и птиц, отряды таксаторов с запада на восток бороздили просеками тайгу.

Вдоль водоразделов и по речным долинам сновали отряды топографов, геологов и географов. Изучением рек, ископаемых, минерального сырья, флоры и фауны занимался огромный коллектив ученых, инженеров и техников. Сложная проблема будущего «Ангарстроя» втянула в работу людей самых разных профессий и квалификаций. Тогда впервые была широко поставлена и комплексно решена задача изучения природных ресурсов территории Приангарья.

Под вечер, на узкий тракт, соединяющий Богучаны с Шиткой и Тайшетом, вышел изнуренный зноем, мошкой и жаждой топографический отряд. Тяжелый маршрут вдоль водораздела притоков рек Чуны и Бирюсы в бездорожной хребтине⁴ тянулся шестые сутки. Опытный, физически сильный и выносливый техник-топограф прибыл из Москвы. Он впервые работал в Прибайкалье. С ним были пожилой и закаленный в тайге проводник — охотник Афанасий Емельяныч Каверзин и его племянник Василий, оба из деревни Кондратьевой, самой большой в Шиткинском районе.

Впереди, вдоль обочины⁵ тракта бежала, высунув язык, сибирская лайка. В поисках воды она часто подбегала к высохшим лужам, обнюхивала и лизала влажную корку и опять сворачивала на обочину.

Люди, загорелые и почерневшие от кровавых укусов мошки и грязи, откинув назад личины — сетки накомарников из конского волоса, поочередно, бережливо прикладывались сухими, вспухшими от жажды губами к единственной фляге с водой, чтобы увлажнить пересохшие рот и горло. От долгого хождения по кустам и валежнику кожаные брюки и тужурка на технике ободрались и посерели. Короткий, чуть выше колен зипун из домотканной материи на проводнике был изорван, клочья, свисая, прикрывали охотничий нож и патронташ на поясе. За спинами, дулом вниз, висели ружья. Серый холщовый планшет глазмерной съемки и блокнот путевых записей были измазаны кровью раздавленной мошки. На суконных брюках Василия пестрели разноцветные заплаты. Чтобы сохранить в тайге свою одежку, он носил поверх ватника брезентовый плащ. Брезент лучше другой материи выдерживал

долгую таежную жизнь и лишь едва заметно лохматился на полах.

Василий вел на поводке маленькую рыжую кобылку с пустыми сумами на седле. Выйдя на тракт, он почувствовал прилив сил, натянул повод и, понукая Рыжуху, ускорил шаги. Но утомленная переходом голодная лошаденка не стала резвей. Она не оторвала от обочины морды и продолжала жадно рвать сухую пожелтевшую траву и хвощ.

Около часа путники медленно шли по тракту и рассматривали деревья, стараясь не пропустить условную затеску и найти долгожданное продовольствие, почту и охотничьи припасы. Не подпуская к себе на выстрел, на тракт вылетали клевать песок глухари и улетали, как только на них с лаем бросалась собака. Иногда Рыжуха поднимала от земли морду, настораживала уши и всматривалась в лесную чащу. Наверное, она чужла притихшего у дороги зверя. С писком и цоканьем дорогу часто перебежали полосатые бурундуки⁶.

— Ну, что, Емельяныч? Километры вот они те самые, о которых договорено было, а затески все нет. Эх, пить и есть здорово хочется!

— На тракт мы вышли правильно. До пожара еще далеко, но все же надо к жилью подаваться. Раз продовольствие для нас не заброшено, значит некому — на пожаре все.

По тракту до ближайшей деревни в любую сторону было не менее сорока километров. Терять времени на лишний переход не хотелось, но и без еды идти дальше было нельзя. Пока техник и проводник, усевшись на обочине, высказывали свои догадки и строили планы, Василий разложил дымокур и с наслаждением закурил закрутку.

Вдалеке на тракте, на фоне неба, освещенного ярким багрянцем заката, неожиданно появились два всадника. Заметив дым, они быстро подскакали и осадили коней. Один из них крикнул:

— Кто за люди? Зачем огонь разложили? И без того пожар в тайге.

— А ты, Петруха, своих не узнал? Смотри на досуге ребра тебе посчитаю,— пригрозил Василий, поднимаясь с обочины.

— А! Васек! Отколь же ты взялся? Я за дымком-то тебя не приметил. Ой, пари, страшны вы больно! Видно не пивши ходите? Мишуха, давай твою бутылку с водой.

Молчаливый Мишуха передал бутылку Василию и исподлобья присматривался к людям. Потные, с ввалившимися боками лошади тяжело дышали и прижимались от мошки к дымку. Не торопясь, с наслаждением люди пили по очереди из горлышка. Когда бутылка снова вернулась к Василию, и он, сделав последний глоток, перевернул ее горлышком вниз, Емельяныч рассказал какая вышла у них незадача с продовольствием.

Что делать? Отряду нужен был отдых, но пока пожар был еще далеко, надо было спешить пройти междуречье... Посоветовавшись, пожарники взялись доставить начальству записку, а в случае нужды завезти по пути и продовольствие. А техник обещал тем временем отдежурить за них у пожарной вышки. Вынув из папки блокнот, он написал на миллиметровой бумаге коротко: «Вышли на тракт 17^h 10^m — 25—IX. Междуречье пройдено. Пожар далеко. Идем Хандальское. Присылайте продовольствие. Жду картошки и луку. Здоровы. Александрыч».

Распростившись с пожарниками, отряд свернул с тракта в осинник, спустился в рассоху и по узкой, едва приметной тропинке поднялся на вершину траппового утеса⁷. Там стояла сооруженная наспех из неошкуренных бревен пожарная вышка. Внизу в рассохе было темно и сыро. Между камнями и кочками пробивался едва заметный ключик. Пользуясь кружкой и накомарником, из него можно было нацедить воды только на котел и чайник.

Емельяныч решил напоить Рыжуху и пошел с нею искать бочаги⁸ ниже в рассохе. На всякий случай он всунул в двустволку патроны с жаканом. Заботливый и распорядительный Василий засветло стал готовить ночлег. Техник вместе с Василием ставил палатку и готовил ужин. У входа в палатку они соорудили на ночь нотью — костер из двух сухих лиственничных бревен. Вскоре все было готово. Чтобы не остыли чайник и обычный кондер из последнего пшена с двумя рябчиками, они были поставлены на краю костра. Василий размачивал в кружке собранные в сумах сухарные крошки. Сухари кончились еще вчера.

Сквозь редкие сосны с вершины утеса виднелась бесконечная — без конца и без края — то зеленая, то золотистая, осенняя тайга. Наступали вечерние сумерки, а Емельяныч с Рыжухой не возвращался. Не было слышно ни лая, ни выстрела. Наверное, он ушел далеко, напоил и пас голодную лошадь на хвоще⁹.

— Не иначе, как дядя задумал что-то... Вот увидишь, Александрыч! Не с пустыми руками придет,— Василий сладко зевнул и вытянулся у костра на еловых лапах.

Топограф разбирал и описывал собранные по пути горные породы. Он не был геологом, но собирать образцы было его страстью — второй натурой. Этим делом он занимался с любовью, по всем правилам. Образцы он аккуратно перекладывал во выючные сумы, которые таскала на себе Рыжуха, и бережно хранил вместе с этикетками в маленьких мешочках, чтобы при первой встрече с геологами подарить им. В ожидании Емельяныча и ужина эта работа сокращала время и отвлекала от еды.

Вдруг вдалеке залаял Бусый и один за другим раздалось два выстрела. Затем снова наступила тишина. У костра глаза привыкли к свету и ничего не могли разглядеть в темноте под пологом леса.

Наконец, виляя хвостом, к костру подбежал Бусый и, лизнув Василию руку, тяжело дыша, улегся вдали от огня у входа в палатку. Но прошло много времени пока наконец из темноты донесся глухой тихий звон ботала¹⁰. Он все приближался и приближался, а с ним доносился хруст веток под тяжелыми шагами. Так мог идти человек только с тяжелой ношей. Вдруг сразу из темноты в свете костра выросла лошадь и за ней Емельяныч. Ружье свободно висело на шее спереди, а за спиной высился черный от крови вещевой мешок, туго набитый мясом. Бусый только повел ушами, но не тронулся с места — он был уже сыт. Тяжело дыша, Емельяныч перехватил в руку ружье и, снимая мешок, радостно крикнул:

— Ну, пари, подвезло! Теперь надолго обеспечены мясом. Завтра с утра вытаскивать будем.

— Ты кого убил-то сохатого¹¹ или косолапого? — спросил Василий.

— Вари, ешь, да помалкивай! — уклонился от прямого ответа Емельяныч.

Техник был молод и, рассматривая куски свежего мяса, не мог определить убитого зверя. А раздумывать было некогда. Сегодня, хоть без хлеба, но можно было вдоволь поесть и уснуть сытым.

Разложив по мискам кондер, Василий принес котел с водой, наложил допoлнa мясом и повесил на таган. Пока ели кондер и пили коричневый плитчатый чай, сварилось и мясо. Наконец пришло вознаграждение за вынужденную

полуголодную диету. Остатки мяса поручалось сварить первому ночному дежурному — Александрычу. Чтобы он не уснул на вышке и чаще слезал к костру, ему разрешалось согреться горячим бульоном.

— Хорошее мясо. Вкусное! Ну, и подвезло нам,— говорил он, полулежа доедая последний кусок.

— Да, силен зверюга попал! Только со второй пули на землю грохнулся,— ответил Емельяныч, подмаргивая Василию и потирая от удовольствия руки.

Не дожидаясь, пока дядя и племянник улягутся спать, техник принес из рассохи воды, заложил в котел новую порцию мяса и повесил его на таган.

Наступила глубокая ночная тишина. Становилось холодно. Изредка потрескивали головешки, глухо ударяло болото, нотья жарко тлела красными угольками, согревая спящих в палатке. Пробираясь на вышку, Александрыч почувствовал под ногами покрытую инеем траву, ичаги¹² промокли, набухли, стали тяжелыми и просторными. На востоке бледно-розовая дымка покрывала небосвод, и в ней, как в тумане, над приподнятым горизонтом повисла луна. Но пожара не было видно.

Так, то влезая на вышку, то кемаря у костра и попивая горячий бульон, Александрыч коротал первую половину ночного дежурства. Через шесть часов разбудил Емельяныча, улегся на его место и крепко заснул.

Его разбудил лай и ворчание собак. Вдали послышалось ржание, ему радостно ответила Рыжуха. Вскоре из рассохи на новых, сытых конях выехали Петр и Мишуха. Техник принял сумы с продовольствием, отдал пустые и стал читать долгожданную почту.

И только тогда, когда окончил чтение и огляделся кругом, он обратил внимание на необычное зрелище. У входа в палатку лежала огромная горбоносая с плоскими рогами голова сохатого. Неподвижный глаз отражал синеву неба. Из приоткрытого с оскаленными зубами рта на землю свисал язык. На жерди между двумя соснами просушивалась серая шкура лося, а рядом висела освежеванная и разрубленная на четыре части туша. Охота на лосей была запрещена, и отряд совершил преступление.

— Ой, пари, да у вас тут свежатины много! А мы свинины им привезли,— с этими словами Петр взял у Василия кусок вареного мяса, густо посолил его, откусил и прихлебнул из кружки бульона.

— Не утерпел я, согрешил. Теперь не только нас, всю экспедицию мясом обеспечить можно. Любой маршрут никому не будет страшен! Не преступлением это считается, а в силу необходимости — для экспедиции. Да и много после запрета развелось этого зверя — не вымрет!

Разбросанные по всему Приангарью отряды нуждались в еде. Доставлять продовольствие регулярно в глухую и бездорожную тайгу было трудно. Поэтому, большинство отрядов жило «на подножном корму». Действительно, теперь экономя крупу, люди могли вволю есть мясо и поделиться с другими отрядами, переправив его через пожарников.

После сытного обеда, проводив Мишуху с мясом к начальству на Чуну, отряд распрощался с Петром, навьючил на бедную Рыжуху тугие, тяжелые сумы и двинулся в путь.

Долго шли не останавливаясь — то спускались в темные и глухие рассохи, то поднимались на плоские, с едва заметным уклоном хребтины междуречий притоков рек Чуны и Бирюсы.

Иногда из-под носа Бусого, тяжело хлопая крыльями, вылетали матерые глухари, иногда вдруг на собачьей шее начинала топорщиться шерсть — Бусый глухо рычал и нехотя расставался с медвежьим следом. Следы косялапых переплетались со следами лося и дикого вепря. Они четко виднелись на влажном мху. Видно звери, как и люди, искали воду и прохладу в темной зеленомошной тайге¹³ глубоких рассох.

Привычная для техника работа — маршрутная глазомерная съемка — не составляла труда. По компасу брались направление, на планшете строился ход, в блокноте велась запись шагов и румбов. Счет шагов тройками, как такт в вальсе, не мешал технике разговаривать и наблюдать природу. Примитивная съемка, когда она освоена, дело несложное и очень увлекательное. Разнообразие природы сокращает расстояния, и только тогда, когда устанут ноги и нестерпимо захочется есть и спать, ощущается пройденный за день путь.

Когда поднялись на хребтину, потянул ветерок, и в сухом воздухе запахло дымком. Солнце спустилось низко к горизонту, неожиданно закрылось багряной завесой и красным диском повисло над лесом. В далекой затененной долине уже упали вечерние сумерки и начал стелиться туман. Где-то в отдалении, справа, что-то гудело, иногда завывало

и громыхало. Иногда шум напоминал гром отдаленной грозы и водопада. Все чаще Емельяныч поворачивал голову в ту сторону. Но за косогором и лесом ничего не было видно.

Отряд спустился в рассоху. Под кронами елей было прохладно и сыро. Казалось, еловые лапы еще ниже нависли над зелеными влажными мхами, в которых, неслышно ступая, утопала нога. Зловещая тишина и мрак давили своим спокойствием. Жутко остаться одному в такой тайге!

Потревоженный голосами, а может быть запахом гари, с ночной лежки из замшелой ямы поднялся старый медведь. Он нехотя, лениво поворачивал ожиревшее тело, но, услышав рычание Бусого, урча быстро исчез за косогором. На всякий случай приготовили ружье, но стрелять не пришлось.

— Ну, что же, ребята, пора на ночлег становиться? — спросил Василий и стал деловито осматриваться в полутьме.

— Нет. Хоть и вода близко, но не гоже нам тут оставаться. Люди не удержали огонь. Вон он гудит за хребтиной! Дальше, туда за медведем подаваться надо! Он лучше нас с вами знает, куда спастись от пожара, — возразил Емельяныч и пошел за косогор.

Бусый повел отряд по медвежьему следу. За косогором след пересекал релку¹⁴ и поднимался на боровину. Не останавливаясь, тяжело дыша и похрапывая, вынесла на бровку под ободряющий окрик Василия тяжелые суммы Рыжуха. На боровине задержались, чтоб отдышаться.

Темная тайга осталась внизу. Тут было теплей и светлей. Стройные, столетние исполины сосны стояли, едва касаясь друг друга ветвями, и, качаясь от легкого ветра, тихонько шептались. Ноги скользили по сухой прошлогодней хвое, дышалось свободно, широко, всей грудью. Красный солнечный диск почти совсем исчез за бледно-розовой густой поволокой, и только в вершинах сосен играл тусклый багрянец вечерней зари.

На хвое медвежьих следов не было видно, но Бусый упорно бежал в одном направлении, нюхая землю. Еле еле поспевал за ним Емельяныч.

Выбирая между сосен широкие прогалы, Василий тоненьким прутиком подгонял Рыжуху и аукался с Александрычем. Техник вел свою съемку и поэтому отставал... В одном месте медведь разрыл муравейник и, наверное,

лакомился муравьями, в другом — перевернул сгнивший трухлявый колодник и исцарапал когтями замшелый пенёк. Огромный камень, неведомо как и откуда сюда попавший, медведь подрыл с двух сторон и пытался сдвинуть. Но камень точно врос в землю и не поддавался мишкиной силе. Медведь, вероятно, был не очень голоден и торопился пройти боровину. За бором в густом молодом осиннике, куда уходил медвежий след, начиналась пологая падь¹⁵. Идти дальше с лошадьёю было нельзя. Пришлось обходить осинник и, минуя падь, спускаться прямо в рассоху.

Спотыкаясь о камни и валежник, пошли понизу. Склоны становились все выше и круче. Сбитый со следа Бусый вертелся под ногами, часто лакая меж камней застойную воду, не отзывался на приказания «ищи!» и жался к Рыжухе.

Необычную, жуткую тишину темной тайги, сырость и мрак, летом так любимые глухарями, а зимой соболями и колонками¹⁶, потревожил глухой звон ботала. И от этого глушь еще сильнее давила на сердце, вызывая тревогу. Но и в эту глубокую и глухую рассоху меж устремленных ввысь елей проглядывало синеватое небо с первыми звездами, и сюда доносился шум сосен и сдавленный гул урагана. Он то утихал, то усиливался, то приближался, то уходил куда-то в сторону и совсем замолкал. Наконец на прогалинах появились сухой вейник¹⁷, осока и хвощ. Тут можно было становиться на ночлег и подкормить за ночь Рыжуху.

У большого, обросшего мхом камня Бусый вдруг зарычал и с яростью начал откидывать лапами землю. Рыжуха натянула повод, захрапела, затопталась на месте. Емельяныч взвел курки и стал обходить камень.

За камнем показалась темно-бурая, округлая медвежья спина, затем поднялась морда с маленькими широко расставленными ушами. Старый медведь снова нашел себе удобную безопасную лежку и, теперь сидя рассматривал назойливых гостей. Видно, ему очень не хотелось покидать новое логово и он размышлял. Злобно рыча и лая, чувствуя за собой защиту, Бусый бросился к медвежьим гачам¹⁸. Но зверь быстро повернулся, наотмашь ударил Бусого лапой, урча и рывкая, бросился наутек. Бусый взвизгнул, перевернулся и лая погнался за ним.

— Ату его! Ату! А-а-а-а! — Прокричал вдогонку ему Емельяныч. Он первый оправился от опасной встречи.

Проводив медведя за косогор и видя, что за ним не идут, Бусый вернулся, рыча и лая в ту сторону, где скрылся медведь.

— Так-то, Михайлыч, лучше будет! Найдешь себе новое логово, а мы тут ночевать будем.

Зная медвежьи причуды, Емельяныч зря не стрелял в косолапых.

Выбрав сухое, ровное место, разложили костер и поставили палатку. Расседланная Рыжуха, глубоко вздохнув, шумно встряхнулась и принялась щипать еще сочный зеленый хвощ. Ее привязали неподалеку на короткой веревке так, чтобы на нее падал свет костра. Василий сварил вкусный, необычный для тайги ужин — мясо сохатого с картошкой. Прислушиваясь к отдаленному гулу, Емельяныч и техник с опаской поглядывали на небо и вверх, где за бровкой качались от ветра высокие сосны. Еще дальше наверху гул сменялся треском и грохотом упавших деревьев. В рассохе было безветрено. Кусок темно-синего неба то затягивался в прогалине желтовато-белой пеленой, то озарялся оранжево-багряным заревом.

Неожиданно небо и вершины елей над прогалиной затянуло густой пеленой дыма. Переливаясь с хребтины в рассоху, она стелясь все ниже и ниже, прижималась к земле. Едкий дым от горелой хвои оседал на землю. Его удушливый запах разъедал глаза, набивался в нос, рот и горло, заставлял чихать и кашлять. Люди, прижатые пеленой дыма к земле, задыхались. Они стали судорожно сгребать в потемках, ломая ногти, влажный зеленый мох и закрывать им нос, рот и глаза. Мох служил фильтром... Рыжуха рвалась на привязи, фыркала и дрожала. Пригибаясь к земле, Василий ощупью пробрался к лошади, перерезал ножом веревку, подвел к самой воде и накинул на голову лошади мокрый плащ.

Треск, грохот и гул наверху нарастали. Под ураганное завывание ветра белая пелена дыма задвигалась и потекла через косогор вверх по рассохе. Колыхание дыма, плавное и медленное, то вниз, то вверх, становилось волнистым. И чем сильнее и ближе раздавался рев урагана и надземного гула, тем чаще слои дыма разрывались на клочья, вытягивались, крутились в вихре и проплывали белыми змеями меж склоненных ветром могучих елей.

Вдруг над рассохой взлетело с оглушительным ревом и гулом огромное пламя, на секунды осветило прогалину,

обожгло лицо и руки, переметнулось за рассоху и рассыпалось миллиардами искр. Золотой светящийся дождь угадал и рассеивался на лету, а огненный вихрь замелькал вдалеке. На дне рассохы стало жарко и душно, как в знойный день летом. Внезапно наступила тишина. Так неожиданно быстро и счастливо пролетел над людьми этот всепожирающий огненный шквал.

Не зная что будет дальше и что им еще суждено пережить, люди молча, точно оцепенев, сидели с горстями влажного зеленого мха и смотрели туда, где продолжал бушевать, освещая заревом небо, огнедышащий вихрь. Он уносил в буре огня и искр всякое биение жизни, опалая насмерть то, что было еще вчера исполинским сосновым лесом.

Над головой снова появилось звездное небо. Чуть шевеля ветками, покачивались высокие ели. В воздухе, как от притушенного костра, пахло угаром и головнями. Гул урагана утих. Голодную и измученную Рыжуху начинала кусать ожившая от тепла, неугомонная мошка, и вновь наступившую тишину ночи всколыхнул глухой удар ботала. Он пробуждал людей к жизни и звал их к забытому ужину.

Внезапно брошенный ужин медленно продолжался с перерывами всю ночь. Напряженные нервы прогнали сон. Немного слов было сказано в эту ночь, но всем вспоминался дважды потревоженный старый медведь, который торопливо убегал сюда от пожара. Видно, пожары были знакомы мишке давно и спасение от них он находил в рассохах.

Под утро землю сковали заморозки, а в воздухе еще сильнее запахло гарью и головешками. После крепкого чая быстро собрались в путь, но в гору потянулись медленно, точно прощаясь с домашним ночлегом.

— Спасибо Михайлычу! Выручил,— тихо сказал Емельяныч и повесил на плечо двустволку дулом вниз.

Чем выше поднимались на хребтину, тем сильнее пахло застойным дымом и гарью. Просветы между деревьями становились все шире, и неожиданно лес кончился. Открылось необычное, грустное зрелище. Бесконечное, как море, кладбище леса в голубой дымке преграждало дорогу.

Мертвая тишина, синеватый, еле заметный дымок и терпкий, смолистый запах обгорелых, но не сгоревших дотла деревьев царили над этим кладбищем.

Вековые сосны полегли, разметав в стороны почернев-

шие сломанные ветви с опаленной хвоей. Через нагроможденные одно на другое деревья, вывороченные корни, глубокие ямы и груды кое-где дымящихся сучьев могли пролететь только птицы.

Отряд пять суток бродил по окраинам свежих ломов и гарей, но был не в силах пробраться на Чуну и найти Хандальскую тропу. Тайга опустела, как вымерла. Только однажды на вывороченных с землею корнях путники заметили бурундука, да в одной из рассох старую медвежью лежку. Бурундук прижался к корням и затих — он был без хвоста.

Все тяжелее давался людям каждый километр пути. В поисках старой тропы из Хандальской на Чуну отряд потерял еще день и вышел на Бирюсу.

Через два дня от Чуны и Бирюсы навстречу друг другу с пилами и топорами двинулись отряды пожарников. Обходя большие завалы, извиваясь змейкой между верхушней залесенных падей, от Чуны к Бирюсе тонкой ниткой протянулась новая тропка. Бирюсинцы и чунари встретились. И пока расчищались последние метры узкой тропы, над кладбищем леса раздавались песни и веселые шутки.

На четвертый день к вечеру отряд Александрыча уже переваливал по этой тропе на Чуну. Впереди бодро шагала Рыжуха, и ботало, как колокол на похоронах, глухо гремело в вечерних сумерках.

Зловещая тишина над диким хаосом поверженного леса еще раз напомнила путникам сказку о страшном, огненном Змее-Горыныче, и они добрым словом поминали соседа-проводника Михайлыча-Косолапого.

НА ПОРОГАХ ЧУНЫ

Утверждают бывалые люди, особенно гидрологи¹, которые не раз сплывали и поднимались по рекам Сибири, что нет на свете двух рек, как две капли воды, одна на другую похожих. У каждой свой характер и свои причуды. А чтобы знать их, надо и поплавать по ним, и по бережку походить и побечевничать.

Река Чуна, конечно, не красавица Ангара, а причуд у ней не меньше. Когда на других реках наступает межень, на Чуне и на Бирюсе паводок. Бывает это в конце июня или в июле и даже в августе. Тогда талые воды снегов и ледников из Саян и Присяянья бурно устремляются в их русла⁴ и наполняют пересохшие старицы, а мелкие шиверы² и быстёры³ делаются глубокими и проходимыми на плотах и лодках. Сколько несметной силы и неиспользованной энергии таят их воды!

Говорят, что один дошлый гидролог сумел в одно лето спуститься по Чуне и подняться по Бирюсе, а потом на досуге высчитал, что запас гидроэнергии на этих реках в полтора раза больше, чем в Падунских порогах на реке Ангаре. Эти расчеты, хоть и сделанные на скорую руку, возбудили много толков и пересудов.

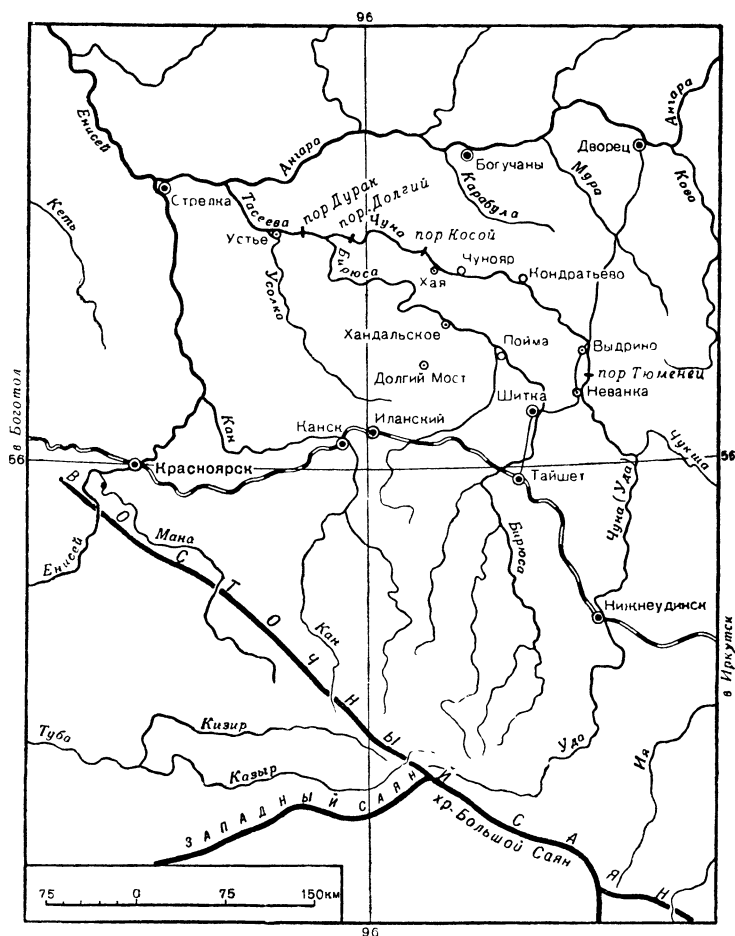
Среди гидростроителей находились и такие, которые утверждали, что на Ангаре не стоит большой «огород городить», лучше мелкие реки обуздать такие, как Чуну и Бирюсу. А с Ангарой и потом справиться можно!

И вот на Чуне для проверки этих толков в 1932 году появились две экспедиции, состоявшие из геологов и гидрологов. Одна сплавлялась на лодках чуть ли не из предгорий Саян, другая прибыла из Тайшета прямо в Неванку по тракту на трех подводах, доверху нагруженных ящиками и тюками. В Неванке по договоренности с председателем только что организованного колхоза для этой экспедиции сооружался плот и подбирались опытные лоцманы.

Однако июль и начало августа в Сибири всегда страдные месяцы — незаконченный сенокос подпирает уборку хлебов и пахоту паров. А поэтому лоцманов, желающих плыть «напроход» до Усть-Усольского, на Тасеевой не было.

Начальнику небольшой экспедиции с трудом удалось уговорить двух старожиллов стариков сплавить плот с людьми за первый порог Тюменец. За ним в Березовой можно было найти новых проводников, а также рабочих для расчистки обнажений и промеров глубин.

Плот, на котором экспедиции предстояло сплыть вниз, напоминал утлое суденышко длиной около девяти метров и в ширину не более четырех. Неокоренные ⁴, сухие бревна, уложенные в один ряд комлями к корме, скреплялись в двух местах поперек перевитой лозой черемухи с толстыми поперечными переводами ⁵. Так как деревья в комле всегда толще, то плот расширялся к корме и сужался к носу. Посередине на трех толстых чурбаках был сооружен помост из тонких жердей и на них уложено продовольствие, инструментарий и личные вещи. На пристроенных у кормы и носа козлах лежали шесты и длинные тяжелые весла. На носу для костра была навалена куча смешанного с глиной песка. В щелях между толстыми бревнами просвечивало каменистое дно. Если на таком плоту кто-нибудь случайно

ронял карандаш с металлическим наконечником, патрон или стреляную гильзу, то терял их навсегда.

Это непривычное для цивилизованного путешественника суденышко очень озадачило молодого начальника экспедиции Сережу. На столь примитивном сооружении предстояло плыть по порожиистой Чуне, жить и работать на нем несколько недель. Сережа молча обошел вокруг помост с имуществом, попрыгал на бревнах и, убедив-

шись, что плот не кренится набок под его тяжестью, молча вынул из сумки четыреста рублей и передал председателю. Председатель пересчитал деньги и для большей убедительности сказал:

— Вы не беспокойтесь! На этот плот еще столько же нагрузить можно. Не затонет. Ведь не первого вас с людьми сплавляем!

Сережа с недоверием покачал головой, но дал распоряжение готовиться к отплытию. Путешествие на плоту по Чуне было рискованным и опасным, но иного речного транспорта все равно не достать, а в лесах было полное бездорожье.

Когда спал послеобеденный жар и солнце начало клониться к заходу, на плот к разместившейся по краю настила компании пришли два старика лоцмана. Каждый нес в руке небольшой узелок с провиантом на обратную дорогу. Босые, одетые в холщовые брюки и рубахи, с огрубелыми, мозолистыми от тяжелой работы руками, загорелые, рослые и необычно мускулистые для своего возраста старики обошли плот, перекрестились и молча, без разговоров, начали шестами отпихивать его от берега. От усилий мышцы на ногах, шее и руках вздулись, под морщинистой кожей набухли синеватые жилы, а из-под седых взъерошенных волос струйками потек пот.

Вскоре плот подхватило течение, и шесты перестали доставать дно. Тогда на козлы в зарубы⁶ были положены весла, старики поплевали в ладони и с помощью экспедиторов выгребли на стрежень. Подхваченный быстрыми водами, плот стал удаляться от Неванки. А по берегу, провожая его в далекое плавание, бежала ватага ребят.

Как только «выгребли на быстёр», на плоту сразу стало нечего делать. Старики уселись на корме на козлы и задымили сигарками из крепкого самосада. На реке стояла предвечерняя тишина, маленький ветерок рябил воду и прижимал тюль накомарников к лицам. Лоцманы с интересом рассматривали своих необычных спутников, особенно девушек, одетых в мужские костюмы, туго перетянутые ременными поясами. Через плечо у всех членов экспедиции висели полевые сумки, а на поясах геологические компасы⁷, охотничьи ножи и маленькие anerоиды. Мужчин было только двое—начальник экспедиции лет тридцати с небольшим геолог Сережа и совсем молодой,

только что кончивший гидрометинститут, техник гидролог Юрий.

У Сережи находились в подчинении две девушки — коллекторы Вера и Муся, обе студентки географического факультета МГУ, будущие геоморфологи⁸. У Юрия проходила практику студентка-дипломница Московского геодезического института Валя. Она уже успела прослыть геодезистом, мечтала стать всесторонним картографом-полевиком⁹ и поэтому свою карьеру на практической работе решила начинать с изучения рек.

Эти пять человек, то ли по молодости, то ли для большего веса среди местного населения, окрестили себя громким названием — экспедицией. Если при встречах с местной администрацией или попутчиками заходил разговор о работе, то к слову экспедиция прибавлялся эпитет — комплексная.

Когда до слуха собеседников доходили слова — «комплексная экспедиция», те невольно терялись, опускали глаза и задумывались. В чем был комплекс — толком никто не знал, но пущенные кем-то мудреные слова привились, жили и приобретали разный смысл.

Экспедицию называли комплексной в силу ее состава — геолог, геоморфологи, гидролог и картограф. У каждого было свое направление в работе, каждый по-своему подходил к изучению явлений природы, но каждый стремился изучать ее комплексно, т. е. всесторонне.

Между членами экспедиции установились простые отношения: начальство, несмотря на его более почтенный возраст, все называли Сережей, гидролога же во время работы Юрием Константиновичем, особенно тогда, когда он священнодействовал на промерах глубин, а с берегов его засекали Валя и Вера. В нерабочее время Юрия Константиновича все называли Юрочкой, а иногда даже Юраской. Это вне рабочее имя дала ему Валя.

Валя считала себя самым главным и ответственным участником промерных работ, которые без ее засечек были бы филькиной грамотой.

У гидролога была отдельная лодка. На ней делались срочные высадки и переброски на обнажения¹⁰, а в свободное время она волочилась у кормы сбоку плота.

Лопманы еще не встречали на Чуне такой необычайной компании и, покуривая, молча разглядывали своих пассажиров. А те, чувствуя риск предпринятого путешествия.

смирненно смотрели на стариков, как на хозяев реки. От их заскорузлых и мозолистых рук и от опыта прожитой ими на Чуне жизни теперь зависел исход плавания. Наука тут была бессильна!

— А скажи, начальник, что ж у тебя в помощниках все девки или и парни есть?.. Не бывало того, чтобы девушки в Чунские пороги на проход ныряли! — спросил лоцман постарше.

На его загорелом, в глубоких морщинах лице, с большими мешками под глазами появилось строгое выражение. Серые с голубизной глаза смотрели из-под нависших бровей не мигая. В них был долгий прожитой путь, умудренный здравым смыслом и крепкой привязанностью к земному миру. На этот вопрошающий, пристальный и осуждающий взгляд ответить шуткой было невозможно.

Сережа, впрочем, как всегда, тихо хихикнул, — он не умел громко смеяться. Смутился и, покраснев, отвернулся.

— А я, кажется, все-таки мужчина! — весело ответил Юрий. Он приподнял накомарник и показал свое обросшее юным пушком лицо. — Вы, дед, не беспокойтесь! Мы люди бывалые, нам всяко бродяжить приходилось.

— Без нас они совсем пропали бы! Каши путной сварить не умеют! А уж если зашить что, так и совсем не могут, — внушительно заметила Валя и тоже откинула накомарник. — Ой! Девчонки, смотрите! На реке совсем нет мошки и комаров!

Это было неожиданным открытием. Накомарники с темной вуалью поднялись на железных обручах кверху и открыли тронутые загаром молодые девичьи лица.

— Вот так-то лучше! Теперь не спутаем. Мошка с комарами не глупые — они от травы и кустов далеко не полетят. Им земля нужна, — заметил второй лоцман. Он был ниже ростом и помоложе своего товарища, коренаст и сухощав.

Старший, махнув рукой, сокрушенно добавил:

— Не бабье дело по порогам плавать!.. И штаны тут не помогут!

— Видно мужиков в городах не хватать стало?! — отозвался напарник и, подморгнув девушкам, добавил: — Вы бы таган пристроили, да чайку наладили. Теперь на плоту домовничать начнем. Куда торопиться? Не в порог. К

порогу дай бог послезавтра в середине дня будем. Петляет река-то!

Плот действительно стал плавучим домом. От него по утрам уезжали на день обследовать долину и к нему, в условленное место, как к дому, возвращались из далеких и трудных походов по низовьям притоков. На нем домовничал очередной дежурный — готовил утренний завтрак и ужин, провожал и встречал товарищей. Чтобы днем не терять времени, обед заменили дневным перекусом в маршрутах.

На самом верху на мешках Юрий разложил ветхие старые карты, устроил на плоту наблюдательный пункт и, вооружившись восьмикратным биноклем, рассматривал берега. Он делал на картах пометки и вел в толстых тетрадах подробные записи. С берегов на плот привозились в пестрых мешочках образцы горных пород и аккуратно укладывались во вьючные ящики. Комплексный отряд старался вскрыть связь геологического строения долины с режимом реки и падением вод в порогах. А карта реки, как всякая карта, «зарождалась в поле».

* *
*

К вечеру второго дня вдалеке показались высокие кручи обрывистых берегов. Пестрая, слоистая толща песчаников, то желтая, то розовая и почти красная, встала стеной. Стиснутая ими река, точно подпруженная плотиной, разлилась широко и казалась тихим спокойным озером. Плот почти не двигался по гладкой поверхности и его медленно относило к берегу. С низовья долетал глухой гул и рокот. До порога Тюменца было больше трех километров, а рев прорвавшихся вод уже разносился над гладью застывшей заводи и предупреждал о близости неукротимого зверя.

Оба лоцмана, приложив ладони ко лбу, старались разглядеть в мерцающей под отблесками солнца реке только им известные приметы прохода в пороге. Молча переглянувшись, старики перекрестились, поплевали на ладони и разошлись по козлам. Старик помоложе — он был послабее — стал подгрести веслом на носу, а старший дед вошел с веслом на корме. Вскоре плот медленно выплыл на середину реки и его увлекло течением. Лоцманы при-

лагали все силы, чтобы выгрести плот на быстёр. Задыхаясь, суровый дед кликнул к себе на помощь Юрия, а Сережа встал к носовому веслу. В воде появились водовороты, и плот понесло быстрее. На берегу замелькали камни, кусты и деревья. Над водой стоял оглушительный рокот.

— Смотри! — крикнул старик, наклоняясь к уху Юрия, — в самое гирло потрафлять надо. Вон оно меж валов с гладкой водой! — И он вытер рукавом вспотевший лоб.

Чтоб весло на носу не мешало, его перетащили на корму и вложили в зарубу.

Юрий осмотрелся кругом. Впереди, у подступивших к воде утесов, вздымались валы. Вода пенилась, ударяясь о прибрежные камни, и с рокотом устремлялась на середину в узкий проход, образуя между валами сравнительно спокойную, ровную гладь. Эта гладь с неимоверной быстротой воронкой устремлялась вниз между пенистых высоких валов. Ее и называл старик гирлом. По обе стороны у берегов играли, дыбились и пенились высокие валы, а плот с нарастающей скоростью проносил по внешне спокойному гирлу...

Сережа и два лоцмана, поджидая первый вал, были начеку у весел. Юрий быстро достал фотоаппарат и ждал, когда плот войдет в валы, там где кончалось «гирло». Девушки, прижимаясь друг к другу, встали рядом у настила и молча, затаив дыхание, провожали глазами мелькающий берег. Когда плот вошел в гирло, они вздрогнули, вскрикнули и, побледнев, плотнее прижались к мешкам.

Плота под ногами как будто не стало. Кругом шумела и бушевала вода. Ноги, по щиколотку в воде, упирались в невидимые бревна. Угли и головешки в костре зашипели и всплыли. Все невольно замерли, затаив дыхание. Но не прошло и минуты, как могучие валы остались позади, плот снова всплыл, мчась на поверхности бурунов и пенистых вод.

У девушек вырвался вздох облегчения. Старики обернулись назад и, провожая глазами порог, долго крестились. А когда на спокойной воде, словно стайки птиц, появились клочья пузырчатой пены и долина стала снова широкой, лоцманы стали подгребать к берегу.

К берегу подгребали не торопясь. Когда ткнулись бортом о камни, Юрий выскочил с чалкой на берег, а лоцманы взяли свои узелки, накинули на головы накомарники с сетками из конского волоса и чинно сошли на берег.

Расчет был недолог — деньги за сплав, как всегда, были даны вперед. А на прощание Сережа вытащил из выючного ящика бутылку водки и передал старшему деду. Таков был дополнительный сговор.

— Вот за это превеликое благодарствие! До дому веселей идти будет. А то к порогу плывешь и не знаешь, доведется ли еще повеселиться! Час вам добрый!

Дед уложил в свой узелок бутылку, погрозил девушкам на прощание желтым от сигарок пальцем и вместе с напарником скрылся под широкими лапами елей.

Экспедиция еще два дня с берега и с воды обследовала порог Тюменец и благополучно сплывалась в Березовское.

* *
*

О Косом пороге ходили разные слухи. Кто говорил, что он очень мелок, другие предупреждали, что опасен и на повороте плоты разбивает об отвесную каменную стену берега. На всем протяжении Чуны от Березовской до Кондратьевой экспедиция не могла найти лоцмана, который бы повел плот напроход — до самого низовья. Как ни старался Сережа подговаривать на это местных охотников и рыбаков — все отказывались, ссылаясь на страду и подготовку к сезону охоты. А поэтому экспедиция сплывала вниз медленно, меняя лоцманов чуть не в каждой попутной деревне. Только в Хае, всего за несколько десятков километров до Косого порога, наконец удалось найти нужного мастака. Но и тот дальше Косого плыть не хотел. За порогом у него была охотничья избушка, и он решил забросить туда попутно сухари на время зимнего промысла.

И вот вечером, накануне отплытия, на плоту появились двое — отец и сын — Николай Михайлыч и Мишатка. Они пришли проверить пригодность плота к сплаву. Отцу было лет под пятьдесят, а сыну девятнадцать. Были они удивительно похожи друг на друга, оба невысокого роста, не-

обыкновенно подвижные, порывистые и упругие в движениях, с широкими лицами, немного напоминали китайцев или тунгусов, вежливые, и всегда застенчиво улыбались. Они совершенно не походили на русских старожилов сибиряков. Люди с таким обликом на Чуне ниже деревни Кондратьевой встречаются чаще, чем типично русские. Очевидно, эта часть Иркутской области, удаленная от железной дороги, около которой оседало русское население из «Европы» (так в Сибири часто называют европейскую часть СССР), когда-то была заселена тунгусами или якутами. Но произошло смешение кровей, и жители низовой Чуны получили особое прозвище — чунари. Прекрасные охотники и рыболовы, они великолепно знали тайгу и многое переняли от своих предшественников — тунгусов. Промысел пушного зверя — соболей и белок — был основным занятием чунарей зимой, а летом они занимались сельским хозяйством. Ключки отвоеванной у леса земли, разбросанные на еланях ¹¹ у далеких заимок ¹², заботливо ухоженные, не всегда приносили богатый урожай. Засухи и ранние заморозки не способствовали развитию земледелия.

— Смотри, Мишатка! Плот-то ладно сделан и веселки подходящие. Плот подъемный, да воды в пороге стало мало — острые камни торчат. Э-э-эх! Неделькой бы раньше! — говорил отец сыну, осматривая плот.

— А что? Косой для сплава хуже Тюменца? — обеспокоенно спросил Юрий.

— Да как сказать! У него два прохода и в малую воду оба узкие. Да уж если взялись, так сплавим!

Он по-китайски присел на корточках у костра, откинул темную сетку накомарника и закурил протянутую Сережей папироску. В ожидании лоцмана, плот вторые сутки стоял на причале у берега, и всех донимали комары и мошка.

— Да когда же это гнусавое отродье кончится!? — неожиданно выпалила Валя, отмахиваясь от тучи налетевшей мошки. — Через чулки кусают!

Николай Михайлович засмеялся и, присматриваясь к девушке, заметил:

— Они у нас и после снега кусаются. Снег выпадет, а чуть только подтаивать начнет, мошка уже тут как тут.

— Ну что же, папаня, домой пойдем? — тихо попросил

Мишатка, которого с интересом рассматривали девушки, а он краснел под их взглядами.

— Сейчас, сынок. Начальник даст тебе обещанный сахар и чай. Ты иди, а я тут останусь. Завтра на двух лодках сухари подвези.

Сереже не хотелось раскрывать тайники своего продовольственного запаса и раньше времени выплачивать обещанное, но таков уж порядок на Чуне — «в порог плыть не в лес идти». Если муж «не попадет» и утонет в пороге, у жены останется хоть чем его помянуть. Мишатка бережно завернул в узел сахар и пачку чаю, осмотрелся с улыбкой кругом, легко, как кошка, прыгнул на берег и скрылся в кустах. Ниже на горке в беспорядке стояли домики Хаи, и от реки туда тропки не было.

Сережа купил большую старую лодку и подговорил на проход еще двух подростков. Тут удалось нанять еще одного подростка и старика с одним глазом из Чуноярской коммуны. Старик раньше часто сплывал с пушниной на плотках по Чуне, Тасеевой и Ангаре до самой Стрелки на Енисее. Ему было под семьдесят, и, потеряв глаз, он не надеялся на себя — «быть лоцманом — годы ушли».

На берегу в палатке у рабочих было весело. Молодые парни сразу окрестили девушек дамочками и, когда делать было нечего, развлекали их шутками и рассказами. Николай Михайлович хорошо знал кривого старика Еремея и с интересом расспрашивал его о дочерях и сыновьях, которые разбрелись из отчего дома по глухим поселениям и жили своими хозяйствами в таежных дебрях. С приходом лоцмана все оживилось и до позднего вечера пили чай вприкуску с рафинадом, вспоминая прошлое.

— Что же глазок-то, так и потерял? — спрашивал лоцман у старика.

— Не говори, паря, пеленой покрылся и наполовину вытек. Муть одна! Так солнышко чуток чувствует. И лечить всяко пробовал! И навозные, и луковые примочки прикладывал — не повезло. Окривел!

— А как случилось-то это? — спросил Юрий.

— Как получилось-то! Да просто. Младшая дочка тут виновата. Высватал ее километров за сто пятьдесят отсюда с Карабулы паренек тихохонький. И мне приглянулся. Ну со свадьбой я и поехал. А в те поры уже зима началась. У доченьки-то и подвыпил, как водится. Жалко мне с ней расставаться-то было — с последненькой! Мы со

старухой вдвоем в большом доме жить остались. Ну, посадили меня пареньки, я в передок розвальней ткнулся. Сидеть не могу, а лежу, на звезды посматриваю, да песенки нивесть какие пою. Небо-то чистое, звездочками, точно шитым пологом, поблескивает. Морозно! На тракту ни лошадушки. Одинешенек! А кони-то, ты Николушка, хорошо знаешь, у меня всегда добрые. А выхоженный дома конь всегда сам к нему придет. Мне и заботы-то мало!

Лежу я, то ли на звезды засмотрелся, то ли вздремнул в тулупе, только чувствую я неладное — швыряет сани в разные стороны, ажно треск стоит. Поднял я голову. Смотрю и тракта нет, по кустам за обочиной в галоп летим и пар столбом валит. А рядом мохнатая туша прыгает. Как увидел я шатуна-медведища, да с испуга и с пьяна, как крикну! Подхватили мои воронки пуще прежнего, только свист в ушах! Да по глазу-то мне что-то и стукнет! Рукавицей от боли прикрылся. А другим глазком наперед смотрю. Смотрю и не вижу. Будто в голове потемнело все. Чувствую шерсть на лице и не помню, что случилось.

Очухался только в Чунояре. Слышу вопит надо мной у саней моя старуха — помер! А голова вся в воде. Как глянул на небо, так и сощурился. Светло показалось. А в другом глазу пелена стоит, муть одна и боль невыносимая. Поднял я хмельную голову, стал на четвереньки, тут меня братья подхватили и на печку усадили. Старуха вопить перестала. Только плачет — глазок-то, глазок-то где потерял? Весь в крови был, думали мертвенький! Ну, а лечил по-деревенски. После в Иркутске проездом был, к доктору заходил. Говорит — ежели бы сам навозом да луком не лечил, может и сделали бы для тебя что, а теперь так живи. Ну и на том спасибо. Живу, свет белый вижу, и это хорошо. Могло бы и хуже быть! Только, скажу вам, одним глазом в воду за струей смотреть неспособно! И скажи, судьба какая?! На порогах не плошал, а на земле страдал.

— Ничего, опять попривыкнешь! — поддержал кто-то из молодежи.

— Вы привыкайте! А мне поздно. Мне что в порог, что в могилу — все едино! Старуху я прошлый год схоронил. Теперь один остался... На людях-то легче! — закончил Еремей и вытер ладошкой повисшую на щеке слезу.

Молодежь с уважением смотрела на одинокого старика, который просто и скромно доживал жизнь, богатую при-

ключениями. Оставшись один, Еремей не бросал зимней охоты и, целясь левым глазом, приспособился стрелять с левой руки. А в его опустевшем большом и просторном доме поселилась семья погорельцев.

На рассвете, когда солнце еще не взошло над узкой долиной, к плоту, на котором, поджидая сына, дремал, завернувшись в овчину, новый лоцман, подплыли две лодки, груженные мешками с сухарями. На корме, подгребая веслом, сидела маленькая женщина с широким лицом, на котором играла улыбка. А черные, как смоль, брови округлыми тонкими дугами необыкновенно красиво обрамляли темно-карие, чуть раскосые глаза с узкими просветами меж век. В ней, больше, чем в муже и сыне было что-то тунгусское или китайское. Втроем, они быстро переложили мешки на плот, на прощание расцеловались, и «мамания» уехала с пустыми лодками.

Вскоре лагерь на берегу ожил. Палатки и весь натаканный с плота за два дня скарб снова погружались на плот. Не теряя времени, дежурный приступил к своим обязанностям, и на плоту задымил костер. На берегу остались лишь колья от палаток да клочья порванной, старой газеты.

Не приставая к берегу, сплывали день и ночь. И только на следующий день после полудня Николай Михайлович стал готовиться к спуску в порог. Среди дня прошел небольшой дождь, и влажный воздух донес тихий, как шелест листвы, шорох. Постепенно шорох все нарастал и наконец превратился в страшный шум, похожий на тот, что обычно бывает на мельнице у колеса, но много сильнее. У правого берега к самой воде подступала отвесная стена траппов. Из воды торчали острия каменных глыб.

Вода кругом вскипала, крутилась водоворотами, бурунилась о подводные камни и неудержимо стремилась к отвесной стене. На Чуне наступала поздняя межень, вода не перекрывала острых камней, и проходы Косого были мелки.

С трудом налегая на весла, люди выгребли с быстёра в тихую заводь к левому берегу. Левый проход был поглубже, и плот не могло разбить от ударов об отвесную стену. Но Николай Михайлович не хотел рисковать и попросил перетащить в большую лодку ценные инструменты и самое дорогое имущество.

— И девушкам прогуляться полезно,— заявил он, привязывая к носу лодки тонкий, но необыкновенно крепкий бечевник, которым Юрий делал промеры глубин и заводил лодку вверх, против течения.

— Как? Мы не на плоту? Пешком! — возмутилась Валя.

— Засекайте по движению плота скорость течения! — предложил Юрий.

— Есть! Будем засекать Юрия Константиновича на плоту в пороге. Идемте девочки! Начальство требует подчинения.

— И я с вами! — крикнул Сережа и прыгнул на берег.— На плоту и без меня мужчин хватит.

Девушки забрали инструменты и расположились двумя группами на каменных плитах у самой воды, как можно ближе к проходу.

Остались на плоту Еремей, Николай Михайлович, один из подростков и Юрий. Мишатка с двумя другими подростками переплавлял на бечевнике лодку. В шуме бьющих о камни волн слов не было слышно, и все объяснялись жестами.

Наблюдая за сыном, отец издали давал указания. Двое парней, упираясь ногами в глыбы камней, постепенно разматывали и отпускали бечевник, а Мишатка, сидя на корме, шестом направлял лодку между огромными острыми камнями.

Маневрировать лодкой в бурном водовороте было трудно, иногда она застревала, срывалась или, подхваченная мощной струей, увлекала за собой упиравшихся кольями подростков. Натянув изо всех сил бечеву, те упирались и сдерживали стремительное движение лодки, не давая стукнуться о камни.

Над порогом стоял туман из мелкой водяной пыли. Более половины километра пришлось спускать лодку на бечевнике, пока она не вошла в маленькую и тихую заводь. Туда же из быстёра, крутясь, заплывали клочья буроватосерой пены и пузыри. Они прибивались тихим обратным течением к берегу и, долго не исчезая, колыхались на поверхности, как выпавший снег.

От берега плот пришлось выгребать на быстёр, а там, где течение раздваивалось на два прохода, снова выгребать на левый проход. На середине реки было мелко,— из воды торчали камни. Прорываясь сквозь них, во-

да пенилась, вскипала мелкой волной и со страшным шумом рвалась между камнями вниз.

В узком мелком проходе плот плохо слушался тяжелых, длинных весел. Его кидало то вправо, то влево. Лоцман то заставлял людей налегать на длинные весла на корме и быстро рывками грести, то рулил, «потрафляя» в узкий проход меж камней. Вдруг что-то хрустнуло, плот на мгновение замер среди барашков и маленьких волн на месте. Увлекая за собою других, лоцман бросился на нос.

Плот слегка накренился и, задевая бревнами о невидимый камень, снова вышел на глубокое место. Прошло не больше секунды, как плот, подхваченный новым стремительным валом, пролетел в быстрину, мимо тихой спокойной заводи, где стояла в ожидании лодка. Шум стих и в стрежени, вздуваясь пузырями, потянулась серо-бурая лента пены.

— Царапнули нас камни? — спросил Еремей.

— Не царапнули, а все, как есть, бревна плоту пересчитали. Ну, да камень старый, а плот новый! Выдержал! — быстро, все еще скрывая волнение, почти скороговоркой ответил лоцман.

— Воды маловато в пороге, — заметил Юрий и с презрением добавил, — не порог, а шивера дурацкая!

— Тут неделю назад, какие-то вроде вас на трех лодках сплывали вниз. Да без лоцмана видно! Пал они в тайгу пустили, спалили охотничий станок¹³ и всю рыбу и пушнину с собой увезли. А мы еле пожар задержали. К таким людям на сплав и не пошел никто. Они сами сплывать решили. Ну из трех лодок одну с двумя людьми в этой, как вы говорите, шивере оставили... Не знаючи — не потрафили. А вы после этого шиверой Косой порог называете! Те тоже себя «экспедицией» называли... а двое утопло!

Об этом Сережа уже слышал от населения, но только теперь понял, почему так нехотя шли старожилы на работу лоцмана.

— Вот и хата моя! Давай, Мишатка, сухари выгружать. Вы как? К берегу приставать будете? А то мы и в лодке переправимся! — спросил Николай Михайлович у Сережи.

— К берегу! — тихо ответил Сережа и задумался.

Еремей молча, сосредоточенно рассматривал бурлящие

воды пройденного порога, будто старался постичь его тайну единственным глазом.

За перелеском, на небольшой лужайке, стоял выросший в землю охотничий домик. Он переходил из поколения в поколение, хозяева умирали, а лиственничные венцы¹⁴ от туманных зорь и трескучих сибирских морозов только крепчали и каменели. В тесной избушке Сережа снял шапку и что-то шепнул на ухо лоцману.

— Не надо. Сам не пью и сынам не велю,— тихо и строго ответил лоцман.

— Лучше Еремею отдайте. Ему зимой пригодится.

Сережа покраснел. Конечно, благодарить водкой за сплав и риск собственной жизнью в пороге — глупо. Но чем же?! И он просто сказал:

— Спасибо.

Вечером, в темноте, девушки принесли сахарного песка. И Николай Михайлович не смог не принять в благодарность этого приношения.

* *
*

Километрах в десяти от последнего Долгого порога на Чуне плот задержался. Больше половины запасов муки, сахара и консервов Сережа должен был передать партии таксатора Еськи. Еська был краснаярец, знал эти места, но где-то пропадал вместе с рабочими в лесных трущобах, ломах и горях, сквозь которые не смог пройти к условленному месту. Три дня ждали его у устья маленькой речки, но он не являлся.

Работы у геологов и геоморфологов было очень много — траппы района были изучены плохо, с ними соприкасались выходы древней пестроцветной толщи кембрия¹⁵, и в этих контактах были драгоценные ископаемые — редкие металлы, и Сережа решил задержаться.

Юрию делать было нечего, и он не знал, чем заняться. Терять время попусту не хотелось. Он оставил на плоту Валю и, погрузив инструменты и часть продовольствия в лодку, посадил на весла рабочего подростка Василия, на корму Еремея, сам пристроился на вещах и решил сплывать вниз. На реке Тасеевой есть порог Дурак, названный так потому, что шумит, а не страшен. У него условились встретиться.

— Ну что? Напроход поплывем? — спросил Юрий, обращаясь к Еремею, когда они отплыли от плота.

— Да неужели с такими вещами будем вокруг обтаскиваться! Я хоть и окривел, но в свое время порог облазил, знаю его. Лодка не плот, много места ей не надо. Левым проходом сплывем. Готовься! Смотри, какие впереди отвесные кручи к реке подступают. И порог скоро!

— Я без очков в даль плохо вижу! Сейчас еще два глаза нацеплю, — и Юрий достал из сумки очки.

Откинув на голову накомарник, ненужный на быстрой реке, он стал внимательно рассматривать берега. Отвесные скалы траппов подступали к самой воде. В одном месте, у подошвы обрыва, там, где была небольшая, окруженная лесом лужайка, вился дымок. На лужайке стояли две палатки. Кто-то вычерпывал воду из лодки.

— Ишь куда занесло! Трудненько им из заводи выгребаться будет. Там осетры ловятся хорошо, а в порог от туда плыть — хуже нет! Попал я раз туда — еле-еле вылез. А у них и лодка-то видать с течью! — тихо проговорил Еремей.

На окрик высокого парня, который стоял во весь рост у входа в палатку, Еремей не ответил. И когда Юрий приложил руки ко рту, Еремей потянул его за рукав:

— Не кричи! Нечестному народу своя судьба. Почто охотничий станок сожгли, рыбу и меха растащили, пал в тайгу пустили?! Лес не соломина — золото, и скоро не вырастет! Такого худого дела на Чуне еще не бывало! — И Юрий опустил руки, он привык уважать чужой труд и не терпел воровства.

Василий едва касался веслами воды. Из-за поворота донесся глухой гул, словно от далекого урагана. Он был не похож на шум шивер и пройденных выше порогов.

Стиснутая траппами Чуна врывалась всей своей мощью в ущелье. Над узенькой, вровень с водой площадкой нависли отвесные кручи из каменных плит. Красноватое заходящее солнце играло на утесах правого берега. Под кручей левого берега, куда никогда не заглядывал солнечный луч, было сыро и холодно, там царил полумрак.

Кто бы мог думать, что в этом полутемном ущелье у левого берега, где так стремительно несутся тяжелые иссиня-бурые воды Чуны, и скрывается лучший подход к порогу Долгому? А как тепло и уютно должно быть в сосновом бору над кручей правого берега! Но именно боязнь

темноты и манящий солнечный правый берег были пагубой для многих людей...

Юрий невольно вспомнил о тех, кто остался сзади. Проскачат ли?! Но помогать было поздно.

Точно уловив его мысли, Еремей отвернулся и строго посмотрел своим единственным глазом мимо него вперед, следя за струей и выбирая проход.

— А ну, Юрий, садись ко мне в корму! У тебя четыре глаза, у меня один. В пять-то глаз надежнее будет! Жаль, что мы не семи пядей во лбу! — тихо и повелительно попросил старый лоцман, и рот скривился в улыбке. Еремей не надеялся на свой единственный глаз.

Спускать лодку на бечеве было поздно. Она уже неслась между каменными глыбами, обходя буруны у подводных камней. Зорко следя за струей, Еремей и Юрий едва успевали поворачивать лодку. Смотреть на берега не было времени, и только за поворотом, когда лодка стукнулась с хода о подводный камень и, скользя по нему, с треском прижалась к самому берегу, Юрия оглушил неожиданный шум. С огромной кручи, каскадами и падуном¹⁶ срывался поток необыкновенно чистой, холодной воды...

Падун мгновенно промелькнул перед глазами и скрылся за выступом траппов. Лодка продолжала нестись в стремнине. Неожиданно она сделала скачок, точно спрыгнула со ступеньки, на миг задержалась, погрузившись по край борта в воду, но под сильными ударами Васиных весел снова выскочила на струю и понеслась по течению.

Вася перестал грести и посмотрел на Еремея. Еремей отложил рулевое весло и кружкой стал вычерпывать воду. Гул стих, водоворот отнес лодку в спокойную заводь.

Так прошли порог напроход, но старая лодка треснула и дала течь. Пришлось лодку и вещи вытаскивать на берег. Еремей достал паклю и мох.

— Вот она неладная! — бормотал он, осматривая лодку, — плохо с одним глазом потрафил, а все вы, Юрий Константинович, виноваты, на падун загляделись. Видно, стекляшки глаза моего не заменят? Не годен я в лоцманы, — и он с силой стал заталкивать топором паклю и мох в щель.

Пока Еремей возился с лодкой, Юрий с Василием отправились вдоль берега назад к Долгому порогу. Идти

пришлось под нависшими утесами по узкой каменистой площадке у самой воды. До падуна шли больше часа. А на лодке пролетели так быстро! В округлом циркообразном расширении между двумя утесами с огромной высоты срывался поток. От нескольких каскадов образовалась белая пена и вместе с водой шумно срывалась в Чуну. Среди огромных прибрежных камней река стремительно несла в бурунах темные, иссиня-бурые воды.

На середине, где торчали из пены едва заметные камни, поперек реки к другому берегу тянулись три вала бурлящих вод. Ступенчатый сброс под водой был замечен на глаз. С его верхней обманчивой глади вода срывалась в kloкочущий котел. Там, крутясь в бурунах и плескаясь в разные стороны, вода вместе с пеной прорывалась в широкое русло. Это русло с бурлящей водой тянулось между каменными глыбами и мелкими прибрежными заводями не менее километра. Очевидно, поэтому порог и назывался Долгим...

Чтобы лучше его разглядеть, Юрий и Вася забрались на каменный выступ. От холодного падуна летела мелкая пыль и оседала на плитах. Под ногами было скользко, а в воздухе сыро и холодно. Вдруг Вася дернул за руку Юрия.

— Смотрите! Смотрите! В пороге лодка! И за ней вдалеке вторая идет!

— Безрассудные! Почему не спускаются на бечеве?! Смотри! Смотри! Лодку перевернуло! Ты видишь ее?! Нет?

— Она за теми валами, в котле,— ответил Василий.

Лодки еще раз промелькнули в пороге и исчезли. Юрий и Василий старались их разглядеть, но солнечные лучи осветили пенистые буруны так, что они резали глаза и в них ничего не было видно. Юрий досадовал на себя, не знал, как помочь людям и предостеречь их от гибели. Юноши молча отправились назад.

Когда они возвратились, Еремей сидел верхом на опрокинутой лодке и, сняв шапку, торопливо крестился. На середине реки, в самом стрежени, неслась одинокая лодка и в ней с шестами в руках на коленях стояли два человека. А в тихую заводь обратным течением прибывало щепки и доски — остатки другой, разбитой о камни лодки.

— Видишь?! Наверное, в самый котел угодили, а тех пронесло...

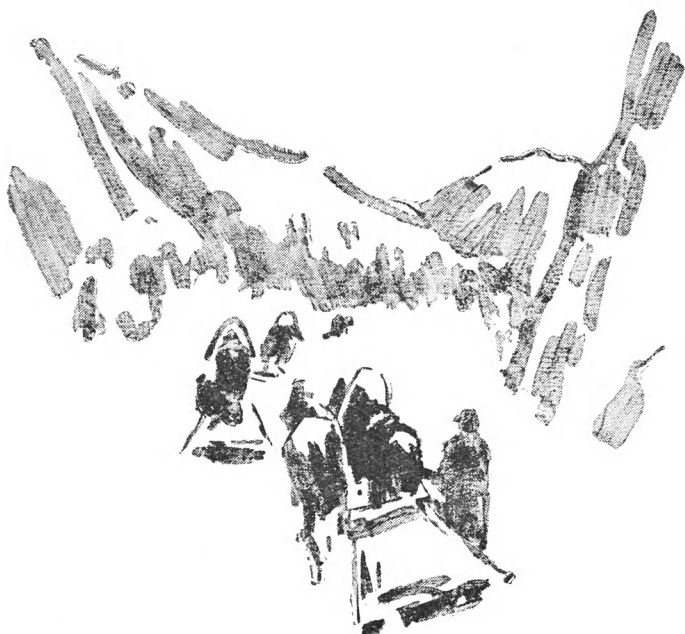
— А помочь разве нельзя было? — тихо спросил Юрий.

— Какое! В этом пороге бревно стоямя в воде километр несет и вертит! И зачем на рожон лезли?! Бечевничали бы, коли порога не знают! Видно, народ такой непутевый, может уголовные. А помянуть все-таки надо! — Еремей еще раз перекрестился и надел шапку.

До порога Дурака сплавлялись с остановками. Лодка текла и приходилось часто вычерпывать воду. Но в порог напроход не поплыли.

— Он хоть Дурак, а не потрафишь, в нем останешься! С бечевой возле берега безопасней, — заявил Еремей и подгрел к берегу. Он все меньше надеялся на свой единственный глаз.

О Ш И Б К А

Реки Чуна и Бирюса, образующие после слияния самый нижний приток красавицы Ангары реку Тасееву, берут начало в отрогах Саян и текут почти параллельно в северо-западном направлении. Пересекая предгорья и западную часть Восточно-Сибирского плоскогорья, на своем тысячекилометровом течении они образуют много шумных быстрин и порогов.

В нескольких километрах ниже порога Дурака, на равнинном берегу Тасеевой, при впадении в нее речушки Усолки, в широкой, уходящей к Енисейскому краю котловине расположилось старинное сибирское поселение — Усть-Усольское.

Бездорожные, уцелевшие от пожаров леса, непроходимые лома и старые гари, резко расчлененный сухими рас-

сохами и долинами мелких рек рельеф, сложенный силурийскими пестроцветными песчаниками и прорезающими их траппами, не способствовали заселению этих мест, и они сохранили нетронутым девственный колорит, который присущ местам, отдаленным от железных и шоссейных дорог и судоходных рек.

Только с наступлением зимы, когда устанавливался санный путь, Усть-Усольское оживлялось пришлым народом с конными обозами. Через Тасееву на Ангару и далее на золотые прииски Средней и Нижней Тунгуски вел зимник.

По зимнику на Север, к приискам и пушным базам, в метель и стужу подводчики гнали обозы с провизией, горючим, машинами, одеждой и текстилем. С Севера везли пустую тару, золото и меха. Но как только на Тасеевой появлялись первые полыньи, оживление прекращалось. Проезжий люд оседал либо на Севере — на приисках, либо на юге — у железной дороги, а усольцы, получив расчет за «обозные дела», принимались за сельское хозяйство. Поля на пологом левобережье и на большом острове были не обширны. Но умело ухоженные, они давали хорошие урожаи озимой ржи, сибирской пшеницы и яровых.

Однажды в поисках места для строительства постоянной автострады¹ на прииски в конце сентября через Тасееву переправился в лодках изыскательский отряд: лошадь, две охотничьи сибирские лайки, молодой техник, охотник-проводник и подросток рабочий. Техник Рыжов работал в Новосибирском тресте «Дорстройпроект», который кое-кто в шутку называл «Стойпроект», так как он не успевал справляться с работой, проекты в нем безнадежно задерживались, а построенные им дороги слишком быстро становились непроезжими и без конца ремонтировались. В Усольское Рыжов приехал в командировку по особому ответственному заданию и очень торопился сплыть на Стрелку по Ангаре, а оттуда пароходом в Красноярск.

Охотник-проводник Гаврила Николаевич — местный житель — прекрасно знал все леса и тропинки. Ему было немногим более сорока лет. Невысокого роста, плотного телосложения, он был мало разговорчив и посматривал пристальным, исподлобья взглядом, как у большинства сибиряков, которые добрую половину жизни проводят уединенно в тайге на охотничьем промысле. Соседи и

подростки звали его Гаврилой, а сверстники попросту Гавриком.

Рабочий-подросток Ванюша был Гавриле сродни и сызмала жил в его людной семье. «Ртом больше, ртом меньше,— говорил Гаврила,— от этого я не разбогатею и не обнищаю, а вырастет, добром помянет!» Приемыш называл его батей, крепко к нему привязался и, когда «батьа» охотился, делал по дому всю тяжелую работу и присматривал за малышами. Детей у Гаврилы было шестеро, почти все погодки, а старшая дочка на год или два моложе Ванюши.

Стояло осеннее «охотничье» время, как говорил Гаврила, поэтому все были с ружьями, при патронташах, с ножами и собаками. Хотя отправлялись всего на четыре дня, выючные сумы были туго набиты продовольствием. Четырех дней было вполне достаточно, чтобы пройти пятьдесят километров с глазомерной съемкой и барометрией по зимнику от Тасеевой до Ангары и возвратиться обратно.

Сентябрь стоял бездождный, и пройти сто километров туда и обратно для сильных людей не составляло большого труда.

Отряд вскоре свернул на заросший высокой травой зимник. Дорога, пересекая маленький ручеек, полого поднималась в гору на боровину.

Впереди шел Гаврила, за ним Ванюша вел на поводу лошадь, а замыкал шествие техник. Собаки — Белянка и Бусый — замешкались у реки и поотстали. Техник все время поворачивался то в одну, то в другую сторону, прикладывая на планшете с миллиметровой бумагой визирную трехгранную линейку, направлял ее то назад, то вперед по ходу, прочерчивал на бумаге какие-то линии и расставлял только ему понятные значки. Отставая, он окликал скрывшегося за поворотом зимника проводника и, когда тот откликнулся, смотрел на компас и записывал направление.

Неожиданно сзади, играя, выскочили собаки и вспугнули с брусничника стаю сереньких, как рябчики, птиц. Они расселись тут же неподалеку на кусте жимолости и с интересом уставились на техника и собак, не собираясь прятаться или улететь.

Думая, что это рябчики, техник тихо положил на землю планшет, снял с плеча одноствольную централку и, не сводя глаз со стаи, крадучись начал обходить куст. То ли

он отошел от куста слишком далеко, то ли у него разбежались глаза, когда он выбирал такое место, чтобы одним выстрелом сразу убить не менее двух, но только после оглушительного выстрела все птицы остались сидеть на своих местах и удивленно поворачивали головы, поглядывая на стрелка своими оранжевыми глазками. Техник решил, что рябчики не пуганы и быстро перезарядил ружье.

— В кого стрелял? — громко из-за поворота окликнул Гаврила.

— В рябчиков! — тихо ответил техник, делая знаки проводнику, чтоб тот не шумел, и приготовился ко второму выстрелу.

— Не портите зря патроны, товарищ техник! Себе дороже будет! Смотрите! — сказал Гаврила, подходя к технику и беря первый попавшийся полусгнивший сук. Он подошел к жимолости на десять шагов и бросил сук в ближайшую птаху. Упав, она не успела расправить на земле крылья, как была накрыта гаврилиной кепкой.

— Вот вам! Живехонька! А теперь сажайте за пазуху и несите до ближайшего привала, а там на костре сварим. Ванек! Хочешь на ужин куру-дуру? — крикнул Гаврила приемышу.

— Не-е-т! — слышалось где-то вдалеке, — тетерю доедать надо!

Гаврила отбросил в сторону поднятую было палку, а покрасневший от стыда техник с интересом рассматривал глупую птицу. Гаврила расстегнул верхнюю пуговицу ватника и посадил ее за пазуху.

— Ну, если мы так двигаться будем, то к вечеру до зимовья не доберемся. До него двадцать пять километров отмахать надо, а дни-то стали короткими!

Он поправил ружье, быстро зашагал по зимнику и скрылся за поворотом.

Глазомерная съемка — труд упорный и кропотливый! Она особенно трудоемка в местах закрытых, на извилистых с крутыми поворотами дорогах и тропах. И каким бы опытом техник не обладал, он всегда вынужден отставать от обычного пешехода. Привычка считать шаги тройками и брать направление по компасу на голос проводника или рабочего вырабатывается не сразу, а после долгой тренировки и требует опыта. Результат в большей мере зависит от того, насколько удачно сумел съемщик приспособиться

к местности. И техник работал, не покладая рук, без перекурок и лишних движений. Он то почти нагонял проводника и идущую размеренным шагом лошадь, то отставал от них на двести-триста шагов.

В низинах и на высоких местах отряд делал остановки, там брались показания по двум anerоидам, из которых один был у проводника, а другой висел на ремне у техника. Показания аккуратно записывались в специальные бланки журнала. В такие минуты все соединялись вместе и перекидывались несколькими фразами. Техник спрашивал у Гаврилы названия новых речушек и мест и записывал их на планшете.

Зимник, заросший высокой травой, кустами смородины и малины, то поднимался на почти плоские выровненные междуречья, то, извиваясь змейкой, спускался в долинки, выбирая пологие скаты вдоль рек и рассох. Иногда техник останавливался, вытаскивал из полевой сумки эклиметр² и измерял уклоны. Когда спуски были круты и извилисты, он обгонял отряд, уходил вперед и, окликаая проводника, брал направление засечкой на себя³. Работа спорилась, отряд быстро продвигался вперед.

Гаврила увидел на уцелевшем от пожара старом кедре двух белок и снял ружье.

— А ну-ка, Ванек, посмотрим, как ты умеешь стрелять! Интересно, готова ли белка к зиме?!

Ванюшка выбрал удобное место, приложился и выстрелил. Белка камнем полетела вниз и застряла на нижней ветке.

— Чем же, сынок, ты стрелял в нее? Смотри, как изрешетил! Остается нам только хвост один, а остальное собакам! Такую белку приемщик забракует! — сказал Гаврила, рассматривая совсем серую, с едва заметным коричневатым отливом на спине пушистую шерстку белки.

— Дробью, четвертым номером, батя, — смущенно ответил Ванек и, покраснев, отошел в сторону.

— А все ли они такие? Ежели все, то и промысел начинать можно, — продолжал Гаврила, обходя кедр и прицеливаясь в притаившуюся на самой вершине белку. Грянул выстрел, и белка, падая с сучка на сучок, наконец свалилась вниз.

— Вот глядите! — и он показал пробитую круглой пулей голову белки. — Нам сподручнее их из мелкокалиберки в носик стрелять. Пулька маленькая, застревает, а

мех не портится. Для почина шкурку с собой возьмем! — и он, быстро сделав ножом надрезы, «чулком» содрал шкуру, а тушку бросил собакам.

— Хорошо стреляете! — похвалил техник и мечтательно добавил: — Нам бы медведя убить! Вот это дело бы было!

— А ну их к лешему! — огрызнулся Гаврила, — медведи к осени от жира причудливы и опасны бывают. Лучше уж с ними не встречаться!

Снова тронулись в путь.

У маленького ручейка лошадь стала пить воду, и Гаврила с сыном отстали. Техник поднялся в угор⁴ и, пользуясь длинным прямым отрезком зимника за поворотом, далеко ушел вперед. Осматриваясь, чтобы определить новое направление, он заметил, как кусты смородины на пригорке зашевелились, а из-под них высунулась мохнатая медвежья морда. Медведю не хотелось уходить из ягодника. Зверь не спускал с техника маленьких глаз и замер на месте. Бросив планшет, техник быстро схватил централку, вснул в патронник гильзу с жаканом⁵ и, почти не целясь, навскидку, выстрелил в медвежью морду.

Неизвестно, попал он или нет, но медведь рывкнул и, раздвигая кусты, встал во весь рост на задние лапы. Ковыляя, подняв к груди передние лапы, он начал сползать с бугра к технику. Рыжов видел раскрытую с высунутым языком пасть, налитый кровью белок медвежьего глаза и, не имея сил вытащить из патронника раздутую от пули гильзу, схватился за висевший у пояса финский нож.

Человек замер на месте, не спуская с медведя расширенных от ужаса глаз. Но медведь почему-то на него не бросился сразу и, приготовив для ударов передние лапы с большими когтями, тоже замер на месте. Повернув в сторону голову, он смотрел на врага одним глазом, сверкая белком. Минуты и секунды казались Рыжову вечностью, но он стоял и ждал нападения со сжатым в правой руке ножом, а в левой держал централку с застрявшей гильзой. Увы, ружье стало бесполезным как раз тогда, когда стрелять второй раз было так удобно!

Трудно сказать, долго ли они еще так простояли бы? Но с зимника на выстрел примчались собаки и с лаем бросились к медведю. Зверь перевалился на бок, рывкнул и, шурша по кустам, бросился наутек. Огрызаясь, хрипя и

лая, собаки ринулись за ним, и голоса их вскоре замерли вдалеке.

— В кого стрелял? — совсем рядом спросил Гаврила и с усмешкой посмотрел на побелевшее лицо техника.

От неожиданности Рыжов вздрогнул. Колени его затряслись, и не в силах удержаться на ногах он присел на сухую осеннюю траву. Вложив трясущейся рукой в ножны финку, тихо ответил:

— В медведя. Но, наверное, промахнулся! — и отдал Гавриле централку.

Впервые в жизни Рыжов понял, что значит «трясутся поджилки»... Пока Гаврила и Ванюша возились с его ружьем, он отсиживался на земле, скрывая, что не может стоять на ногах. Наконец с трудом поднялся с земли. Ноги в коленях продолжали непроизвольно дрожать. Глубоко вздохнув, он попросил закурить.

— Не пристрелялся еще к ружью...— сказал он смущенно,— должно быть висит оно у меня.

— Всяко бывает! — отозвался Гаврила.— А велик ли мишка был? Далеконько ушел! Собак не слышно.

— Да, пожалуй, когда на задних лапах стоял, с меня! А может чуть и поболее! — в раздумье ответил техник.

Гаврила посмотрел на техника, покачал недоверчиво головой и, раздвигая траву, зашагал по зимнику. «Вот уж у страха глаза велики»,— подумал проводник, но ничего не сказал и строго посмотрел на сына, который весело улыбался, едва сдерживая смех.

Уже в сумерки отряд выбрался из ломов к зимовью, которое расположилось в долинке маленькой речки. Одинокое и безлюдное летом, оно затерялось на середине между Тасеевой и Ангарой в окружении непроходимого леса. Одинокая сторожиха была рада пришельцам и, сидя за большим самоваром, угощала подслащенными ягодами и свежим вареньем.

Собаки не возвращались, и Гаврила часто выходил за дверь, трубя в дуло своей централки. Наконец поздно вечером, тяжело дыша, Белянка и Бусый прибежали и, не притронувшись к птичьим костям, улеглись на крыльце. Освещая керосиновой лампой, Гаврила долго осматривал их и гладил отросшую к зиме шерсть.

— Сытыми прибежали! У Бусого правое ухо разодрано. Не иначе, товарищ Рыжов, твой мишка свой век уже до-

жил! — усмехаясь, сказал Гаврила, входя в горницу и впервые обращаясь к технику по фамилии. Тот молча посмотрел на него и ничего не ответил.

Искать убитого зверя было некогда.

* *
*

С тех пор прошло больше двенадцати лет. Далеко на западе нашей Родины отгремела тяжелая война. Наступил первый послевоенный год. Высоко в небе, сверкая серебряной молнией, застрекотал самолет. Он несколько раз пролетал над Усольским — то на юге, то над самым селом, то на севере, пока не скрылся за лесом. Но стрекот мотора еще долго отрывал от игр ватагу ребят. Поднимая к глазам ладони, они старались разгадать направление равномерных, прямолинейных маршрутов в воздухе. С самолета делалась аэрофотосъемка.

Через месяц или два после этого с Ангары в Усольское пришел маленький серенький катерок, а с верховьев, не то с Чуны, не то с Бирюсы, через порог Дурак сплавился немногочисленный отряд геологов.

Прибывшее на катере начальство с широкими золотыми нашивками на рукавах было радостно встречено тремя загорелыми в длинных спортивных штанах девушками и обросшим бородой и усами мужчиной. Такова уж судьба! Обычно на полевые работы мужчины уезжают юнцами, а приезжают обросшие, солидные и возмужавшие.

Мужчину звали Сережей, он был недавно демобилизован и снова возвратился к своему любимому занятию — геологии. Работая начальником партии в недавно организованном с большими перспективами учреждении — «Аэрогеология», он с энтузиазмом осваивал новое и теперь неотъемлемое «подспорье» в работе геологов — аэрофотоснимки, особенно ценное потому, что его отряд не имел подробных карт.

В просторной избе, на чистом, выскребленном с песком полу, из снимков был сделан накидной монтаж⁶ и по нему карандашом проведены границы стратиграфических толщ⁷. В пестрых мешочках на окнах и ящиках лежали образцы горных пород. В углу были сложены в кучу палатки, котлы и чайники вперемежку с седлами и конской сбруей. Вдоль стены лежали сложенные спальные мешки и на них теплая одежда.

Человеку постороннему могло показаться, что он попал не то в учреждение, не то в упаковочный склад, не то во временное общежитие, которое куда-то переводилось. Но кажущийся на первый взгляд хаос, был на самом деле естественным и высокоорганизованным состоянием походной лаборатории отряда, в которой подводятся предварительные волнующие итоги пройденным маршрутам и сделанной за лето полевой работе...

Впрочем, в такие дни сборов руки и ноги у молодежи излишне подвижны, они могут быстро и долго работать, но голова?!.. Голова уже далеко! Она там, где родные и знакомые, где учатся подруги и товарищи, а может быть и будущие родственники!.. Пятый курс редко проходит без свадееб, женихов и невест!

Начальство приехало немного рановато — в самый разгар последней «адсорбции»⁸ отрядом образцов, из-за которых нередко возникали споры и приятные воспоминания о тех местах, где они были взяты. Может быть именно к этому времени, чтобы оказать нужную помощь, и подошло начальство — человек с большим опытом полевых работ? Невзирая на свои отличительные нашивки, засучив рукава, он с увлечением помогал проводить эту адсорбцию для экономии средств на багаже.

После вручения стопки писем, которая быстро разошлась по адресатам, после шумных и радостных возгласов девушки подвели начальство к огромному, как татарский гроб, ящику, в два с лишком метра длиной и шириной чуть не в метр.

— Вот! Полюбуйтесь моей находкой! — сказала одна. — Неправда ли, хорош экземпляр? И как прекрасно сохранился! Меня совершенно загрызли огромные муравьи, которые устроили свой муравейник перед самым входом в пещеру. Это было совсем недалеко отсюда — на последнем обнажении красных песчаников силура, страшно крепких, наверно сильно метаморфизованных⁹, но уже с ископаемой фауной. Это было вот тут...

Она подвела начальство к накидному монтажу из аэрофотоснимков и показала на снимке то место, где были найдены кости. Там же на месте они были аккуратно уложены ею в ящик, каждая под своим номером, уложены в том порядке, в каком они лежали в пещере.

— Вы знаете? Мы думаем, что «он» пещерный. Его го-

лова была в дальнем углу, а ноги почти у самого входа. Огромный! — закончила она со вздохом.

Начальство долго и внимательно рассматривало череп.

— Не думаю! Зубы, копчиковые и шейные позвонки не такие, как у медведя пещерного. Смотрите! В лобной пазухе дырка!

Тут череп повернули вниз. Из него вывалилась и покатилась по полу простая, слегка сплюснутая круглая свинцовая пуля. Девушки ахнули, а молодой палеонтолог покраснела до корней волос. Ее рука невольно потянулась к костям, так аккуратно собранным и уложенным в медвежий гроб. Она хотела их выбросить.

— Не трогать! — остановило начальство, крепко держа ее руку, — они пригодятся зоологам и уложены хорошо. Из вас наверняка выйдет хороший палеонтолог!

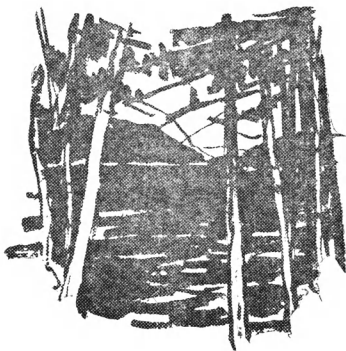
Мишкин череп осторожно был положен назад, и Сережа задумчиво добавил:

— Охотнику, видно, не хватило времени найти свою жертву... Смотрите, как чисто муравьи обгладали мишкин скелет! А мишкиной шерстью, они, наверное, прекрасно утеплили свой муравейник от сибирских морозов. Вы этого не заметили?.. Вам было не до того?.. Так сильно они вас искусили?

Девушка сконфуженно посмотрела на начальство.

Но кто тот человек, который убил когда-то такого большого медведя?

Ванюша вспомнил Рыжова, медведя и приемного отца. Уйдя на войну, Гаврила не вернулся, и Ванюша стал в доме бати за старшего.

«ЖУКИ»

Сначала их было семеро — четверо взрослых мужчин и трое восемнадцатилетних парней. Все, кроме начальника изыскательского геодезического ¹ отряда, местные жители из немногочисленных селений, разбросанных по притокам Енисея.

Отряд под руководством опытного сорокалетнего инженера Павла Михайловича Войнова за семь суток пробрался с теодолитным ходом ² по правому притоку Енисея — Усу от устья к селению Верхне-Усинскому. Его жители чем могли пополнили запас продовольствия, и изыскатели с самым необходимым скарбом тронулись дальше в горы.

Только немногие охотники знали тропы и дороги от Минусинска в окруженную со всех сторон горами Туву.

Город Кызыл, расположенный почти в самом центре огромной межгорной котловины, долгие годы не имел хорошей регулярной связи с югом Красноярского края. Бурный, порожистый в верховьях Енисей не благоприятствовал развитию судоходства и затруднял связи этой обособленной территории с остальной Россией. Перед отрядами дорожников была поставлена задача найти невысокие седловины и пологие склоны, удобные для перевалов через Куртушибинский хребет в Тувинскую котловину.

До конца намеченного Войновым пути было не менее восьмидесяти километров. Предстояло выйти к Турану или Уюку. Перед этим невысокие горы с перевалами на высоте около тысячи пятисот метров не казались страшными и опасными. И вдоль Уса можно было пробраться к самому водоразделу, а, перевалив через него, легко спуститься в котловину. Но пройти шестьдесят или восемьдесят километров по новым неизвестным местам с теодолитным ходом оказалось не так-то просто.

Хребет Куртушибинский выше двух тысяч метров. Подступы к его перевалам покрыты лесом, почти безводны, а главное безлюдны. Переход, рассчитанный на шесть дней, затягивался на неопределенное время. Продовольствие, несмотря на жесткую норму, быстро убывало. А снаряжение и инструменты, которые пришлось нести на себе, с каждым часом от усталости людей и недоедания становились все тяжелей и тяжелей.

Взрослые крепились и ту же затягивали пояски. Трое пареньков, проглотив свои порции сухарей и каши, частенько исподлобья глядели на старших, которые ели медленно, растягивая приятное ощущение наступающей временно сытости. Иногда молодым доставался от старших добавок и тогда они делили его поровну на троих.

После незатейливого утреннего завтрака, заложив за пазуху по сухарю для дневного перекуса, изыскатели начинали расчистку визирки и прокладку хода³. Реечники⁴, обычно вдвоем оставались около инструмента и передвигались вместе с Павлом Михайловичем по расчищенной визирке, а остальные, втроем или вчетвером, перетаскивали все снаряжение и продовольствие за два-три километра вперед. Там складывали его у приметного дерева и накрывали поверх брезента еще сосновыми или еловыми лапами. Потом все соединялись вместе и продолжали расчистку визирки.

Однажды после обычной заброски вперед скарба и продовольствия двое парней на расчистку не явились. Один из них — Василий — крепко избитый, с трудом прибежал к Павлу Михайловичу и, показав синяки, всхлипывая, простонал:

— У-у-бегли прокляты! Взад дорога знакома. Вас стороной обошли. Продовольствия часть утащили. Ох! Ох! Как жить дальше будем?! Сказали — с вами на погибель идти; от голодухи ноги таскать перестанешь. Меня уговаривали, да я не поддался. Ну и побили.

Павел Михайлович молча выслушал несвязный Васькин рассказ и, вытащив из горлышка фляги деревянную пробку, дал отпить ему глоток разведенного спирта. Крепкий, непривычный напиток перехватил парню дух, Васька поперхнулся, но вскоре язык его развязался:

— Давно они сговор вели — убечь. Меня уговаривали, да я не сдавался, ну и побили. Добредут ли до жилья-то?

— Правильно сделал, что остался. При расчете тебе больше за труды достанется. Они не получают расчета, — спокойно заметил Павел Михайлович. — Как-нибудь впятером справимся. Меньше таскать всякого барахла будем.

А когда подошли к развороченной куче имущества, Павел Михайлович бережно связал и отложил в сторону посуду и ватники беглецов.

Если питаться, как раньше, продовольствия хватило бы оставшимся только на три дня. Беглецы утащили почти половину. Позади было пройдено за шесть дней сорок два километра. А сколько предстояло еще пройти вперед — сказать никто не мог.

Никто из рабочих в этих местах никогда не был, и Павел Михайлович шел на ощупь, почти вслепую, полагаясь на старую десятиверстную карту, свой теодолит и магнитную стрелку буссоли⁵ теодолита. Прерывать на половине ход и возвращаться за продовольствием в Верхне-Усинское было бы непростительной потерей времени. Войнов решил еще сократить норму еды, но при любых условиях двигаться только вперед.

Утром к отложенному имуществу беглецов добавили две легкие палатки, брезент, тяжелый чугунный котел и закопченный медный чайник. Ложки, миски и продовольствие разложили по вещевым мешкам. Теперь каждый сам по ходу работы перетаскивал вверенный ему груз. Тяжелую работу по расчистке и прорубке визира стали делать

все по очереди. Васька был самый младший и ему поручили носить заднюю рейку и подрубать в случае нужды мелкие ветки. У каждой точки, закрепленной на местности колом, Васька обязан был делать на ближайших деревьях большие, издали заметные затески. Эту работу сначала он делал легко и быстро, но на третий день после бегства товарищей от урезанной вдвое и до этого полуголодной нормы он еле плелся с вещевым мешком и рейкой. Длинную четырехметровую рейку он волочил по земле — она казалась ему страшно тяжелой и дрожала в руках, когда он ставил ее вертикально на кол, а привычный рукам топор ему уже не повиновался, затески выходили неровные и кривые.

После того как оставили в лесу громоздкую поклажу, ночевать приходилось под открытым небом. Кашу варили в маленьком медном котелке, а в другом, таком же, кипятили чай. Павел Михайлович любил, чтобы чай был крепким и душистым. Чтобы заполнить чем-то пустой желудок, он пил его вечером по три-четыре кружки. Запаса чая, наверное, хватило бы еще на два месяца, но сахар уже кончился.

Утром и вечером каждому выдавалось по одному сухарю и по несколько ложек пшенной или перловой жиденькой каши с кусочком свиного сала.

Пока шли вдоль небольшого безыменного ручейка, который едва заметно пробивался в корнях деревьев, горьким, душистым чаем наслаждались вволю.

— Пейте полезительную китайскую траву, пока вода есть,— говорил Павел Михайлович,— правда, сухарей она не заменит, но общий тонус организму придает! Впереди, может, и воды-то не будет!

Его предсказание сбылось.

На четвертый день к вечеру ручей исчез.

Отряд вышел из леса на склон округлого небольшого гольца⁶. Скудные щебнистые почвы покрывали коренные породы из розового гранита. Солнце опускалось за другой далекий голец на горизонте и краем красного диска зацепилось за его склон.

На северо-восток, то теряясь в синеве бесконечных лесов, то резко очерчиваясь куполообразными сводчатыми вершинами на фоне неба, освещенного оранжеватым багрянцем зари, уходили вершины Куртушибинского хребта...

Здесь, наверху, ветерок приятно щекотал щеки. По северным склонам, в низинах, сгущались туманные сумерки, предвещая утренние заморозки или холодную росу. Жаркие и ясные дни последних чисел августа в этих местах всегда сменяются неожиданно темными и холодными ночами. Дожди, редкие в августе, еще реже бывают в сентябре. Так было и теперь.

Ручей кончился позади где-то в лесу, истоки его сухого русла протянулись к пологой седловине, где после зимних выюг, тающих снегов и летних дождей могло образоваться маленькое озерко. Но на его месте в седловине оказались лишь густые заросли кустарника и травы. Дернина была влажной и мягкой, но посланный туда рабочий Игнат не смог набрать в котелок воды.

Впереди предстоял длинный и трудный спуск. Возвращаться на поиски потерянного ручейка в темноте было бесполезно. Пришлось довольствоваться остатками холодного чая, который всегда брали с собой на день в бутылках. На перевале ночевали у костра, подложив под себя ватные куртки.

Рассвет и первый утренний заморозок,— а в горах наступает холод и встает солнце всегда раньше, чем в долинах и на равнинах,— слишком рано подняли всех на ноги.

Чтобы немного согреться, подбросили в заглохший костер охапку сухого валежника, но варить на костре было нечего. Не задерживаясь, грызя на ходу последние сухари, быстро собрались в дорогу.

Рубить и чистить визир не пришлось — перевал был безлесен. Это сэкономило силы и время. В работе не заметили, как пересекли межгорную седловину и перевалили на юго-восточный склон. Тут было совершенно безветренно и тоже сухо.

Невдалеке виднелся низкорослый редкий лесок, в котором можно было набрать сухого валежника для костра, а днем едва укрыться от палящего солнца. Как и все, измученный жаждой, с пересохшим горлом и почерневшими воспаленными губами, Павел Михайлович решил остановиться на ночлег раньше обычного.

— Ну что ж, товарищи! Перевал пройден, к жилью идем. А где оно — ни мне, ни вам неизвестно. Знаю, впереди есть жилье и наверное ближе, чем Верхне-Усинское. Без еды день-два еще протянем, а потом...

Что потом, Павел Михайлович не знал. Его длинная фигура, немного сутулая и угловатая, как всегда, сохраняла невозмутимую мужественность, но впервые за все время их совместной жизни он стоял, застыв без движений. По вечерам, когда располагались лагерем на ночлег, он всегда принимал участие в приготовлениях ужина, рубил и подтаскивал сучья, навешивал на таган большой чайник, засыпал в котел крупу и делал много других хозяйских дел. Теперь варить было нечего. Последние сухари съели утром. И не было даже воды, чтобы смочить пересошие губы и горло.

Он обращался к своим помощникам, но, собственно говоря, это были мысли вслух, беседа с самим собой и его речь внезапно оборвалась на каком-то слове, которое он не успел произнести; она оборвалась в тот момент, когда он подумал о помощи... Но откуда она могла прийти!? Весьма возможно, что и другие отряды были в таком же положении. Он оглядел спутников. Суровые, закаленные в Приенисейской и Мариинской тайге, охотники с мужественными лицами невесело смотрели на него. Только Васька, растянувшись под тенью одинокой, корявой, ветрами перевитой сосны, спал крепким, тяжелым сном.

Пройденные отрядом за день последние шесть километров Васька не шел, а едва волочил ноги. Он где-то бросил свой вещевой мешок и ватную куртку. Из голенища стоптанного сапога торчала деревянная ложка, а у пояса болталась привязанная кружка. Он спал, разметаив руки и повернув к небу загорелое, в пожелтевших синяках лицо. А в небе над ним застыли редкие перистые облака. Павел Михайлович нашел наконец нужные слова. Боясь разбудить парня, он тихо сказал:

— Не потом, а теперь надо поискать воду вокруг. Это самое главное. С водой и чаем еще три дня идти можно. Разойдемся на поиски, а к вечеру, как солнце за ту горку заходить начнет, к этому дереву соберемся. Если зверь попадет — кликнете. У кого ружья нет — мое возьмите.

— Какая ныне зверюга, Михайлович? Сушь! Поубрались всякая животинка в долины к речкам. Разве что, вроде нас, непутевая встретится?! — отозвался невысокий, худощавый охотник Тимоха. Пожилой, он был физически слабее других, но жилист и вынослив, необыкновенно проворен и легок в ходьбе.

Молча расходились в разные стороны, забирая на всякий случай ружья и посудины для воды.

— А воды не найдем — ход бросим. До жилья доберемся — оттуда на стык пойдем, — негромко крикнул Павел Михайлович расходящимся в разные стороны рабочим.

Прислонившись спиной к одинокому дереву, он погрузился в свои обычные вычисления и записи, которые делал ежедневно до сна после ужина.

В сумерках все собрались у дерева. Лощины были сухи. Ни воды, ни зверя, ни дичи никто не нашел. Жалко было потерянных сил и времени. Натаскав сухого валежника, разожгли большой костер и разместились вокруг. Разговаривать было не о чем, и скоро все заснуло чутким, тревожным сном. Пустые желудки не согревал и жаркий костер.

Проснулись на заре. Мох и сухую траву покрыл иней. Он играл в утренних лучах солнца миллиардами разноцветных искр, предвещая туман и ясный солнечный день. Освеженный утренней прохладой, Василий ползал на четвереньках и, набрав в горсть травы, с наслаждением облизывал на ней иней. Но капли влаги только слегка смачивали рот и горло, а пить от этого хотелось еще сильнее.

— Брось несостоящим делом заниматься, Василь! Соберайся в поход. Без работы нынче топтать вперед будем. Может к полудню и набредем на жилье. Клади здесь под приметное дерево что потяжелее, — сказал Тимоха, аккуратно складывая топоры, рейки, штатив и теодолит в ящике.

Павел Михайлович снял с себя казенный брезентовый плащ и бережно накрыл инструменты. Поверх брезента навалили сосновых лап и прижали их кольями.

— Ну, теперь никакая непогода не страшна. Разве что любознательный мишка все разворочает, — смеясь заметил Игнат.

Он часто охотился в Мариинской тайге на медведей и знал их повадки. Ему было под пятьдесят, и за тридцать два сезона своей «охотничьей» жизни, испытав все способы охоты на медведей, он убил сорок восемь «мишток», как он их шутя называл. С мишками у него были свои счеты. Жил он на отлете в заимке, и медведи не раз растаскивали на его пасеке улья. Впрочем, этот убыток Игнат с лихвой покрывал выручкой от продажи медвежьего мяса и шкур, которые охотно покупали в Красноярске.

На пояс, у ножен, Игнат носил ожерелье из медвежьих клыков и свято верил в его целебное свойство — он уверял, что благодаря этому ожерелью у него никогда не болели зубы. Невысокого роста, с несоразмерно длинным туловищем, он при ходьбе переставлял крепкие, короткие ноги быстро и часто. А его руки не могли повиснуть, как у других, вдоль боков — мешали огромные бицепсы. На ходу он оттопыривал руки в стороны. Говорят, однажды он вывез на себе по глубокому снегу из леса за десять километров от займки сразу всю тушу убитой медведицы и двух медвежат.

— Какие тут медведи?! Разве олень или козел забредет! Да и то ненароком. Все цело будет. Мы в эту лесную пύстынь занесли, нам и вытаскивать придется,— спокойно заметил Гаврила.

Высокий и худощавый, он отличался медлительными движениями и рассудительностью. «Этот лишнего не переделает, у него все с расчетом»,— говорили про него товарищи и частенько укоряли за то, что слишком бережет себя на работе. Упреки Гаврила выслушивал молча и скрепя сердце, нехотя, с удвоенной медлительностью делал то, о чем просили товарищи.

Возвращаться обратно никому не хотелось. Но иного здравого решения никто предложить не мог. И как только рассеялась утренняя поволока тумана и начало припекать солнце, тронулись вперед через редкий сосняк вниз по склону. Чем ниже спускались, тем лес становился гуще, к полдню он прикрыл своею тенью путников от жарких лучей. Шли широкой цепочкой на расстоянии окрика один от другого, как обычно ходят в облаве на крупного зверя. Справа крайним шагал Павел Михайлович, соседним с ним Васька, за ним Игнат, дальше Гаврила, на левом краю Тимофей.

Чтобы не потерять друг друга и сохранять одно направление, временами перекликались. А чтобы легче было найти обратную дорогу, свой путь отмечали затесками на деревьях. В ходьбе время летело быстро, и никто не заметил, как солнце перевалило к вечеру. В лесу от безветрия стало душно. Звук из пересохшего горла вырывался с трудом, был хриплым и едва разносился в сухом воздухе. С каждым километром идти становилось трудней и трудней — мучила жажда, мешали деревья, колodник и кочки. Только тихие оклики изредка нарушали безмолвие леса.

И вот один из ответных окликов Василия показался Павлу Михайловичу слишком далеким. Инженер замедлил шаг и через короткий промежуток времени окликнул вторично. Ответа не было. Павел Михайлович окликнул еще, но Василий молчал. Тогда инженер выстрелил в воздух и отправился на поиски парня. Остальные, перекликаясь между собой, собрались вблизи от того места, где выстрелил Павел Михайлович, и стали ждать.

Торопливо шагая вверх по склону, Павел Михайлович часто окликал Василия, но долго не слышал ответа. Наконец неподалеку прозвучал приглушенный стон и едва слышимый тихий отклик. Павел Михайлович повернул в ту сторону и нашел Ваську лежащего ничком на земле. Тяжело дыша, парень издавал непонятные хриплые звуки. Его руки в попытках найти ягоды судорожно сжимали жесткие лепестки брусники. Но ягод не было, и это, видно, озадачило парня. Он приподнялся и сел. Его рот растянулся в горькой улыбке, из глаз текли слезы. Он не слышал шагов Павла Михайловича, а когда увидел его, стал ползать на четвереньках, повторяя бессвязно:

— Ягоды, ягоды!.. Тут были ягоды... Много ягод было!..

И точно испугавшись, что их найдет и съест другой, снова стал пучками рвать маленькие кустарнички брусники и, перебрав пальцами, отбрасывать в стороны. Бегающие глаза Василия запали и глядели куда-то внутрь. Такие глаза бывают у людей на грани потери рассудка.

— Вставай! Идем! Не теряй попусту времени, Василий,—громко и повелительно сказал Павел Михайлович.

Васька всхлипнул и сел, подобрав по-турецки ноги. В глазах промелькнуло сознание. Он посмотрел на начальника и, опустив взгляд в землю, упрямо и тупо ответил:

— Идите сами. Я не пойду. Нет больше сил моих!

— Ты что?! — Павел Михайлович посмотрел на Ваську и понял, что словами убеждать его бесполезно, глаза, не останавливаясь, снова забегали по кочкам брусничника.

— А ну вставай! Не то пристрелю! — крикнул он, снял с плеча ружье и щелкнул затвором.

Васька вздрогнул, встал сначала на четвереньки и потом медленно разогнул ноги в коленях. Он перестал бормотать, только шумно дышал и не сводил глаз с наведенного на него дула.

— Поворачивай и иди передо мной. Я тебе покажу — «не пойду!» — пригрозил Павел Михайлович.

Они медленно тронулись туда, где их ожидали остальные рабочие. Васька шел впереди и с опаской поворачивал голову в сторону ружья, которое держал наперевес Павел Михайлович. Ваське не приходило в голову, что оно не заряжено.

— Ты что же это вздумал, паря? — укоризненно спросил Тимофей, когда они подошли к остальным. — Али в тайге на съеденье чертям решил оставаться? Э-эх! Дурная у тебя голова. Да разве мы можем человека оставить?

— Ишь! Под ружьем-то славно ты топаешь! А то «не пойду!» — съязвил Гаврила и тихонько подтолкнул Ваську в спину. — Только время зря потерять заставил! Теперь далеконько бы были.

— Будет тебе на него нападать, — остановил Игнат, — видишь из последних сил парень тащится! Мы-то с тобою в лесу всякого уже похлебали, а ему впервой довелось... Ну и тронулся малость. Ничего, Василь, мы должны скоро выбраться. Немного еще потерпеть надо.

Василий исподлобья посмотрел на Павла Михайловича и тихо сказал:

— К чему неволите? Не выдюжу я. Коль не с голоду, с жажды помру. Ужо думал одного оставили. Зря я откликнулся! Да одному боязно стало!

— А не откликнулся бы, всей артелью искать бы начали. А как нашли, так уж держись — всыпали бы. Ну, ну, вышагивай! Помирать будешь — силком вытащим! Не таких, как ты, медведей на себе вытаскивал! — ответил Игнат и пошел рядом с Васькой.

Теперь Василий был под двойным надзором, Тимофей и Гаврила шли поодаль, откликаясь на оклики Павла Михайловича.

В сумерках вышли к сухому руслу, заросшему высоким, густым вейником. В надежде найти в нем воду, не останавливаясь, растянулись гуськом и так шли по руслу, до темна. Но воды не нашли. В сгустившихся сумерках разошлись на опушке костер и заночевали.

— А недалеко должна быть вода! Смотрите! Долинка-то все шире и шире становится! Не зря я с собой чайку прихватил. Непременно завтра пить чай будем, — подбадривал Павел Михайлович товарищей, поворачивая в руках три пачки чая, которые он вытащил из полевой сумки

и, как заманчивое лакомство, любовно перекладывал с ладони на ладонь.— Ну да что там говорить! Дойдем — увидим!

— Дойдем, коли доживем! — поправил Гаврила.

— Ой! Что-то и ты, паря, к ночи о смерти подумал! — заметил жилистый Тимофей, — не рано ли?!

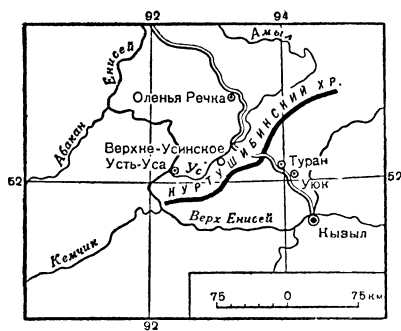
Гаврила не ответил, и разговор прекратился. Но за-
снул у костра только Васька. Остальные молча лежали во-
круг, всматривались в звездное небо и летящие ввысь
искры. Говорить не хотелось, да и не о чем было. От сухо-
сти в горле страшно хотелось кашлять, но кашель еще
сильней раздирал слизистую оболочку... И без того почер-
невшие губы распухли и потрескались, в горле непре-
рывно першило, а звук из него вырывался мучительно, сип-
лый и хриплый. Во рту не хватало слюны, чтобы смочить
сухие губы... В полусне, в полубденье тянулась ночь.

А по утру, как накануне, ползая по сухой осенней траве,
покрытой миллиардами маленьких кристалликов инея,
Василий снова обсасывал травинки. Увлеченный своим за-
нятием, он не заметил, как над руслом поднялся редкий
туман и, сквозь него, в желтой мгле проглянуло солнце...

Он все полз и полз, удаляясь от опушки в лес. Вдруг
его рука неожиданно стукнулась о что-то твердое. Сначала
он подумал, что это камень и машинально поднял руку
выше, но она опять уперлась во что-то. Это его озадачило
и пробудило сознание. Он поднял голову и увидел то, чего
никак не мог ожидать, — его загорелая грязная рука ле-
жала на торце сухого полена, аккуратно уложенного в по-
леницу. Еще бы немного, и Васька стукнулся о поленицу
головой. Василий весь съежился, притаился и замер. Те-
перь он ясно ощущал — нет, это не камень. От камня рука
ощутила бы холод, а от полена в руку шло тепло!..

Над поленицей поднимались маленькие струйки пара,
образовавшиеся от согретого солнечными лучами инея.
Васька осознал, что сделал большое и необыкновенное
открытие. Он прижался щекой к согретому солнцем торцу
и с наслаждением впитывал в себя его теплоту. Вместе с
теплом в сознание вливалось что-то новое, что вдруг при-
дало ему силы, а все остальное куда-то ушло — и голод, и
жажда и с трудом пройденный путь...

«Поленица! Дрова! Значит, люди! Значит, жилье,
вода и еда!» — пронеслось у него в голове. Простые, под-

сохшие за лето дрова, вдруг пробудили надежду и радость. И Василий не выдержал: он привстал, прижался к дровам спиной и крикнул — крикнул душу-раздирающим радостным криком.

— Дрова! Дрова! — и еще плотнее прижался к поленице.

Может быть ему показалось, что он кричал очень громко или от того, что ждал такого же громкого отклика, но он вдруг почувствовал в себе страшную силу, а ответ услышал совсем рядом с собой слабый и хриплый:

— Иди сюда! Не трать попусту силы.

Ему не верили, не верили в его открытие и разум.

Василий схватил сверху полено и, прижимая его к груди, бросился бегом туда, откуда к нему из тумана донесся этот хриплый, едва внятный голос человека, который ему не поверил.

— Вот! Вот! Смотрите! Полено! Дрова! — хрипел Василий, задыхаясь и протягивая на бегу Павлу Михайловичу полено. — Туда, туда идти надо!

Инженер взял из Васькиных рук полено, и оно дрогнуло в его сильных, темных от загара пальцах. Молча и сосредоточенно смотрели теперь все на простое сосновое полено, еще не веря тому, что скоро наступит конец голодовки и нестерпимой жажды.

Закидав землей чадающие в костре головешки, отправились за Василием. Поленица в лесу оказалась не одна, они виднелись по всему кособору. К ним вдоль сухого русла шел едва заметный, наезженный еще по снегу зимник. Кто-то заготавливал дрова зимой, а летом они подсыхали на солнышке. Где-нибудь неподалеку должно было быть зимовье или хотя бы одинокая охотничья избушка.

Впереди всех по зимнику быстро шел Васька. От прежней усталости не осталось следа, на лице играла счастливая улыбка. На ходу он торопливо поворачивался назад, проверяя, все ли успевают за ним и не случилось ли чего-нибудь позади. Гуськом, иногда обгоняя друг друга, молча

шли остальные. Только Гаврила, отставая, бормотал себе под нос:

— Ну, понесла нелегкая! Откуда прыть взялась у притворы?!.. То на четвереньках ползал, а теперь не догонишь!

Павел Михайлович едва поспевал за Васькой и молча с удивлением покачивал головой.

Зимник становился все торней и торней. Вдалеке проглянула поляна и за ней ярко-желтое поле овса, освещенное жаркими предвечерними лучами солнца. Неожиданно, уходя за противоположный склон сухого русла, кончился лес. В тени крайних деревьев на поляне стояли, лениво отмахиваясь от мошки, лошади и, опустив низко морды, дремали. Неподалеку от них, на пологом бугре, путники увидели одинокую, крытую тесом избушку. А рядом с ней большой просторный сарай. Поперек ложбинки на лугу лежала большая колода для водооя и по ней из маленького ключика, скрытого в косогоре, бежала струйка чистой и холодной воды. Падая дальше в сухое каменистое русло, она искрилась и тихо нежно журчала.

Неожиданно, откуда-то из-под телеги в ноги к пришельцам с лаем бросилась собака и в раскрытых воротах сарая показалась босая женщина в пестром ситцевом сарафане. На плече у нее висел серп, на ходу она повязывала голову белым платком, один конец его держала в зубах, другой затягивала узлом. От неожиданной встречи она в испуге застыла с поднятыми руками, не закончив привычного торопливого движения, и долго пристально смотрела на пятерых исхудалых мужчин в обносках.

А те стремительно подошли к колоде, долго черпали холодную воду кружками и пили, отходили и, не утолив мучившей жажды, снова возвращались к колоде и пили... Женщина смотрела на них и с опасением ждала, что будут делать эти пришельцы дальше.

— Что, бабонька, аль не узнала? — задорно, испугавшись собственного звонкого голоса, крикнул Игнат.

— Вижу, что люди. А кто такие и откуда, не ведаю, — тихо, с еще неостывшим испугом в голосе ответила женщина и, чтобы лучше разглядеть пришельцев, прикрыла от солнца глаза рукой.

— С той стороны Куртушибинского, бабонька. Да не

ведаем, где и находимся. С инженером вот ходим, да четверо суток не ели и не пили.

— Уюкские мы. Отсель до Уюка верст двадцать с лишком считаем. Ключишной это место зовем. Ну что?! Коли люди вы добрые — в сарай заходите. На соломке пока прилягте. Я поесть соберу, что смогу. Не в дому ведь... На жнивье приехала.

— Нам с голодухи-то много не надо. Чайку бы горячего? С сухарем и медком поначалу? — несмело и тихо попросил Павел Михайлович.

— Чайку-то, почитай, три годка, как не было! — со вздохом ответила женщина и добавила, — а медку раздобуду. Вчера мужики колоду разбили на пасеке, сегодня в Уюк с лошадьми отправить хотели. — Она сняла с плеча серп и воткнула в щель между бревен сарая. — Сегодня на пожне, видно, мне не бывать. Ну, да уж ладно! Я ведь здесь в стряпухах — домовничаю.

— На возьми! Из одной нам завари, остальные припряхь, — сказал Павел Михайлович, протягивая три пачки чаю, — кроме него, есть деньги, а больше делиться нечем.

Женщина не хотела брать весь чай, но искушение было так велико, что она не смогла его побороть и взяла.

Лежа на мягкой яровой соломе в сарае, Васька ворочался и стонал:

— Ой, не могу! Пить хочу, а больше не пьется! Есть хочется. Пирогов бы теперь с красной рыбой и щей свежих! Схожу еще один голоток воды выпью. Она тут хороша — ключевая! — Он сполз с соломы и исчез за воротами.

Не прошло и минуты, как из открытого окна избы донеслись стук, возня и женский крик:

— Ах ты несносный! Почто со стола все творожники за пазуху поклат? Креста на тебе нет! Люди добрые, помогите!

В ту же минуту в воротах сарая показался Васька. Из набитого до отказа рта торчал край пшеничной ватрушки. У ворота рубаха была разорвана, а низ, заправленный под поясом в брюки, отвис и топорщился. Васька с разбегу бросился ничком на солому и, поперхнувшись застрявшей в горле ватрушкой, закашлялся. Игнат быстро и крепко схватил его за руки, скрутил их и вывернул. В его медвежьей хватке Васька сразу обмяк, стал покорным и тихим. Его повернули на спину, расстегнули ремень и из-под

пропитанной потом, грязной сатиновой рубахи вытащили шесть еще теплых, только недавно вынутых из печки ватрушек. Лежа на спине, Васька с трудом поворачивал челюсти, стараясь поскорей проглотить неразжеванную ватрушку.

— Ну и жук же ты, Васька! Смотри пристрелю, коли будешь еще своевольничать,— пригрозил ему Павел Михайлович, отбирая и возвращая хозяйке ватрушки.— С голодухи он, бабонька. Молод... Пообтерпится — просить прощения придет. А пока пусть сидит связанным, из рук кормить будем. Потом сам спасибо нам скажет. С голодухи от еды заболеть можно.

Весть о пришельцах в тот же вечер в Уюк привез посыльный с медом. В Ключишную заимку пришла подмога. Пять дней путники отсыпались и отъедались, понемногу приходя в себя, а на шестой, набравшись сил, тронулись с новыми людьми вверх по сухому руслу. Просеку расчистили в стык, а сверху от одинокой сосны к заимке протянули тахеометрический ход. Через две недели вся работа была закончена, и Павел Михайлович, сидя в просторной избе сельсовета, давал полный расчет старым и новым рабочим.

Пришел черед получать заработанные деньги и Ваське. Инженер внимательно посмотрел на парня.

— Тебе, жуку, и денег давать бы не надо! — глухо, с усмешкой, проговорил он.

Васька покраснел и опустил над столом голову.

— Не дадите — не надо. Ваша воля. Дали бы мне только вон ту маточку, что у вас в сумке на цепочке висит и в потемках светится. С ней на охоту ходить сподручней, — тихо и робко попросил Васька.

— Ишь ты жук какой! — вмешался Игнат, — знает, что хорошо и что плохо!

— Ну, какой же я жук?, — запротестовал Василий.

— А такой! Его тронешь, а он лапки подожмет и мертвеньким притворится. Вроде тебя! — вставил Тимофей.

— Не с разума же плохое я делал. Думал, не выдюжу, — виновато оправдывался Васька.

И на его лице медленно расплывалась кривая, горькая, чуть не до слез улыбка. Вспоминать прошлое Ваське было противно.

— А со стороны смотреть — ты жуком выглядел, — тихо сказал Игнат и покачал с недоверием головой.

Павел Михайлович задумался и, посмотрев в серые, подернутые влагой Васькины глаза, махнул рукой.

— На, забирай и деньги, и матку. На пользу пойдет, — добром помянешь.

Васька, не считая, взял деньги и, сказав тихо: «Спасибо», уступил место Игнату, а сам пересел в угол с зажатой в кулак маленькой маткой. В полутемном углу он долго следил за движением светящегося конца магнитной стрелки, пока тот не остановился между светящимися буквами — С и В. Тогда он тихо прошептал: «северо-восток» и еще крепче сжал в кулаке маленький компас.

— Вы, что же это, милостивый государь, полевые журналы с «жуками» почтой присылаете? — укоризненно говорил начальник геодезической партии Алексей Владимирович, нервно шагая между рядами столов.

Низенького роста, коренастый и физически удивительно крепкий для своих пятидесяти лет, Алексей Владимирович не утратил юной любви к полевым геодезическим работам и сохранил выработанный с годами в долгих переходах необычный для низеньких людей длинный шаг. Заложив за пуговицу на борту пиджака четыре пальца правой руки, а левую руку сунув в карман, он неожиданно обернулся и остановился перед сидящим на табурете молодым парнем.

— Это что же творится, товарищ Самородков? Вы прибыли к нам на работу, а допускаете подтасовку поле-

вых наблюдений в журналах?! Какое безобразие! Сделали промах в работе и, вместо того чтобы повторить пройденный ход, подгонкой занимаетесь! Вот уж не ожидал!

Бледное лицо сидящего на скамье топографа словно замерло. Нижняя челюсть как-то отвисла, все лицо округлилось в горькой обиженной мине, а глаза безразлично уставились в пол. Он виновато молчал, очевидно не находя оправдания.

— Посмотрите на свои записи и сличите с аэроснимками!..— продолжал вразумительно Алексей Владимирович, стараясь пробудить в топографе проблески сознания и интерес к полевым журналам, которые стопкой лежали на соседнем столе. Но топограф хорошо знал им цену, знал, с каким трудом они дались ему, знал, что все они полны раздавленных комаров, подмочены болотной водой, потрепаны и замызганы. У него не было никакого желания снова перелистывать страницы и вспоминать пройденные места.

— Вы что же и взглянуть не желаете?! А мы вот трое суток их разглядывали! Вы кого обмануть хотите?! Я ваших «жуков», как свои пять пальцев вижу. Таких работников нам не надо.

— Расчет давайте,— тихо произнес Самородков и не спеша закурил папироску.

— И дам расчет! — выкрикнул расстроенный начальник.— Только сначала переделайте всю работу заново. А не сделаете — под суд пойдете. Вот полюбуйтесь — у горизонта воды в ручье высота больше, чем на обоих берегах; на холмах высоты меньше, чем в лощинах. Этого же быть не может!

— С «балометрией» все может быть,— сквозь зубы тихо процедил Самородков и нехотя добавил,— добро бы инструмент был путный, теодолит или нивелир⁷, а по этим барометрам достаточно легонько постучать, и они покажут что угодно!

— Что-о-о! Плохие барометры — высотомеры⁸, купленные на золото у фирмы Нодэ?! Эй-эй! Терешенко, дайте сюда его anerоиды,— крикнул Алексей Владимирович в чуть приоткрытую дверь соседней комнаты, которая служила складом.

Длинный, худой, неспавшийся после вчерашней вечеринки с рабочими завхоз вынес два anerоида в кожаных футлярах и положил на стол. Осуждающе посмотрев

на тупо молчавшего Самородкова, захватив легонько потрянул один anerоид за ремень. И вдруг внутри anerоида что-то зазвенело и перекатилось, как в погремушке.

— Что такое?.. И это... — Алексей Владимирович не договорил, он задохнулся от гнева. Лицо его принимало все более негодующее выражение, одна щека раздулась и покраснела, казалось, вот-вот он влепит непутевому молодому топографу крепкую оплеуху.

Он взял в трясущиеся руки anerоид. Тот гремел, как погремушка. Его звон оторвал от тихой чертежной работы товарищей — молодых топографов, которые уже третий день, согнувшись над столами, скоблили ланцетами фотопланы, очищая их от лишних болот. Все с любопытством ожидали конца необычного инцидента. Не в силах больше сдерживаться, Алексей Владимирович отвернулся. На его глазах заблестели слезы. Но топограф не заметил их и, продолжая курить, тихо сидел на стуле с обиженной миной и прежним туповатым выражением на лице. Чего хотел от него этот маленький человек?! Заслать опять в леса и болота на съедение комарам?! Нет уж, дудки! Хороших результатов добиться с никчемными средствами невозможно.

— Как! К-а-а-ак это получилось? Лучшие в мире anerоиды превращены в погремушки! — еле слышно прохрипел Алексей Владимирович и, чтоб окружающие не увидели слез, отошел к окну.

Месяц напряженной полевой работы в Заволжских лесах, в глухих замшелых трущобах и на непроходимых от дождей болотах, которыми богаты междуречья Ветлуги, Неи, Унжи и Керженца, пролетел почти впустую. Совместная работа таксаторов, лесников, топографов и геодезистов не спорилась, и на базу в маленький городок Ветлугу часто поступали бракованные материалы. Таксаторы и топографы, казалось бы, уже окончившие работу на отведенной им территории, снова направлялись туда же на повторные маршруты и всякого рода уточнения.

— Я сам не знаю, как это получилось, — вяло проговорил Самородков и безнадежно посмотрел в спину начальству.

— К хвосту лошадиному вы их привязывали что ли?! — выкрикнул Алексей Владимирович, резко повернулся на каблуках и стремительно подошел к Самородко-

ву.— Ведь это же преступление — довести до такого состояния драгоценный, на золото купленный инструмент!

— Не к хвосту, а к седлу, Алексей Владимирович,— поправил топограф и добавил тихо,— да, видно, барометры для этих равнин непригодны: — амплитуды высот малые и ошибку в пять-десять метров всегда получить можно. Не anerоидами эти высоты мерить надо, хоть они и заграничные, а чем-то другим. Поточнее-то лучше бы было!

Алексей Владимирович хотел что-то возразить, но, бережно положив на стол звенящий anerоид, осмотрел Самородкова долгим неприязненным, полным презрения взглядом, в котором, кроме глубокого возмущения, можно было прочесть: «Ну и осел же ты, юный недотепа! Больше нам не о чем с тобой разговаривать».

Конец двадцатых годов был периодом бурных исканий новых простейших способов определения высот рельефа. Многие уповали на барометрию, но обработка барометрических наблюдений была громоздкой и результаты получались плохие. Поэтому барометрию в шутку называли «балометрией».

На территории лесоустроительной экспедиции «балометрию» пытались вести все — таксаторы, геодезисты, топографы и географы. Лесникам нужны были карты с рельефом масштаба 1:100 000, и топографо-геодезическая партия пыталась их сделать. Но уже с самого начала эксперимент с anerоидами потерпел неудачу — в экспедицию вместо карманных часов с завода прибыли будильники.

Пользоваться ими в трудных лесных условиях было невозможно, и их меняли и распродавали. За пять-шесть будильников у местных часовщиков удавалось получить карманные часы «времен очаковских и покорения Крыма». Эти часы без конца сверялись с сигналами времени по радио, часто портились и бесконечно чинились. А поэтому было невозможно вести необходимый контроль вычислений высот по показаниям барометров.

Хотя барометрические наблюдения считались обязательными и для таксаторов, но большинство из них эту работу делало только от случая к случаю. «Ежели нам еще с будильниками по лесам лазить, то и на соль рабочие не заработают»,— говорили таксаторы. И Алексей Владимирович, зная их жесткие нормы и тяжелый труд, скрепя сердце перестал настаивать на барометрическом

определении высот, склоняясь к тому, что это дело особое и важное.

Случай с Самородковым был не первый. Заправские топографы привыкли к мензульной съемке и высотам, полученным «навERNЯКА», без излишних раздумий и многодневных вычислений с поправками на погоду и время. Абсолютные высоты и время наблюдения — различные категории мышления, и у многих они не совмещаются в голове. Но главное — кому нужна в равнинном рельефе точность в ± 5 метров?! Многие, как и Самородков, безнадёжно «долбили» кулаками по стеклам циферблатов своих anerоидов, стараясь выдолбить из них вместо превышения с плюсом, превышение с минусом. Иногда это и удавалось. Но чаще привязанные к седлу anerоиды во время быстрых перебросок превращались в погремушки и показывали любое давление и высоту. И затем этот «золотой балласт» фирмы Нодэ за негодностью постепенно скапливался на складе базы вместе с часами необычных старинных фирм и самых разных систем.

Положение топографо-геодезического отряда в лесоустроительной экспедиции становилось незавидным. Лесникам нужны были карты с рельефом, а высотные данные у геодезистов «прыгали и летели», о методике их определения толковали много, а новые инструменты еще только конструировались в лабораториях научных институтов. В то время как аэрофотосъемка шагала вперед, техника обработки аэрофотоснимков отставала.

Один из печальных результатов Самородков мог видеть сейчас вокруг себя на столах. Когда были получены первые фотопланы и вычерчены по отдешифрированным в поле аэрофотоснимкам, старший географ экспедиции обнаружил, что на них слишком много болот. Получилось это от того, что, обескураженные дождливой погодой и огромными площадями моховых сфагновых лесов, топографы «болотили» на фотопланах все те места, где попадалась «моховая подушка»¹⁰. И вот теперь болота в умелых руках топографов и чертежников превращались на столах базы из непроходимых в труднопроходимые, а труднопроходимые в проходимые. В результате планшеты получались все-таки сносными. Во всяком случае это было лучше, чем ничего. Скидка и поправка на дождливую погоду приближала к истине. Но подобная корректура болот отняла много времени, сил и денежных средств.

— Не пойду я с «балометрией» по старым маршрутам,— не будет от этого толку,— упрямо и глухо проговорил Самородков.

— Как это не пойдете? А под суд пойдете? — выкрикнул Алексей Владимирович и зажал в кулак пуговицу на груди.

— Я от работы не отказываюсь,— но другой инструмент дайте.

— Вы с нивелиром ходили, а на болоте в замкнутом ходе невязку¹¹ в один метр сорок пять сантиметров принесли! Какой же вам теперь еще инструмент давать прикажете? Вот полюбуйте на свой нивелирный журнал!

— Не может этого быть! Сам высоты подсчитывал. Сорок пять сантиметров на двадцать пять километров хода было. Да и это еще проверить надо.

— Сорок пять получили, а метр хотели спрятать! Вот полюбуйте!

Самородков взял из рук Алексея Владимировича журнал. Мелкие, написанные карандашом сбоку и сверху цифры были подчеркнуты чернилами, в примечаниях стояли вопросительные знаки и возможные варианты превышений. Когда Самородков перелистал несколько страниц, перед ним, как на яву, встали в памяти непролазные места гнилых болотных трущоб... Пройденный в двадцать пять километров нивелирный ход тянулся около двадцати километров по двум жердочкам кладей через огромное сфагновое болото. Почти в центре его черным пятном зияло на снимках большое округлое озеро с зарастающими берегами. Подобраться к воде было нельзя, и высота его осталась неопределенной.

«Жук» в полтора метра на ровном болоте был в вычислениях налицо, но, очевидно, результат какого-то неосознанного, случайного грубого промаха, не замеченного в пылу работы и в условиях тяжелого полуголодного житья. Самородков перелистывал страницы, клал на стол потрепанный журнал, снова брал, перелистывал, оттопыривал вперед подбородок, что-то припоминал, но не мог вспомнить и наконец с досадой отбросил в сторону.

— Расскажите хоть, как вы шли по этому болоту?

— Шли, как обычно. Как везде. Только отсчеты приходилось брать по особому. На болоте-то горизонт естественный, а инструмент в мох по самую головку штатива уходит.

— А вы знаете, что на болотах под ножки штатива инструкция рекомендует забивать колья?

— Знать-то знаю, да где взять их?! Не за восемь же километров на себе таскать?! Да это и бесполезно. У нас были даже шестиметровые шесты. Но чем глубже их в мох суешь, тем легче вглубь уходят. Словно под мохом вода. А в этом месте приходилось балансировать с нивелиром на кладях из двух жердочек, как на проволоке. Ловишь мгновение, когда уровень встанет на середку, и команду даешь — отсчет!.. а иначе век на точке стоять будешь. Но откуда на болоте такое большое превышение получилось — не знаю... Ведь метр с лишком сразу куда-то утопло! Одно могу сказать — не сознательно это получилось, Алексей Владимирович.

И топограф впервые взглянул в лицо начальника, точно признал свою вину и просил не судить его слишком жестоко.

— А как ночевали на болоте? — спросил Алексей Владимирович и с лица его исчезла брезгливая гримаса.

— Да так, как свиньи в грязи! С вечера вытянешься на двух жердочках да от комаров отмахиваешься, пока не устанешь и не заснешь. А на другой день, чуть светать начнет, мокрые и грязные вылезает из «моховой подушки», как из норы. За три дня только один котел шрапнели¹² съели, сваренной загодя, еще в Филине. Всех сортов болотной воды перепробовали. На четвертый день на малину набрели, вечером свежего молока в лесной сторожке раздобыли — веселей жить стало. Ну да что прожитое вспоминать — живы остались! Только рабочий один, Ленька, ноги спарил.

В комнате наступила тишина. Краткий рассказ топографа был сбивчив, но ясен. Большинство присутствующих, хотя бы краешком или «наискоски», попадало в такие болота и потом, уже сидя на базе за вычерчиванием фотопланов, долго с проклятием вспоминало предательскую гигроскопическую «моховую подушку».

Алексей Владимирович молча закурил папиросу, вооружился очками и взял нивелирные журналы. Перелистывая страницы, он мысленно тянул нить высот от репера ¹³ у реки Ветлуги, через уступы трех невысоких террас к пологому подъему в коренной берег и через его пологие холмы к ровному болоту, где отметки высот пры-

гали то с плюсом, то с минусом, в пределах двадцатитридцати сантиметров и меньше, и вдруг одно превышение выскакивало в метр с лишком. А за ним все опять шло своим чередом. «Что бы тут могло быть?» — думал Алексей Владимирович. Ему было обидно из нивелирного хода делать нечто среднее между тахеометрией и барометрией, так как высоты были несомненно точнее барометрических. За свою жизнь он видел много промахов в работе, вылавливал мастерски «утопленных жуков», но с таким «жуком» встречался впервые. Он курил папиросы одну за другой, пыхтел, отдувался, точно шаггал с тяжелой ношей, снова, может быть в сотый раз, листал претерпевший болотную жизнь злополучный журнал.

Почти напротив него, бессмысленно перебирая пальцами, сидел Самородков и с трудом что-то припоминал. Его лицо постепенно оживлялось и тупое, упрямое выражение наконец сменилось молодой, задорной и загадочной улыбкой. Рука потянулась к карандашу и вывела на крышке деревянного стола мелкие, как бисер, четкие цифры. В результате подсчетов получилось число двести пятьдесят, и Самородков, откинувшись назад, облегченно захохотал.

Алексей Владимирович забыл о потухшей во рту папироске, мундштук которой он пережевывал, и вопросительно посмотрел поверх очков на смеющегося Самородкова.

— У вас, Алексей Владимирович, такой ошибки никогда не получится! — объявил наконец тот, когда кончил смеяться.

— В чем дело, Самородков? Почему? Объясните!.. — тихо попросил начальник.

— Вы слишком маленького роста.

— А причем же тут рост? Не понимаю.

— А видите, на болоте штатив очень глубоко уходит в мох и горизонт инструмента низок. Кроме того, кругом все колыхнется и колеблется, а отсчитать надо сразу в момент команды. Ложиться, стоять или садиться на двух жердочках кладей рядом с инструментом нельзя — уровень непременно уйдет, а поэтому я приспособился отсчитывать, наклонившись над инструментом сверху, но при этом получалось прямое изображение. А тут, помнится мне, я дважды обругал речника за то, что он не

перевернул рейки и цифры были перевернуты. Смотрите, отсчеты везде почти на пределе — около двух с половиной метров, а тут единственный всего шестьсот пятьдесят миллиметров. Замените его дополнением до трех метров, это будет отсчет на заднюю рейку, вычтете 2100 мм отсчет на переднюю рейку. Вы получите правильное превышение, но знак будет обратный — не плюс, а минус.

— Ну и ну, молодой человек! Кто же бы смог до этого додуматься?! — Алексей Владимирович покачал головой и отбросил коробку со спичками.

— Сами условия подсказали, что пузырек уровня легче устанавливается именно так, сам стоишь на двух бугорках и инструмент у тебя между ногами где-то внизу на кладях увязает по самую головку, а рейки перевернуты. Ну а изображение будет прямым. Тут горизонт получается вроде естественный, водяной, и сам себе видеть не мешаешь. А для отсчета — физкультурное упражнение — наклон корпуса вперед до поклона нижайшего... Много пришлось на болоте таких поклонов сделать! А вы говорите — колья вбивать! Да ежели колья из леса тащить, то через болото не три, а шесть дней идти надо! Да не везде и кол-то в «моховой подушке» задержится!

Алексей Владимирович молча, с недоверием покачал головой, но исправил «жука» в журнале своей рукой. Резким движением, точно отмахиваясь от чего-то — «будь, что будет», он бросил изжеванный окурочок в окно и весело крикнул.

— Эй! Терещенко! Да куда вы там провалились?

А когда в дверях появилось заспанное лицо завхоза, распорядился:

— Выдайте ему теодолит и прочее снаряжение. Пошлем его на новые высотные ходы между маршрутами, пройденными с анероидами. Так надежнее будет.

— Разрешите закурить папироску? — спросил Само-родков, и Алексей Владимирович протянул ему свою пачку.

Прошло всего два месяца, как кончилась Великая Отечественная война, и время было еще тяжелое... На дорогах к западу от Москвы железнодорожные пути наполовину разобраны, мосты наведены временные, в насыпях и по обочинам дорог воронки от сброшенных с самолетов бомб. На запад еще шли специальные воинские и товарные поезда, а оттуда привозили раненых и металлолом. На Белорусско-Балтийской железной дороге по одному наскоро уложенному пути начиналось с грехом пополам движение поездов по расписанию. Почернелые, некрашенные с самого начала войны, станции стали разъездами. На них в ожидании встречных поездов шумно пыхтели паровозы, выбрасывая столбы черного дыма от Печорского и Кузбасского угля. Донбасс еще не был восстановлен.

Как в двадцатых годах, единственный для перевозок местного населения поезд — «пятьсот веселых» — ходил один раз в сутки и не вмещал всех желающих попасть из пригородов в Москву. Нужда заставляла ехать с вещами и мешками хотя бы на крышах, в тамбурах, на подножках и буферах. Кто не мог сесть на поезд, обращался за помощью к попутным шоферам. По разбитым большакам, старым шоссе и автострадам сновали отечественные и трофейные автомашины.

От вытянувшихся раньше вдоль рек и дорог больших деревень уцелели только отдельные домики да развалины вместительных русских печей. Оставшиеся в живых жители, вернувшись из глубокого тыла, ютились под израненными ветлами в землянках, вырытых рядом с остатками родного пепелища. Кое-кто понемногу начинал новую стройку. В лесах и на покосах люди натякались на оставленные мины и подрывались. Западная часть Московской области, наиболее пострадавшая от оккупации, надолго сохранила следы сражений. Все, что было создано после революции и гражданской войны, снова было разрушено.

На опустошенной войной территории было невозможно планировать и организовывать хозяйства, не имея карт. Поэтому в первую очередь сделали аэрофотосъемку и по снимкам составили крупномасштабные карты. Частицу этой огромной работы в наиболее отдаленных и глухих

местах, главным образом в разбросанных по Московской области заповедниках, поручили студентам географического факультета Московского университета.

Что может быть полезнее после трехлетней учебы, чем походы в лесу и в поле?.. Пусть у колхозников слишком дорого молоко! Пусть за продуктами и хлебом приходится ездить в Москву и там, выстаивая в очередях, получать по карточкам скупую норму!.. А после движения на свежем воздухе так хочется есть!.. Но ведь война кончилась, и жизнь возрождается вновь. А это для всех и, особенно для молодежи, самое главное. Труд на природе, даже при ограниченном пайке, быстро восстанавливает силы. Он помогает человеку сосредоточиться внутренне и обрести самого себя. А усталый организм, впитывая чистый воздух и солнечный свет, закаляется в утренних прохладных росах и в осенних заморозках, в ночевках на свежем воздухе, в ходьбе под дождем и под ветром.

В одном из глухих уголков — в Верхне-Москворецком заповеднике у истоков реки Москвы только начала пробуждаться хозяйственная и научная жизнь. Студенты картографы производили несложные съемочные геодезические работы для составления топографического плана. Разбитые на две бригады, они самостоятельно выполняли все виды работ — от скучного труда простых реечников до сложного составления и вычерчивания плана. Направление теодолитных и нивелирных ходов¹⁴ было намечено на аэроснимках заранее, и теперь эти ходы прокладывались студентами в натуре.

Тот, кто когда-нибудь работал с теодолитом и нивелиром на больших площадях в лесу, знает, как кропотлива эта работа и какого требует внимания. Дешифрировать снимки, делать отсчеты по верньерам¹⁵ и рейке и достаточно аккуратно вести записи в специальном журнале — не сложно, но и для этого нужна предварительная тренировка. Когда техника освоена, работа спорится и не мешает наблюдать природу.

Но самым ответственным бывает финал. Он всегда приносит одно из двух: горе или радость. Другого тут ничего не может быть. Рядом с полевыми записями простым карандашом появляются чернильные, сделанные «второй рукой», — рукой постороннего человека вычислителя. И, если результаты близки, начинается головомомный труд по подсчету и разброске допустимых невязок¹⁶.

А они, как на чистосердечной исповеди, рассказывают о всех прегрешениях, больших и малых, которые совершались наблюдателем, записатором и даже речником. Тогда комната наполняется треском арифмометров и стуком косточек счет. Вычисляющие становятся невменяемы, а остальные ходят на цыпочках и, нервно позевывая, с нетерпением ждут конечного результата.

О конечном результате окружающие догадываются по поведению вычислителей: если те по окончании глубоко и долго зевают, поднимают вверх руки, распрямляют спину, а под столом вытягивают во всю длину ноги и говорят латинское — «есть!» или «жрать!», значит, в работе грехов мало, и все они умещаются в пределах норм, установленных веками. Но если вычислители вместе с наступающими сумерками все ниже и ниже сгибаются над полевыми журналами, все сильнее стучат на счетах или ускоренно вертят ручку арифмометра, а на оброненное кем-нибудь «надо ужинать!» посылают всех к чертям, значит, прегрешения не допустимы и выше предельных, концы с концами и узлы с узлами не сходятся, все расползается и трещит по всем швам.

И вот тогда-то у молодых горе-геодезистов начинается внутренняя душевная борьба. Совесть твердит — «иди и снова прокладывай ход», а сатана уговаривает — не трать попусту время. Землю Эратосфен еще в третьем веке до нас мерил, а она так неизмеренной и осталась, наплюй на невязки, сбалансируй!» И слабовольные подчиняются сатане — в журнале появляется «жук». «Жук» большой или маленький, но сбалансированный, иначе говоря утопленный и невидимый для невооруженного глаза.

Если на территории работает одна бригада, тогда «жук» может кануть в вечность. Но если рядом прошла другая бригада, и ходы переплетаются в сложную сеть с витиеватым рисунком, а результаты получаются разные, тогда начинаются споры и взаимное недоверие. В таких случаях перелистываются в несчетный раз все журналы, а вычислители, особенно молодые студенты, становятся похожими на петухов. Ну а что касается вычислителей, принадлежащих к прекрасному полу, то тут мужчинам в спор лучше не вмешиваться...

В окруженный со всех сторон лесами центр Верхне-Москворецкого заповедника в конце августа съехались обе бригады. Нам осталась неизвестной картина фина-

ла, которая разыгралась в одной из комнат брошенного кирпичного дома без стекол и дверей на правом, высоком берегу реки Москвы. Говорят, там три дня подводились итоги двухнедельных блужданий с теодолитами и нивелирами по просекам и лесным дорогам, лугам и болотам заповедника. Раскинувшийся по обе стороны реки Москвы на площади в двадцать семь квадратных километров, он был исхожен студентами везде, где только можно было пролезть. Закончив все предварительные подсчеты и отложив в сторону журналы и аэрофотоснимки, члены бригад в ожидании начальства наслаждались тишиной и заслуженным отдыхом. Но бедное начальство в те поры выполняло самые разнообразные функции и, как всегда, с трудом укладывалось в жесткие сроки. Кроме общего руководства, оно выдавало зарплату, ездило за продуктами в Москву и появлялось в бригадах, когда его там совсем не ждали.

Так случилось и на этот раз. Начальство с продуктами и хлебом ждали вчера, но оно не приехало и сегодня. Бригадирами были демобилизованные младшие офицеры, остальные — девушки, поступившие в университет сразу после десятилетки. Всего восемь человек, в каждом отряде по четыре. Девушки называли бригадиров Валькой и Додкой, но подчинялись их мужскому превосходству.

Крепкой, спаянной дружбы между отрядами не было. Бригадиры часто между собой «цапались» по пустякам. Но внутри бригад выработался трудовой этикет, а по сравнению с ним все остальное казалось мелочным и отходило на второй план. Каждая бригада сама вела свое хозяйство, укладываясь в тот минимум денежных средств и довольствия, которыми она располагала на общих договорных началах. Бригадиры, вкусившие в той или иной мере военную жизнь, старались возможно разумней распорядиться в трудных, хотя и мирных, условиях работы. Во всяком случае, обе бригады своевременно пришли к финалу и, судя по спокойному завершению работ, у них концы с концами и узлы с узлами вязались неплохо.

Но как нарочно начальство задерживалось, а продукты в Додкиной бригаде кончились. И вот не в силах больше выносить полуголодную диету и отсутствие папирос, Додка, не дождавшись начальства, уехал вместе с двумя девушками в Москву. Все материалы для просмотра начальству были оставлены самой младшей де-

вушке Катюше. На питание и под свою опеку ее взял Валька. Работа по существу кончалась, а у него в бригаде остался запас «шрапнели», из которой мололи муку, а из нее пекли на соде лепешки. Молоко покупали на мельнице в соседней деревне. Там же удавалось доставать даже мед.

Начальство — Владимир Николаевич Кныш с двумя рюкзаками, набитыми до отказа хлебом и прочей снедью, «приперся пехом» только на следующий день вечером. Автомашина сломалась за двадцать семь километров от заповедника, застряв в непролазной грязи на большой дороге где-то между Красновидовом и Мышкином. Терять времени не хотелось и, привычный к ходьбе «батя Кныш» потащился с двумя рюкзаками проселками; от деревни к деревне. Он шел больше шести часов. Отдыхавшись и осмотрев помещение, очень удивился известию, что работы окончены. Принесенное им продовольствие сразу оказалось на столе и заменило сваренную на молоке из шрапнели кашу и лепешки, которые успели всем надоесть. Пиршество и веселый смех продолжались до полуночи. А утром в соседней рабочей комнате, где было единственное с несколькими уцелевшими стеклами окно, Владимир Николаевич сел за приемку работы.

Снова листались журналы, снова щелкали счеты, снова подводились итоги из шестизначных и семизначных цифр, снова составлялись схемы ходов и увязки. Обложенное со всех сторон снимками, журналами и схемами, начальство к полудню стало невменяемо. Все с нетерпением ждали конца, говорили вполголоса и ходили мягко ступая. В соседней комнате, где молодежь успела сделать для снажья высокие нары и натаскать на них сена, царили полумрак и тишина ожидания.

В сумерках всем стало ясно, что «батя Кныш» на что-то напоролся. Пришлось доставать лампу и, погрязший в вычислениях «батьа» самоотверженно продолжал до полуночи щелкать счетами. По всему его поведению было видно, что обнаружен «жук». Но где и каков по размерам? В любое время за отрядом могла прийти машина, и тогда всему наступил бы роковой конец. А потом, вдалеке от заповедника, в Москве, пришлось бы попросту перечеркивать негодные записи и тем самым вместе с ними выбрасывать целый ход. Чтобы ускорить работу, стали считать под диктовку Владимира Николаевича на двух

счетах, и все убедились, что «жук» в пятьдесят пять сантиметров сидит в нивелирном ходе и в пять раз больше допустимого предела. На этом в два часа ночи закончился рабочий день.

Девушки в бригаде Вальки торжествовали — нивелировку с жуком вел Додка. Они сразу воспрянули духом и решили утром «топать пешком» на станцию Уварово за двадцать три километра, чтобы с поездом «пятьсот веселых» добираться до Москвы. Машины все не было.

Пятьдесят сантиметров на десять или двенадцать киломеров хода — ошибка грубая для нивелировки, но в конце концов полученные и с этой ошибкой высоты можно использовать для рисовки рельефа с сечением в два с половиной метра — ход нивелирный приравнялся к тахеометрическому. Но Кныш решил по-иному. Его перестали интересовать сами высоты и место «жука». Но интересовал человек, интересовала совесть того, кто постарался незаметно для всех утопить «жука». Найти место «жука» теперь было просто. Но обидней всего было то, что в такое счастливое время, когда жизнь после войны так прекрасно возрождалась и расцветала, кто-то совершил нечестный поступок, равносильный подлогу, и спешно покинул вместе с другими рабочее место. Виновника надо было найти и наказать.

Теперь журналы тахеометрической съемки были отложены в сторону и вместе со снимками крепко перевязаны веревкой. Методом исключений по точкам пересечения нивелирного хода с тахеометрическими начались поиски «жука» в нивелирных журналах. Вскоре был обнаружен тот отрезок хода, где сидел утопленный «жук»: больше того, тот километр между квартальными столбами, откуда «жуку» теперь уже некуда было вылезти. Только мало сведущий в геодезии неразумный студент мог попытаться так наивно и глупо утопить «жука». Но Владимир Николаевич, делая вид, что ошибка ужасна, продолжал рыться в журналах. Автомашина все не приходила и времени для ловли «жука» было много.

— Есть в геодезии вещи, которые понимаются только практически, и только после того, как пройден ход и освоены навыки измерений, — вслух рассуждал Владимир Николаевич. — Объяснить новичку, почему надо делать так, а не иначе, не всегда легко. Разумные правила понимаются только тогда, когда наступает финал полевых ра-

бот и обнаруживаются промахи. Вот не желаете ли просмотреть журналы на этом отрезке хода,— обратился он к оставшемуся бригадиру.— Пятьдесят пять сантиметров недопустимая для нивелировки ошибка. Не пришлось бы заново на месте прокладывать этот отрезок хода! — спокойно заметил он и посмотрел на Катюшу.

Катя из-за Валькиной головы взглянула на те страницы, которые он перелистывал, и, немного смутившись, отошла в сторону. Она делала вид, что журналы ее мало интересовали, но, занимаясь хозяйственными делами, она все время прислушивалась к тому, что делалось за большим столом. До нее снова долетело назойливое щелканье счет, снова шуршали за столом страницы нивелирных журналов и негромко сообщались результаты подсчетов. Теперь уже Валька с интересом вылавливал «жука». Интерес был тройной. Во-первых, его интересовал сам метод подсчетов и обнаруживания грубого промаха. Во-вторых, ему не улыбалась перспектива повторения хода, да еще не своего, в то время, когда все давно вернулись к оживленной московской жизни. В-третьих, эта работа окончательно убеждала его в том, что Додка не просто дрянной работник, но и мелкий жулик.

Но и второй день вычислений подходил к концу, а точное место «жука» в журнале все еще им не обнаруживалось. Было известно, на каком он отрезке, но где именно — установить по записям трудно. Цифры были написаны ровно, может быть даже слишком чисто, одним разборчивым почерком. Плохие неудачные наблюдения были зачеркнуты и около них стояло ясное латинское «bis». На «бис» обычно повторяют то, что имеет успех, а в геодезии, наоборот, требуют повторного измерения ошибки и плохой результат.

— Смотрите, как этот «жук» нас запутал. Двое суток сидим над журналами, а место его так и не нашли! За это время весь километр хода на месте переделать успели бы.

— Я не причем. Додкина это работа,— отозвался Валька и полез спать на нары. Шел первый час ночи.

Владимир Николаевич не заметил в темноте, как покраснела Катюша. Она положила на голову вторую подушку, плотно завернулась в ватное одеяло и беззвучно заплакала.

На другой день, когда все, кроме «бабки Кныша», спали, вдалеке, поднимаясь в гору, громко затарахтел мо-

тор и через несколько минут к «научному центру» подкаатила полуторка. Ее шум разбудил Катю. Она радостно вбежала в комнату, где «батьа» снова листал злополучный журнал, на миг остановилась в нерешительности перед столом и счастливое выражение медленно сползло с лица. Она все поняла и растерянно вышла во двор готовить на костре завтрак.

— Пока «жук» не найден — в Москву не поедем. Придется снова прокладывать ход. Машину на день или два задержку,— громко заявил Владимир Николаевич и снова погрузился в журнал.

А за стеной, где были нары и общая спальня, застыл в растерянности Валька. Он уже складывал оставленные подушки, одеяла и личные вещи.

Катя часто входила в комнату с ложкой и ножиком, громко, нервно стучала каблуками высоких сапог, о чем-то шепталась с Валькой, и, покраснев, убегала. Как-то она пробежала особенно быстро и скрылась за дверью. Заметив это, «батьа» неожиданно встал из-за стола, пошел за ней к двери и негромко спросил:

— Скажите, почему в этом журнале необычная нумерация страниц? Номера повторяются... А последние листы слишком чисты. В чем тут дело?

Сидя на корточках у костра, девушка не отвечала, и он снова уселся за стол рассматривать тот же журнал.

Неожиданно Катя влетела в комнату и, вытирая кулаком с зажатой в нем ложкой глаза, горько рыдая, простонала:

— Тут... тут, вы-ы-ырваны страницы. Ход не вязался. Додка переставил записи, чтобы получить превышение с другим знаком и подшил другие страницы, а мне не велел говорить,— она не могла смотреть Кнышу в глаза и, шумно вздыхая, подергивала плечами.

Изумленный этим поздним, но откровенным признанием, Владимир Николаевич встал во весь рост и долго молча стоял неподвижно, переводя глаза с журнала на Катю.

Из соседней комнаты вышел Валька и, взяв из его рук журнал, молча положил на стол рядом с другими. Финал напоминал похороны.

Все от начала до конца было противно, и особенно было жалко потерянного попусту времени. Но Владимир Николаевич не сказал ни слова. Однако заново в ход не

пошли и, сложив в кузов полуторки инструменты и вещи, так и уехали с «жуком» в Москву.

После практики студентам географам полагается отпуск, и все разъехались по домам. Додка так и не появлялся. Полевые материалы, аккуратно уложенные в папки и связанные, были заперты в сейф. Пока делались фото-планы, к журналам никто не прикасался. Но вот дошла очередь до рельефа, и тогда все журналы снова поступили в работу. Для полной сдачи материалов пришлось вызвать и Додку.

В комнате со сводчатыми потолками, где едва можно было протиснуться между рядами столов и летом всегда царил полумрак и прохлада, теперь было шумно илюдно. Пробираясь между столами, Додка лапами военного кителя задевал и смахивал разложенные карты, чертежные принадлежности и бумаги, извинялся, нагибался и поднимал, пока наконец не пробрался к началству и, облокотившись на стол, краснея и заискивающе глядя в глаза, тихо проговорил:

— Зачем я вам нужен? Вы же ведь все знаете! Катя вам сказала.

— Катя мне ничего не сказала. Рассказывайте все, что вы тут натворили,— громко так, чтобы слышали все окружающие, попросил Владимир Николаевич и раскрыл ту страницу, где сидел утопленный «жук».

Краснея и сбиваясь, Додка рассказал, что он в конце хода переписал «начисто» страницы, где не вязались высоты, и переменял знак превышения.

— А вы знаете, что это подлог, и он подлежит судебному рассмотрению?

Додка молчал. Нечистая совесть краской проступила сквозь загорелую кожу, и он был готов провалиться у всех на глазах. Окружающие ждали развязки.

— Что же вас побудило именно тут «утопить жука»? Промях совсем в другом месте.

— Тут, судя по высотам, было подходящее превышение,— снова краснея и опуская глаза под пристальным взглядом Кныша тихо ответил Додка.

— А скажите, вот здесь в лесу, очень мокро было? — продолжал допытываться неугомонный Владимир Николаевич.

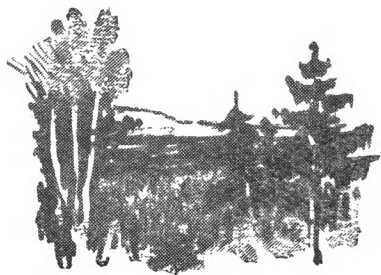
— Тут черноольшанники на болоте. Мы стали вязнуть выше колен, а кругом все тряслось. Еще раз к нему подо-

шли с другой стороны. Темно и страшно там очень! В лесу подорвались дети на минах,— он поднял от стола голову и посмотрел подернутыми влагой глазами.

Резким движением «батьа Кныш» вырвал из-под додкиных локтей переписанные страницы журнала и громко сказал:

— Вон отсюда! Вы слишком много отняли у нас драгоценного времени. Стране, возрожденной из руин войны, «жуки» не нужны! Убирайтесь!

Додка поднялся с места и, радуясь, что все обошлось без суда, начал под десятком устремленных на него глаз быстро пробираться, извиваясь всем телом, между рядами столов. С тех пор в этой комнате его больше не видали.

ПОЯСНЕНИЯ СЛОВ И СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ

На сплаве

¹ *Плот* — сплавное подвижное сооружение из отдельных звеньев (челено), которые представляют связки скрепленных между собой бревен.

² *Лотовка* — особый вид плота, в котором челена имеют плоскую ровную поверхность и состоят из одного или двух рядов бревен.

³ *Запань* — наплавное сооружение, служащее для задержки леса, сплавляемого по отдельным разрозненным бревнам.

⁴ *Слотка* — плотное соединение бревен (лесин) в определенном порядке в сплоточную единицу (челено); бывает ручная и механическая.

⁵ *Межень* — среднее положение (состояние) между двумя крайностями; в данном случае — средний уровень воды в реке, установившийся после половодья до установления чрезмерно низкого уровня.

⁶ *Молевой сплав* — сплав леса по течению в виде не связанных между собой бревен.

⁷ *Корье* — снятая, соскобленная с бревен древесная кора, которая иногда используется для дубления кож.

⁸ «*Ситничек*» — мелкий, частый (словно сквозь сито) дождик.

⁹ *Плотовая матка* — одно из верхних (по течению) членов плота, на котором размещены все приспособления для управления плотом. «Матка водит — плот ходит».

¹⁰ *Бабка* — короткий, коренастый, врытый глубоко в землю на берегу или укрепленный в нижних рядах плота столбик (свая, кнехт).

¹¹ *Хваты, или ухваты* — три или четыре столбика, укрепленных в нижних рядах матки, на которые при причале наматывается канат или трос.

¹² *Ворот* — примитивная грузоподъемная машина, состоящая из укрепленного на валу барабана, который, вращаясь при помощи ручья, навивает на себя канат или цепь с грузом.

¹³ *Бродни* — обувь, сшитая из непромокаемой кожи, хорошо пропитанной жиром (ворванью), в швах бродни просмаливаются. Благодаря высоким голенищам, которые перевязываются под щиколоткой и под коленями, в броднях можно бродить в воде выше колен.

¹⁴ *Повесть* — сенник, сеновал под крышей над скотным двором.

¹⁵ *Бахилы* — обувь, отличается от бродней тем, что бахилы больше похожи на обычные сапоги из яловой кожи, иногда изнутри подбиты мехом, высокие голенища поддерживаются помочами.

¹⁶ *Такелаж* — общее название приспособлений для сплава плотов, крепления плотов и управления ими — канаты, тросы, якоря, лоты, волокуши и др.

¹⁷ *Вага* — тесина, бревно, которое употребляют в виде рычага для подъема тяжести или поворота, вагой приводится что-либо в движение.

Неприкосновенный запас

¹ *Пыж* — зырянский вид лодки, мелко сидящей в воде.

² *Олений камыс* — части оленей шкуры, обычно от колен и ниже

³ *Осенняя межень* — средний уровень воды в реках осенью до установления чрезмерно низкого уровня.

⁴ «*Подножный корм*» — образное выражение, т. е. то, что может быть добыто на месте работ и употреблено в пищу — звери, птица (дичь), рыба, ягоды, плоды растений.

⁵ *Чага* — березовая губка, трут, нарост на стволе.

⁶ *Совик* — верхняя одежда у зырян и самоедов, сшитая из плотной шерстяной материи, без застежек, с капюшоном, надевается через голову.

⁷ *Пермские красно-бурые песчаники* — горная порода пермского геологического возраста, последнего периода палеозоя.

⁸ *Мочажины* — понижения между кочками и грядками, заполненные водой или жидкой грязью, образовавшиеся в результате оттаивания слоя мерзлоты (при слабой теплопроводности и гигроскопичности мхов) или при выходах грунтовых вод.

⁹ *Ходырей* — зырянское и самоедское название песчаногравийных холмов, закрепленных кустарниковой, лишайниковой и древесной (шпалерной) растительностью; аналогичные формы, но развеваемые ветром называются яреями.

¹⁰ *Ерсей* — зырянское и самоедское название небольших вытянутых между грядами и буграми озерков, образовавшихся от таяния верхнего слоя вечной мерзлоты.

¹¹ *Сфагновый мох* — произрастает на торфяных болотах, имеет длинный тонкий стебель, который ежегодно увеличивается, а из отмерших нижних частиц стебля и маленьких листочков образуется торф, мох очень гигроскопичен и не теплопроводен.

¹² *Дымокур* — маленький костер из хвой и других органических веществ, которые медленно горят, но сильно дымят и чадят, защищая людей и животных от гнуса (комаров, мошки).

¹³ *Куртина* — островок, группа одного типа растительности среди другой, например: колки в степях, группы деревьев в лесотундре и т. п.

¹⁴ *Момга* — зырянское и самоедское название сильно уплотненной торфянистой массы, образующей высокие бугры и гряды (иногда ее называют черной землей) в заболоченной тундре.

¹⁵ *Ворга (вёрга)* — оленья тропа или дорога, по которой олениводы совершают переезды и перегоны стад с одного пастбища на другое в направлении от взморья к Печоре (осенью) и обратно (весной).

¹⁶ *Приглубый* — берег при глубине с крутым спуском в глущину.

Последний маршрут

¹ *Вёдро* — хорошая, погожая, солнечная и ясная погода, без осадков.

² *Щука* — особый вид плота, в котором бревна сплочены не плотно и уложены с продольным перекрытием до половины или одной трети ниже лежащего ряда; сплав щукой производится по течению на короткие расстояния.

³ *Боровина* — обычно сухое и песчаное возвышенное место, где растет высокий сосновый лес — бор.

⁴ *Озовая гряда*, или *оз* — длинная узкая гряда или вал, сложенный песками и мелким гравием, отложенными ледниковыми и подледниковыми потоками.

⁵ *Кочкарное и бугристо-грядовое сфагновое болото* — болото, поверхность которого образуют кочки, бугры и гряды (микроформы) из торфяников, богатых отмершими частицами растений, главным образом сфагновых мхов.

⁶ *Окна* — так называют провальные места на болотах, образовавшиеся в пустотах торфяников и заполненные жидкой кашицеобразной грязью.

⁷ *Увалы* — рельеф, представляющий собой вытянутое в одном направлении поднятие с пологими склонами и расчлененное поперечными долинами на отдельные холмы.

⁸ *Плакорные формы* — слабо всхолмленные (полого волнистые) не резкие формы рельефа, сглаженные и выравненные.

⁹ *Дернина* — дерновина, или дерн, вид грунта, в котором почвенный слой скрепляется и уплотняется корневищами растений, обычно злаков.

¹⁰ *Суходольные луга, или суходолы* — пологие лощины и ложбины без воды (сухменные угодья) с разнотравной растительностью.

¹¹ *Дожинки* — точнее отжинки, т. е. праздник в честь окончания жатвы.

¹² *Отмолоты* — праздник после молотбы.

¹³ *Наколоть точку* — сделать на аэроснимке тонкой иглой накол и с обратной стороны обвести прокол кружком, так отмечаются места, хорошо опознаваемые — видимые на снимках и в натуре — перекрестки дорог, устья рек и другие.

¹⁴ *Анероид* — прибор (металлический барометр) для измерения атмосферного давления и температуры воздуха, употребляется также для приближенного определения относительных и абсолютных высот точек рельефа местности.

¹⁵ *Бароотметка* — высота точки на поверхности земли, полученная анероидом, т. е. барометрическим способом (измерением атмосферного давления в данной точке).

¹⁶ *Сфагновые сосняки* — растительное сообщество из сфагновых мхов и сосен.

¹⁷ *Зимничек* — или зимник, неторная дорога, по которой ездят только зимой по снегу.

¹⁸ *Нивелировка* (нивелирование) — определение относительных и абсолютных высот точек земной поверхности; в данном случае имеется ввиду геометрическое продольное нивелирование.

¹⁹ *Тахеометрия* (скороизмерение) — быстрое измерение углов, длин линий и превышений, производится специальным геодезическим инструментом теодолитом-тахеометром.

²⁰ *Горизонталь изолиния* — линия, соединяющая точки равной

высоты, иначе след сечения земной поверхности уровенной поверхностью.

²¹ *Широтная просека*,—т. е. просек, идущий вдоль параллели с запада на восток.

²² *Ледянка* — зимняя лесовозная дорога с ледяным покрытием.

²³ *Выскеры* — вывороченные с землей корневища опрокинутых ветром или пожаром деревьев (сибирское).

²⁴ *Кемарить* — дремать, полубодрствовать, полуспать.

²⁵ *Прогон* — дорога, огороженная с обеих сторон забором, по которой прогоняют скот на пастбище и обратно.

²⁶ *Тушница* — мелкая стеклянная посуда для натирания туши и хранения во время черчения.

«Детский сад»

¹ *Высотные ходы*,— т. е. нивелирные, во время которых делается определение высот точек земной поверхности.

² *Дешифровать аэрофотоснимки* — значит раскрыть все то, что на них изобразилось, делается это путем сопоставления фотографического изображения с натурой и при накоплении опыта камерально.

³ *Вырубка леса кулисами* — особая система ведения лесного хозяйства, при которой лес вырубается не на всей площади, а небольшими делянками внутри кварталов; вырубки чередуются с лесами, оставленными для возобновления древостоя.

⁴ *Сапропели* — гнилой ил, который откладывается на дне стоячих водоемов, богатых микроорганизмами и планктоном.

⁵ *Записатор* — должность или рабочее место человека, который ведет запись угловых и линейных измерений в специальном журнале при производстве различных геодезических и топографических работ.

⁶ *Теодолит* — оптический инструмент для измерения горизонтальных и вертикальных углов и расстояний между точками, расположенными на земной поверхности.

⁷ *Рейка передняя и задняя* — деревянный трехметровый или четырехметровый брус, на котором нанесены деления (к которому прикреплены шкалы с делениями); одна ставится на переднюю по ходу точку, другая на заднюю по ходу точку.

⁸ *Поверить* — значит произвести тщательный осмотр и юстировку частей инструмента с целью установления его пригодности к работе.

⁹ *Вычислять спереди* — как известно, в школах при складывании и вычитании многозначных чисел это делают начиная с единиц, при геодезических работах — в обратном порядке.

¹⁰ *Визир* — узкий просек, который на местности отмечается колышками и затесками на деревьях, или направление, по которому проходят местность напроглядь.

¹¹ *Снетковый сущик* — сушеная, вяленая рыба, в данном случае сущик из снетка.

¹² *Супонь* — скрученный ремень, которым стягивают клешни у комута под шеей лошади.

¹³ *Седёлка* — род небольшого седельца для оглобельной упряжки.

¹⁴ *Кислица* — низенькое травянистое растение с широкими округлыми листьями, кислыми на вкус, цветет мелкими белыми цветами, произрастает в еловых лесах, образуя сообщество ельников-кисличников.

¹⁵ *Хопёр* — сваебойная бабка, напоминает буровую вышку и геодезический сигнал.

¹⁶ «*Передняя, качай*» — команда, которая подается наблюдателем у инструмента при геометрическом нивелировании в том случае, если рейки без уровней и отвесов.

Ночевка на Щелкучем

¹ *Превышение* — разность высот между двумя точками, расположенными на поверхности земли.

² *Кондер* — исковерканное слово кондир, различной формы фигурки, приготовленные из сахарного сиропа с пряностями, которыми украшают торты и другие блюда; в данном случае образное название густой похлебки из пшена с дичью.

Пожар

¹ *Рассоха или разошина* — одна из вершин (распадков) долины ручья или реки, глубоко врезаемая в твердые горные породы с крутыми склонами, поросшими лесом, обычно безводная или с пересыхающим ручейком.

² *Пал* — стелющийся по земле в хвое и мхах едва заметный огонь, от которого может вспыхнуть пожар.

³ *Формация леса* — тип древесной лесной растительности, геоботаническая таксономическая единица, в которой главным признаком является лесообразующая порода — сосна, береза и т. п.

⁴ *Хребтина* — местное сибирское название наиболее возвышенной приводораздельной полосы на междуречьях.

⁵ *Обочина* — полоса вдоль дороги, обычно между проезжей частью и канавами.

⁶ *Бурундук* — маленький, в серую и желтую полоску зверек из семейства грызунов.

⁷ *Трапповый утес* — название отвесных высоких скал, сложен-

ных основными излившимися горными породами — базальтами разного возраста.

⁸ *Бочаг* — небольшое глубокое место в мелком ручье, округлой и удлиненной формы.

⁹ *Хвоц* — влаголюбивое спороносное растение с мутовчатым расположением игольчатых листьев, иногда называют густяником.

¹⁰ *Ботало* — особый род колокольчика, сделанного из толстого листового металла, реже литой, его подвешивают коровам и лошадям, чтобы их легче было найти на лесных выгонах.

¹¹ *Сохатый* — лось, обычно мужского пола.

¹² *Ичаги (ичиги)* — легкая обувь, сшитая из мягкой кожи, навыворот, напоминает индийские мокасины и бродни, но с короткими голенищами.

¹³ *Зеленомошная тайга* — тип еловых лесов, в нижнем ярусе которых растут зеленые (гипновые) мхи.

¹⁴ *Релка (рёлка)* — грива, гряда, разделяющая лощины, овраги, пониженные или ровные места.

¹⁵ *Падь* — сибирское название глубоких, с крутыми залесенными склонами и плоскими днищами балок.

¹⁶ *Колонок* — небольшой хищный зверек, из шерсти которого изготавливают колонковые кисти.

¹⁷ *Вейник* — высокий злак с пушистой метелкой и длинными ланцетными листьями, растет на опушках и в редкостойных лесах.

¹⁸ *Медвежьи гачи* — части задних ног медведя, от колен до таза, обрастающие к зиме длинной и густой шерстью.

На порогах Чуны

¹ *Гидролог* — специалист в области изучения круговорота воды в природе на земном шаре, изучает свойства водных бассейнов, морей, озер, рек и наземных вод.

² *Шивера* — такое место на реке, где нет ясно выраженного порога (уступа) в русле; он сглажен или на большом протяжении прикрыт камнями, от этого и волны и скорость движения воды в шивере значительно меньше, чем в пороге.

³ *Быстёр* — такое место течения воды в реке, которое от обычного отличается большей скоростью, чаще это полоса вдоль строения.

⁴ *Неокоренные и окоренные бревна* — бревна, с которых не снята древесная кора и бревна, с которых древесная кора удалена.

⁵ *Поперечные переводы* — толстые бревна, которые укладывают-

ся поперек плота в его корме и носу, а к ним прикрепляются все остальные продольные бревна, частично погруженные в воду.

⁶ *Зарубы* — вырубленные топором в веслах и в козлах углубления, заменяющие уключины.

⁷ *Геологический компас* — отличается от обычного специальным устройством для измерения направления простирания и падения слоев горных пород разного возраста и состава.

⁸ *Геоморфолог* — специалист в области изучения форм рельефа земной поверхности и их происхождения.

⁹ *Картограф-полевик* — специалист по составлению карт крупных и средних масштабов, которые составляются по материалам полевых геодезических работ и съемок.

¹⁰ *Обнажение* — выходы на поверхность геологических пород, лишенных почвенного и растительного покрова.

¹¹ *Елань* — прогалина, луговина среди леса, встречается на древних речных террасах, реже на склонах долин.

¹² *Займка* — место, занятое под хозяйство с угодьями и избой, обычно удаленное и отделенное от общинных земель (заимствованное у леса и елани).

¹³ *Станок охотничий* — маленький бревенчатый склад для хранения добычи (шкур, рыбы, мяса), охотничьих припасов и рыболовных снастей, иногда пищи.

¹⁴ *Венцы лиственничные* — бревна, врубленные одно в другое концами накрест образуют венец, а венцы образуют стены строения; в данном случае бревна из сибирской лиственницы.

¹⁵ *Пестроцветная толща кембрия* — слои горных пород разных цветов, составляющие толщу одного возраста — кембрия (палеозоя).

¹⁶ *Падун* — то же, что водопад.

Ошибка

¹ *Автострада* — дорога, предназначенная для непрерывного движения многотонных автомашин с повышенными скоростями.

² *Эклиметр* — прибор для определения углов наклона земной поверхности.

³ *Засечка на себя* — особый прием для измерения расстояний и углов между двумя точками, по которым определяется местоположение третьей точки.

⁴ *В угор* — пологий подъем по склону перед горой (у гор).

⁵ *Жакан* — род охотничьей пули, которая, попадая в цель, расщепляется (разрывается), образуя большое отверстие или рану.

⁶ *Накидной монтаж* — монтаж аэроснимков вдоль полетных маршрутов на определенную площадь по изобразившимся на сним-

ках идентичным объектам местности, при этом снимки прикрепляются к стене, полу или листам фанеры кнопками или грузиками.

⁷ *Стратиграфические толщи* — пласты горных пород, размещенные на территории в последовательном возрастном порядке (расположение горных пород разного возраста и состава).

⁸ *Адсорбция* — поглощение газообразных или растворенных веществ поверхностями твердых тел, в данном случае образное выражение в смысле отбора ненужных образцов.

⁹ *Метаморфизованные породы* — существенно измененные действием воды, высокой температурой и давлением.

«Жуки»

¹ *Геодезия* — землеразделение, наука, изучающая геометрическую форму и размеры Земли методами различного рода измерений для составления профилей, планов и карт.

² *Теодолитный ход* — или полигон, ломаная линия, многоугольник, закрепленные на местности в точках поворота опознавательными знаками, между которыми углы измерялись теодолитом.

³ *Прокладка хода* — совокупность действий, во время которых производятся на местности измерения углов, расстояний и высот между точками земной поверхности и закрепление их опознавательными знаками — кольями, вехами и другими.

⁴ *Реечник* — рабочее место человека, в обязанность которого входит носить, ставить и держать рейку во время прокладки хода.

⁵ *Буссоль* — усовершенствованный компас.

⁶ *Голец* — округлая, сглаженная денудацией горная вершина, почти лишенная почвенного и растительного покрова.

⁷ *Нивелир* — геодезический инструмент для определения превышений горизонтальным лучем визирования, — геометрическим нивелированием.

⁸ *Барометр-высотомер* — так раньше называли обычные anerоиды (металлические барометры), позднее так стали называть усовершенствованный высотомер, сконструированный впервые Д. И. Менделеевым.

⁹ *Фотоплан* — одномасштабное фотографическое изображение местности, полученное в результате монтажа на жесткой основе (алюминий, фанера) приведенных к одной горизонтальной плоскости снимков; монтаж производится по точкам геодезической основы, нанесенных на жесткую основу по координатам.

¹⁰ *«Моховая подушка»* — так топографы (реже ботаники) называют сплошной покров из гигроскопичных сфагновых мхов, образующих мягкую дернину.

¹¹ *Невязка* — так геодезисты называют фактическую сумму слу-

чайных ошибок в измерении высот, длин линий и углов, которыми всегда сопровождаются измерения; в данном случае высотная невязка выражена в метрах, сантиметрах и миллиметрах.

¹² *Шрапнель* — образное название недробленой перловой крупы.

¹³ *Репер* — особый геодезический знак (сооружение) на местности или на здании, высота которого имеет абсолютную отметку (высоту над принятой в данном государстве уровенной поверхностью).

¹⁴ *Нивелирные ходы* — высотные ходы, прокладываемые нивелиром.

¹⁵ *Верньер* — приспособление или часть угломерных инструментов, предназначенная для измерения углов с точностью до малых долей градуса, минут и секунд.

¹⁶ *Разброска допустимых невязок* — распределение невязок по частям на все точки хода. Предельные или допустимые невязки (ошибки), такие, которые не превышают определенного предела и встречаются при определенной системе измерений редко — 0,7%. Если невязка больше предельной, то в измерениях есть грубые промахи.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
На сплаве	3
Неприкосновенный запас	15
Последний маршрут	36
„Детский сад“	57
Ночевка на Щелкучем	77
Пожар	86
На порогах Чуны	99
Ошибка	119
„Жуки“	129
Пояснения слов и терминов	163

Савва Александрович Иванов

БЕЗ ДОРОГ

Редактор *С. Я. Проходцева*
Художественный редактор *Т. И. Алексеева*
Технический редактор *С. М. Кошелева*
Редактор карт *З. А. Киселева*
Корректор *В. Ф. Журавлева*

Т-03981. Сдано в производство 30/I—58 г. Подписано в печать 1/VII—58 г.
Формат $84 \times 103/32$. Физических листов 5,5. Печатных листов 9,02
Издательских листов 9,04. Тираж 40 000. Цена 2 р. 75 к. Зак. 1105.

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15, Географгиз

Отпечатано с готового набора I-ой Образцовой типографии
им. А. А. Жданова в 15-й типографии «Искра революции»
Мосгорсовнархоза. Москва.

ПРИБРЕТАЙТЕ КНИГИ О ПУТЕШЕСТВИЯХ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЯХ!

Ф. Ф. Беллинсгаузен. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света (1819—1821 гг.). Под редакцией, со вступительной статьей и примечаниями Е. Е. Шведе, 22,5 печ. листа, 20 000 экз., 1949, ц. 12 р. 30 к.

Книга представляет собой описание плаваний русских моряков в Антарктике и вокруг света в 1819—1821 гг. под командой Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева. «Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане...» — замечательный в истории отечественной географии труд, доказывающий приоритет русских в великих географических открытиях в Антарктике. На страницах книги рассказывается о трудностях плавания во льдах, о героизме и искусстве русских моряков, открывших в суровых водах Антарктики южный материк — Антарктиду и, кроме того, множество островов близ Южного полярного круга.

Написанная простым языком, книга доступна и интересна широким кругам читателей.

Книга иллюстрирована фотографиями с рисунков участника плавания художника Михайлова. Имеется карта плавания кораблей экспедиции.

Дневные записки П. К. Пахтусова и С. А. Моисеева. 13,66 печ. листа, 10 000 экз., 1956, ц. 9 руб.

Дневники замечательного русского путешественника П. К. Пахтусова и его помощника С. А. Моисеева, которые они вели во время экспедиций на Новой Земле в 1832—1839 гг. Эти материалы, представляющие ценный вклад в русскую классическую географическую литературу, повествуют о служении русских моряков науке, о их беспримерном труде в суровых условиях Арктики.

Книга читается с большим интересом. Рассчитана на географов, историков, преподавателей географии, студентов географических факультетов.

Р. Пири. Северный полюс, изд. 2-е, предисловие В. Ю. Визе, 12,25 печ. листа, 20 000 экз., 1948, ц. 5 р. 10 к.

Автор книги рассказывает о своем путешествии к Северному полюсу, о методах организации и проведения арктических экспедиций и дает картины природы Арктики. Вступительная статья В. Ю. Визе помогает читателю составить правильное представление о личности Р. Пири как талантливого рекордсмена, далекого от научных целей, свойственных русским исследователям Арктики.

Рассчитана на широкие круги читателей.

Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Зароскина в Русской Америке в 1842—1844 гг., 30,74 печ. листа, 15 000 экз., 1956, ц. 19 руб.

Записки русского путешественника, который первым из европейцев посетил глубинные районы Аляски и составил красочное описание природы американского Северо-запада в бассейнах рек Юкона и Кукоквима, а также хозяйства, промыслов, быта, обычаев индейских и эскимосских племен, населявших Аляску. Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся историей географических открытий и исследований.

Фритъоф Нансен. «Фрам» в полярном море, ч. I, 24,37 печ. листа, 100 000 экз., 1956, ц. 9 р. 65 к.

Переиздание книги известного норвежского исследователя Арктики, выдающегося ученого и путешественника Фритъофа Нансена. Автор живо и увлекательно описывает свой знаменитый дрейф на судне «Фрам», во время которого был пересечен с востока на запад Северный Ледовитый океан. Книга рассказывает о неимоверных трудностях и приключениях, сопровождавших отважных путешественников во время их длительного плавания.

Книга рассчитана на массового читателя.

Фритъоф Нансен. «Фрам» в полярном море, ч. II, 24,37 печ. листа, 100 000 экз., 1956, ц. 9 р. 65 к.

Продолжение книги Нансена о его путешествиях по Арктике. Книга рассчитана на массового читателя.

Эти книги продаются в местных магазинах. В случае их отсутствия направляйте заказы по адресу:

Москва, Энергетическая ул., д. 8, корп. 2.

Магазин № 104 Москниготорга, отдел «Книга — почтой».

2 р. 75 к.

ГЕОГРАФИЗ